

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ"

Р.Э. Герман

СОВРЕМЕННЫЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ
И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ:
ПРИЧИНЫ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

СТАВРОПОЛЬ

СТАВРОПОЛЬ
издательство
2018

УДК 327.56+94(075.8)
ББК 66.0
Г 38

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ГБОУ ВО "Ставропольский государственный педагогический институт".

Рецензенты:

*Е.В. Галкина, доктор политических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет*

*В.Н. Гончаров, доктор философских наук, профессор,
Ставропольский государственный педагогический институт*

Герман, Р.Э.

Г 38 **Современные внутригосударственные и межгосударственные конфликты: причины, современное состояние, перспективы урегулирования** : учебное пособие [Текст] / авт.-сост. Р.Э. Герман. – Ставрополь : Ставролит, 2018. – 156 с.

ISBN 978-5-907161-01-6

УДК 327.56+94(075.8)

ББК 66.0

В учебном пособии рассматриваются современные внутригосударственные и межгосударственные конфликты, причины их возникновения, современное состояние, перспективы урегулирования. Каждый раздел сопровождается вопросами и заданиями, направленными на контроль усвоения изученного материала, а также списком использованной при подготовке текста и рекомендуемой для изучения литературы. Автором в структуру пособия сознательно не включены разделы (главы), касающиеся конфликтов в Восточной Украине и в Сирии, так как данные конфликты в настоящее время не относятся к числу завершённых и по данной причине не могут стать объектом системного анализа.

Издание предназначено для студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 "Педагогическое образование" (с двумя профилями подготовки), профили "История" и "Обществознание", а также учителей истории и обществознания.

© Герман Р.Э., 2018
© Ставропольский государственный педагогический институт, 2018
© Издательство "Ставролит", 2018

ISBN 978-5-907161-01-6

Предисловие

Несмотря на прилагаемые международным сообществом колоссальные усилия по поддержанию мира, формирование систем коллективной безопасности (поддерживаемых ресурсами военно-политических блоков времен холодной войны, перефилированных сегодня под решение задач миротворчества) и стремительную эволюцию стратегических концепций и доктрин миротворческих операций, современный мир продолжает погружаться в состояние глобальной нестабильности. Признаком нарастающего хаоса в международных отношениях становятся международные конфликты, число которых по всему миру неуклонно растёт. При этом происходит непрерывная эволюция самих конфликтов, в ходе которой усложняется их внутренняя структура и возникают новые формы (цивилизационные, этнополитические, этноконфессиональные и др.), мало подверженные воздействию традиционных инструментов политического регулирования.

Как объекты внешнего управления, современные международные конфликты демонстрируют слабую восприимчивость к традиционным институциональным методам воздействия (включая силовое давление) и, напротив, откликаются на инструменты, оказывающие прямое воздействие на сознание участников, их системы ценностей, культурные и цивилизационные представления. В этих условиях важнейшим фактором воздействия на ход развития и разрешения международных конфликтов становятся технологии внешнего информационно-психологического управления, которые сегодня применяются субъектами международных отношений в рамках собственных, исторически сформировавшихся культурно-цивилизационных моделей управления конфликтами. Таким образом, на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия.

В профессиональной деятельности учителя истории и обществознания владение современными знаниями и представлениями о международной и внутригосударственной конфликтной повестке дня существенно актуализирует преподавание курсов истории (как отечественной, так и зарубежной) и обществознания. Кроме того, изучение современных конфликтов в контексте вышеуказанных дисциплин несет в себе важный воспитательный компонент, а именно, формирование гуманистических взглядов, осознание ценности каждой человеческой жизни.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Значимость изучения политических процессов, конфликтов и политики в целом, объясняется тем, что их влиянием пропитана каждая область общественной жизни. Известно, что сфера политических отношений более других подвержена конфликтам, поскольку она определяется той или иной системой властных отношений, представляющих собой отношения господства и подчинения. Говоря словами П. Бурдьё, политическое пространство – это арена борьбы индивидов и групп, занимающих различные позиции, за определенный капитал (материальные ресурсы, власть, престижные блага и ценности) [12].

Многообразие конфликтов, их многоликость породили множество подходов к их изучению. Политический конфликт, как особую разновидность конфликта, логично рассматривать в рамках политологии. Но здесь возникает ряд сложностей. Так, авторы учебников по политической конфликтологии по-разному видят роль политологии в развитии этой науки. Многие из них вообще не выделяют отдельно вклад политических наук, рассматривая конфликт в обществах лишь в рамках социологии, указывая политологию в скобках, как часть социологии [15]. Те же, кто склонен разделять роль политологии и социологии, в основном придерживаются одинакового понимания политики. Так, К.С. Гаджиев считает, что "феномен политического находится между

двумя крайними интерпретациями. Одна из которых рассматривает политику всецело как результат столкновения конфликтующих интересов, а вторая – как систему управления порядком и обеспечения справедливости в интересах всех членов общества" [3, с. 94]. Само понятие "политика" нередко определяется как борьба субъектов, преследующих несовместимые интересы и цели, результатом которой становится утверждение определенного правового порядка. Тем не менее авторы учебников заявляют, что в современной политической науке сложно выделить чисто конфликтологические теории. Правомернее говорить о взглядах политологов на роль конфликтов в обществе, на управление политическими конфликтами. А.И. Шипилов выделяет политологические исследования конфликта, которые связаны со следующими направлениями:

- теории элит (Р. Михельс, Г. Моска, В. Парето);
- теории групп интересов (А. Бентли, Д. Трумен);
- теории насилия (Ж. Сорель, Ф. Оппенгеймер);
- теории политической стабильности (Дж. Блондел, Д. Истон, С. Липсет, Сандерс);
- этнополитические теории (И. Геккер, Т. Нейрн, Дж. Ротшильд) [16, с. 13].

Рассмотрим каждое из этих направлений с целью определить эвристические возможности политологии в анализе политических конфликтов.

Теория элит анализирует конфликт в связи с деградацией управляющей элиты, которая преодолевается в революционных изменениях. Так, классик теории элит Гаэтано Моска пишет: "даже если недовольство масс приведет к свержению правящего класса, мы неизбежно обнаружим ... другое организованный меньшинство, которое возьмет на себя миссию правящего класса" [19]. Моска подчеркивает неотъемлемый характер конфликта и его позитивные функции, связанные с обновлением общества. Тем не менее само определение конфликта Гаэтано Моска не использует вообще. Хотя из его работ можно сделать вывод о том, что конфликт тесно связан с взаимоотношениями между элитами – старой и новой: "речь идет о самом настоящем состязании, но не столь диком и жестоким, а о борьбе за первенство" [19].

Еще одна классическая работа по теории элит Вильфредо Парето также не заостряет внимания на концептуализации понятия "конфликт", но он явным образом присутствует в его работах: "движущей

силой процесса циркуляции элит является воля к власти более молодой и энергичной элиты" [24]. У Парето, в отличие от Моски, конфликт между старой и новой элитами неизбежен, тогда как Моска предполагает возможность мирного перехода.

Роберта Михельса конфликт перемещается из сферы межэлитных взаимодействий в сферу борьбы массы и элиты: "когда же завязывалась серьезная борьба между лидерами и массой, первые всегда брали верх при условии сохранения единства" [18].

Весомый вклад элитистов в теорию конфликта заключается в том, что, помимо неизбежности конфликтных взаимоотношений, подчеркивается и важная позитивная функция конфликта: через конфликт происходит обновление элиты и общества в целом, что делает развитие стабильным и здоровым.

Важное место в процессе общественного развития отводил политической борьбе и насилию французский социолог и философ Жорж Сорель. Он рассматривал насилие как основополагающую форму правления и высшее творческое начало в истории. В изданной в 1907 г. книге "Размышления о насилии" [28] им разработаны ключевые в его социально-политических построениях понятия мифа насилия. Ж. Сорель трактует миф как объединяющий и побуждающий к действию эмоционально-психологический императив, основанный на вере. К числу подобным образом понимаемых мифов Сорель относил идеи таких крупных социальных конфликтов, как революция и всеобщая забастовка. Социальные политические конфликты в его теории оказываются признаком иррационального характера общества и истории, они отрицают идею социального прогресса утверждают стихийное, иррациональное движение масс [6, с. 16-19].

Несколько иного типа политическую концепцию конфликта разработывал Франц Оппенгеймер. Его интересовали преимущественно вопросы происхождения государства и особенности социальных процессов, протекающих в нем. По Ф. Оппенгеймеру, государство – это "правовой институт, насильственно навязанный одной группой людей – завоевателями – другой – завоеванным..." [20]. Государство могло возникнуть исключительно путем порабощения подчинения людей. Со времени его возникновения отношения между классами остаются, в сущности, неизменными. Изменяются лишь формы эксплуатации – от физического насилия до экономического и политического принуждения. "Примерно 5000 лет назад в связи с завоеванием неравенство

проникло в тело человечества, и вся последующая история является попыткой справиться с этой болезнью" [20].

Таким образом, концептуализируя понятие насилия, исследователи тесно связывают его с конфликтом. Насилие выступает источником конфликта, внося иррациональное начало в межгрупповые и межгосударственные отношения. Возможно, именно насилие является признаком того, что конфликт перешел в политическую плоскость.

Теория групп интересов, разработанная А. Бентли и развитая Д. Труменом, также основное место уделяет борьбе. Цитируя Артура Бентли, можно сказать: "политика состоит в том, что одни люди постоянно борются с другими за достижение и воплощение своих интересов, причем эта борьба ведется ими не в одиночку, а в группах, объединяющих их на основе общности интересов" [1]. Теперь это уже не борьба элит или элит и масс, а борьба групп интересов. Конфликт переносится из области элитных отношений, где сталкиваются интересы лучших, в область повседневного общения, где сталкиваются интересы каждого с каждым. Артур Бентли видит в конфликте групп интересов скорее негативное, дестабилизирующее явление, которое государство должно преодолеть: "если официальные группы (т. е. представительство в широком смысле) достаточно сильны, то они могут навязывать свое решение конфликтующим частным группам и способствовать таким образом установлению более или менее стабильного положения в обществе, т. е. того, что называется "законом и порядком"" [1].

Тогда как Дэвид Трумен в самом конфликтном существовании групп интересов видит залог стабильности общества: "такая групповая конкуренция, несмотря на всю ее остроту, в конечном счете не нарушает равновесия и даже способствует поддержанию стабильности существующей политической системы" [30]. Теория групп интересов привносит в теорию политического конфликта такое понятие, как "интерес". Именно интересы и их столкновения становятся движущей силой конфликта.

Теория политической стабильности рассматривает конфликт сквозь призму поиска факторов, стабилизирующих общественную систему. Так, в работах Дэвида Истона политическая система рассматривается как механизм формирования и функционирования власти в обществе по поводу распределения ценностей и ресурсов [10]. Автор видит причину возникновения конфликтов в обществе низкой поддержке населением системы. Истон также предлагает инструмент для предупреждения и предотвращения конфликтов, дестабилизирующих систему;

этот инструмент – обратная связь между системой и окружающей средой.

В типологии Ж. Блонделя основанием для разделения режимов на группы служит соотношение трех переменных:

- политической конкуренции (закрытый – открытый режим),
- структуры элиты (монолитная – дифференцированная),
- политического участия населения (включающее – исключяющее)

[5, с. 68].

Значение, которое может принимать каждая из переменных, способствует или, наоборот, не способствует стабильности в обществе, превращает конфликт цивилизованный или нецивилизованный. Необходимой предпосылкой стабильности общества Блондель называет включение масс в процесс принятия важных, политических решений [5].

Еще одной политологической теорией, рассматривающей конфликты сквозь призму стабильности общества, можно назвать теорию расколов Липсета и Роккана [17]. Каждый раскол, выделенный учеными, можно назвать и основным конфликтом, структурировавшим общество на тот момент: конфликт города и села, конфликт государства и церкви и конфликт между собственниками и рабочими. Каждый из этих конфликтов институционализировался в свою разновидность идеологии и сформировал соответствующие партии.

По мнению всех этих ученых, стабильными являются только те системы, которые имеют опыт перманентного состояния политической демократии и не имеют значительных оппозиционных движений. Поиски условий стабильности политических сообществ указывают на то, что авторы этих теорий рассматривают конфликт как негативное явление, с которым надо бороться.

Ряд авторов выделяют и этнополитические теории. Они появились в последней четверти XX в. Согласно концепции М. Гектера, внутренний колониализм предполагает подчинение периферийных культурных групп группами центра отчасти в результате неравномерной индустриализации территорий, то есть находящиеся в наиболее передовых регионах достигают господства над проживающими в менее развитых. Позже это может привести к возникновению национальных движений, как это имело место в некоторых европейских странах и Канаде в конце 60-х гг. [31]. Таким образом, эта теория выделяет колониализм как один из видов конфликтного взаимодействия. В концепции "неравномерного

развития" Т. Нейрна [31] этнонациональный конфликт – результат навязывания менее развитым районам страны образцов развитого центра.

Доминантное положение политических факторов в генезисе этнонациональных конфликтов представлено в этнополитической концепции профессора Колумбийского университета Дж. Ротшильда. В работе "Этнополитика" [25] он отмечает, что в ходе модернизации происходит политизация лидеров национального меньшинства, а следовательно, политизация всей социальной группы. Побудительным мотивом для начала этого процесса являются озабоченность сохранением этноспецифических черт и стремление мобилизовать их носителей в сплоченную группу.

Таким образом, авторы подчеркивают этничность как один из основных источников конфликтов в современном обществе.

Как мы видим, в современной политической науке сложно найти целостную теорию конфликта; различные исследователи концентрируют свое внимание на разных аспектах конфликтных взаимодействий, отмечая то позитивную, то негативную роль конфликтов в обществе. Но все они сходятся в одном – неотъемлемом характере конфликтов, пронизывающих все политические взаимодействия.

Политический конфликт является одним из видов социального конфликта. Поэтому ему имманентно присущи основные признаки социального конфликта [15]. В социологии и политологии существуют несколько подходов к трактовке социальных конфликтов. Один из них – поведенческий (бихевиористский) – определяет конфликт как социальный процесс, в котором индивид или группа стремится к достижению собственных целей путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к разным целям, но использующих для их реализации одни и те же средства.

Другой подход – структуралистский – определяет конфликт через противоречия, присущие социальной структуре. Социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, с неравенством их жизненных шансов, которые, в свою очередь, определенным образом влияют на формирование картины мира, то есть идеального образа будущего.

С точки зрения А.В. Глуховой [4], политический конфликт по отношению к социальному является понятием видовым. Поэтому, перед тем как обращаться политологическим теориям, рассмотрим подходы социологов к пониманию конфликта. В истории изучения конфликтов в рамках данной дисциплины выделяют три этапа.

1. Вторая половина XIX в. – социал-дарвинизм (Г. Спенсер и др.), описавший проявления социальной борьбы при столкновении интересов, унаследованные нормы и новые идеи, привлечшие внимание к проблеме конфликта, и марксистская теория, где классовый конфликт рассматривался без теоретического анализа его разнообразных поведенческих норм.

Герберт Спенсер сравнивал общество с биологическим организмом, каждый "орган" (социальный институт) которого выполняет определенную функцию и тем самым способствует функционированию всего общества Спенсер [29]. При этом социальные конфликты и революции Спенсер рассматривает как болезнь, как явление, разрушающее единство социальной системы. В соответствии с его концепцией состояние противоборства универсально. Закон конфликта, таким образом, выступает у него всеобщим и основополагающим законом.

Принципиально иных взглядов на социально-политическое развитие общества и на природу социально-политического конфликта придерживался выдающийся немецкий ученый Карл Маркс [6, с. 21]. В основу своего учения он положил разработанный им принцип исторического материализма, в соответствии с которым общество в своем развитии поэтапно проходит пять общественно-экономических формаций: первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. В трех средних формациях общество делится на два основных антагонистических по отношению друг к другу класса, между ними постоянно идет классовая борьба. Смена одной общественно-экономической формации на другую происходит в результате социальной революции. Поэтому состояние переменного социально-политического конфликта в классовом обществе Маркс считал вполне естественным и неизбежным явлением, а революцию – локомотивом истории.

2. Первая половина XX в. – функциональная теория конфликта (Г. Зиммель) и структурный функционализм (Т. Парсонс), ставивший задачу найти эффективные методики разрешения конфликтных ситуаций в организациях, на производстве. При этом конфликты оценивались как негативные процессы, сдерживающие развитие общества.

Георг Зиммель специально занялся разработкой теории конфликта, исходя при этом не только из ее социальной значимости, но и позитивной ценности как стимулирующего средства, фактора. Именно Зиммель ввел в научный оборот термин "социология конфликта". Его

работы в этой области признаны основополагающими. Среди них – фундаментальный труд "Социальная дифференциация". В нем обстоятельно проанализированы "чистые формы социализации", весь процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей. В ряду "чистых форм" значится и конфликт как одно из проявлений разногласия, объединяющего противоборствующие вместе с тем взаимосвязанные стороны, включая отношения между рабочим и предпринимателем, лицами наемного труда и владельцами капиталов.

По Зиммелю, социальное – это прежде всего и главным образом межиндивидуальные отношения. Через их призму следует анализировать как дифференциацию общества, так и повторяющиеся в людской среде процессы – такие, например, социальные формы, как контракт и договор, конфликт и сотрудничество, господство и подчинение, авторитет, адаптация и т. д. Конфликт, хотя является одной из форм разногласия, в то же время выступает интегрирующей силой, которая объединяет противоборствующих, способствует стабилизации общества, укрепляет конкретные организации [9].

Толкотт Парсонс уделял анализу конфликтных явлений большое внимание, но осуществлял их исследование с позиций интеграционного процесса с целью достижения общественного согласия. С этих позиций конфликт трактуется им как социальная аномалия, своего рода болезнь, которую необходимо преодолевать. Т. Парсонс формулирует ряд "функциональных предпосылок" стабильности общества, обеспечение которых позволяет сохранить социальную систему в рамках сложившихся норм и ценностных ориентаций, избежать социальных конфликтов и потрясений:

- удовлетворение основных биологических и психологических потребностей значительной части членов данного общества;
- эффективная деятельность органов "социального контроля", воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами;
- совпадение индивидуальных мотиваций с общественными установками, в связи с чем индивиды выполняют предписанные им обществом функции задачи [21].

Возможность конфликта, по Парсонсу, заложена в самом процессе социализации, в ходе которого человек оказывается приобщенным не только к способам функционирования социальной системы, но и к

нормам и ценностям соответствующей культуры. В конфликт могут перерасти несоответствие, определенная напряженность, складывающаяся при социализации между внутренними физиологическими потребностями организма и потребностями человека в социальных отношениях [21].

Вторая половина XX в. – теория позитивно-функционального конфликта (Л. Козер), конфликтная модель общества (Р. Дарендорф), общая теория конфликта (К. Боулдинг), рассматривавшая конфликт в виде категории, присущей всему живому и неживому миру, служащей базой для анализа любых процессов.

Благодаря трудам Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга и других авторов во второй половине XX в. конфликтологическая теория получает новый импульс и приобретает форму самостоятельной науки. Так, создатель теории "позитивно-функционального конфликта" американский ученый Л. Козер считал, что социальные конфликты не только неизбежны в любой социальной системе, но они к тому же выполняют ряд позитивных функций. Он пишет: "Конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для ее сохранения" [14].

Козер развивал идею Г. Зиммеля о конфликте как средстве достижения цели конфликте как цели; Козер вводит такие понятия, как "реалистический конфликт" и "нереалистический конфликт". Первый возникает тогда, когда между субъектами социального взаимодействия существуют реальные проблемы (объект конфликта), которые необходимо разрешить. Второй вид конфликта "возникает исключительно из агрессивных импульсов, ищущих выхода независимо от того, каков их объект... В этом случае выбор соперника не связан напрямую ни с проблемой, по которой идет спор, ни с необходимостью достижения определенного результата" [14].

По мнению Козера, поиск внешних врагов наиболее характерен для жестко структурированных социальных систем, которые "боятся" внутренних конфликтов. В открытых системах постоянное пересечение "разнообразных и разнонаправленных конфликтов" [14] способствует устойчивому функционированию системы.

Автор так называемой функциональной теории конфликта немецкий социолог и философ Ральф Дарендорф считает, что социальные конфликты обусловлены самой социальной структурой общества: различием социальных позиций и ролей, делением на правящих и управ-

ляемых, асимметричным распределением ресурсов и другим. По мнению Дарендорфа, антагонистические классовые конфликты, способные разрушить социальную систему, были характерны лишь для XIX в., а в современном индустриальном обществе происходит переход от классовой борьбы к институционализированному и регулируемому социальному конфликту [26].

Американский социолог К. Боулдинг создал свою концепцию общей теории конфликта. Суть ее заключается в том, что все конфликты имеют общие элементы, познавая которые можно регулировать конфликтную ситуацию. Боулдинг рассматривает конфликт в рамках бихевиористической теории. Под "стороной конфликта" он понимает "бихевиоральную единицу" [2] – семью, организацию, церковь, государство, идею, теорию и т.д. Причинами конфликтного поведения являются стимулы внешней среды, а побудительными мотивами – интересы людей. Боулдинг считает, что конфликтность заложена в самой природе человека, в его стремлении к доминированию и борьбе с себе подобными. Конфликт он определяет как "ситуацию соперничества, в которой стороны знают о несовместимости их возможных в будущем позиций и в которой каждая стороны стремится занять положение, несовместимое со стремлениями другой" [2].

Конфликт – это прежде всего феномен общественной жизни. Неудивительно, что наибольший вклад в его исследование внесли социологи. Социологи по-разному трактуют термин "конфликт", но в основном сходятся в том, что это столкновение двух и более субъектов социального взаимодействия. Тем не менее рассмотренные нами социологические подходы дают множество вариантов для трактовки этого понятия.

Так же неоднозначно трактуют понятие "социальный конфликт" и современные российские исследователи. С.В. Соколов определяет социальный конфликт как "открытую борьбу социальных субъектов, побуждаемую несовпадающими (различными или противоположными) интересами из-за каких-то благ" [27, с. 54]. Г.И. Козырев возражает, что "несовпадающие интересы, как правило, не вызывают конфликта. Если одному субъекту нравится собирать грибы, а другому ловить рыбу, то их интересы не совпадают и конфликтная ситуация не возникает. Но если оба они заядлые рыбаки и претендуют на одно и то же место у водоема, то в этом случае конфликт вполне возможен" [15, с. 107]. Очевидно, здесь правомерно говорить о несовместимых или взаимоисключающих интересах и целях сторон конфликта.

В.П. Пугачев определяет социальный конфликт как "основанное на реальных и мнимых противоречиях взаимодействие преследующих несовместимые, взаимоисключающие цели сторон, действия которых непосредственно направлены друг против друга и исключают взаимную выгоду" [23, с. 527].

Г.И. Козырев, анализируя различные трактовки социального конфликта, предлагает свое определение: "социальный конфликт – это открытое противоборство, столкновение двух и более субъектов (сторон) социального взаимодействия, причинами которого являются несовместимые потребности, интересы и ценности".

К сожалению, с определением политического конфликта все еще сложнее. А.В. Дмитриев и В.В. Латынов считают, что "политический конфликт – это противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей и знаний" [15, с. 37-38]. Сразу заметно, что такое определение носит общий характер и не отражает политической специфики. Чтобы определить, в чем специфика именно политического конфликта, нужно понять, что мы понимаем под политическим вообще. Различные исследователи исходят из самых разных определений политики, получая, соответственно, и различное понимание политического конфликта.

Многие социологи, в том числе и Г.И. Козырев, склонны рассматривать сферу социального как то, что охватывает все сферы человеческих отношений. Так, в учебнике "Политическая конфликтология" [15, с. 40] пишет, что это связано с тем, что экономические, политические и другие виды отношений возникают в разных сферах жизнедеятельности и по поводу определенного (частного) интереса. Социальные же отношения возникают в связи с комплексом интересов и потребностей. В них субъект представлен целостно и непосредственно, всеми своими сторонами, т.к. предметом социального является не определенная сфера жизнедеятельности, а сам человек. Таким образом, политика в данном подходе возникает на основе социального тогда, когда значительно усложняется социальная структура общества и обычными социальными методами регулировать отношения между большими общностями (группами, классами, сословиями) становится невозможно. В такой логике политический конфликт является более сложной формой социального. Козырев пишет: "Политический конфликт является одним из видов социального конфликта. Поэтому ему имманентно

присущи основные признаки социального конфликта" [15]. Ему вторит определение, данное В.П. Пугачевым: "Политические конфликты являются показателем глубины и зрелости социальных конфликтов, поскольку они обычно касаются вопросов, неразрешимых без использования государственной власти и затрагивающих интересы крупных общественных групп, а также предполагают сознательные и организованные действия их участников" [23, с. 527]. Таким образом, представители данного подхода определяют политический конфликт как "столкновение (противоборство) двух и более субъектов политики, причинами которого являются несовместимые политические интересы, цели и ценности, непосредственно или опосредованно связанные с политической (государственной) властью. Основным объектом политического конфликта являются власть и полномочия" [15, с. 107].

Таким образом, определение описательно и тавтологично. Схожие определения дают и другие авторы. По мнению А.Г. Здравомыслова, "политический конфликт есть постоянно действующая форма борьбы за власть в данном конкретном обществе" [7]. Д.П. Зеркин определяет понятие политического конфликта как "борьбу одних субъектов с другими за влияние в системе политических отношений ... за все то, что составляет власть и политическое господство" [8, с. 443].

В.Л. Калашников и С.Б. Лугвин считают, что "политический конфликт – это столкновение и противоборство политических субъектов, обусловленные противоположностью их политических интересов, ценностей, целей и взглядов" [11, с. 282]. По поводу данного определения Г.И. Козырев замечает, что противоположность интересов не всегда и не обязательно вызывает конфликт, тогда как их несовместимость часто приводит к конфликтам.

В.П. Пугачев и А.В. Ключев в своих определениях отражают такое понимание политики, как борьба за власть. Так, Пугачев пишет: "политические конфликты всегда затрагивают вопросы приобретения, формирования, использования или удержания власти" [23, с. 535]. По мнению Ключева, "борьба за реальные властные полномочия, за определенные позиции в политических структурах, за возможность принимать решения представляет собой основу политического конфликта" [13].

Но такое понимание политики и определение политического конфликта сужают сферу политического до внутренних конфликтов и мало отражают международные. Мы в своем определении политического

конфликта предлагаем отталкиваться от классического понимания политического, данного еще Шмиттом. Карл Шмитт субстантивирует прилагательное "политическое" и определяет политическое не через род-видовое отличие, а через критерии. Шмитт считает, что каждую сферу человеческой жизни можно описать через центральную ось, пару понятий. Так, экономическая сфера описывается понятиями "выгодно – невыгодно", моральная – понятиями "добро – зло", эстетическая – "красиво – некрасиво". Эту же логику он применяет к сфере политического. Здесь центральную ось описывают понятия "друг – враг". Таким образом, любой вопрос, будь он экономическим или социальным, может стать политическим, если он служит размежеванию людей на группы, которые каждый воспринимает как основание для разделения на друзей и врагов [12]. Интерпретируя Шмитта, можно сказать, что политическое предполагает выстраивание системы отношений между субъектами политики, где положение каждого определяется принадлежностью к группе "друг" или "враг". Таким образом, понятие "политический конфликт" должно отражать тот момент в этой системе, когда происходит переопределение сторон, когда старое отношение "друг – враг" меняется и появляется новое. Мы определяем политический конфликт как выход за существующую систему правил и отношений, специфичных для двух и более сторон, вызванный несовместимыми интересами и ценностями [12].

Кинаш Ю.С. предлагает свою типологию политических конфликтов, основанную на определении политического конфликта как выхода за существующую систему правил и отношений, специфичных для двух и более сторон. И так, Кинаш Ю.С. предлагает делить конфликты на следующие группы:

– конфликт, направленный на изменение сложившейся системы отношений. В качестве примера такого конфликта можно привести акции антиглобалистов. Антиглобалистское движение направлено против определенных аспектов процесса глобализации в ее современной форме – в частности, против доминирования глобальных транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций, таких как Всемирная торговая организация. Основной тезис антиглобалистов: нынешняя модель глобализации сформирована под покровительством мирового капитала и ведет за собой растущий разрыв в доходах, уровне потребления, здоровья, образования в странах "золотого миллиарда" и третьего мира. Этой модели глобализа-

ции противопоставляется иная: глобальное социальное творчество, совместное решение глобальных проблем, интернационализация, "сетевые структуры" по всему миру и т. д.;

– конфликт, направленный на навязывание новой системы отношений. Примером, опять же, может служить Иракская война (с 20 марта 2003 г. по 15 декабря 2011 г.) – военный конфликт, начавшийся с вторжения сил США и их союзников в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна. В 2002–2003 гг. американская администрация приняла большие усилия для того, чтобы доказать, что режим Саддама Хусейна представляет опасность для международного сообщества. Ирак обвинялся в возобновлении разработки оружия массового поражения и в сотрудничестве с международными террористическими организациями, прежде всего Аль-Каидой;

– конфликт, направленный на вступление в уже существующую систему отношений. Такого типа конфликты возникали в процессе вступления России в ВТО. В 1995 г. Россия начала переговоры по вступлению в Всемирную торговую организацию и завершила их только в 2012 г. Переговоры шли трудно, особенно с США, Евросоюзом и Китаем. Вступление России во Всемирную торговую организацию постоянно откладывалось и было связано со многими конфликтными ситуациями. Во многом это связано с тем, что ВТО – не просто организация, это принципиально другая система отношений, и вступление нового члена в организацию означает его согласие с принципами системы и необходимостью изменений внутри страны-кандидата, иначе это грозит изменением самой системы;

– конфликт, направленный на сохранение существующей системы отношений. Наиболее наглядный пример – это конфликты, направленные на сецессию. Так, например, война между Грузией и Южной Осетией и Абхазией. В этой ситуации Грузия пыталась и пытается до сих пор сохранить старую систему отношений, в то время как Южная Осетия и Абхазия пытаются из нее выйти;

– конфликт, направленный на выход из сложившейся системы отношений. Так, антиколониальные войны были направлены на разрушение сложившейся системы империй [12].

Типология не претендует на всеохватность; кроме того, некоторые конфликты могут принадлежать к нескольким видам политического конфликта сразу. Вместе с тем, отражены сущностные черты политического конфликта и создана типология, удобную для анализа. Досто-

инством типологии является отражение важной функции конфликта – актуализации групповой идентичности [12].

Политическая конфликтология – сравнительно молодая наука и еще не наработала свой арсенал в изучении конфликтов. Тем не менее изучение конфликта как явления общественной жизни имеет очень долгую историю. И хотя политическая наука лишь косвенно касалась этого вопроса, применение междисциплинарного подхода позволяет исследователям выделять основные черты политического конфликта:

- столкновение, противостояние двух и более субъектов политики;
- причиной столкновения являются власть и властные отношения;
- субъективным основанием для начала противостояния является осознание субъектами (субъектом) несовместимости существующих противоречий невозможности их урегулирования другими способами;
- противостояние предполагает действия, направленные друг против друга, т. е. реальную борьбу. Односторонние (безответные) действия (захват, порабощение, уничтожение) не являются конфликтом;
- политический конфликт – один из способов урегулирования, разрешения политических противоречий [12].

К этому списку черт также стоит добавить обязательное наличие в политическом конфликте отношений идентичности и такой признак политического в конфликтах, как выход за существующую систему отношений, специфичную для двух и более субъектов [12].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественного давления. – М., 2012.
2. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. – М. : Наука, 1969.
3. Гаджиев К.С. Политическая наука. – М., 1990.
4. Глухова А.В. Политические процессы : учебное пособие. – Воронеж, 2009.
5. Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб., 2001.
6. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2003.
7. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М., 1995.
8. Зеркин Д.П. Основы политологии: курс лекций. – Ростов-н/Д., 1996.
9. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Хрестоматия. Конфликтология. – М., 2003.

10. Истон Д. Политическая система. – М., 1953.
11. Калашников В.Л., Лугвин С.Б. Политология: учебное пособие для студентов высших и средних учебных заведений. – М., 2004.
12. Кинаш Ю.С. Концепт политического конфликта: попытка междисциплинарного анализа // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Вып. 3. – С. 59-71.
13. Ключев А.В. Человек в политическом измерении. – СПб., 2000.
14. Козер Л. Основы конфликтологии: учебное пособие. – СПб., 1999.
15. Козырев Г.И. Политическая конфликтология. – М., 2008.
16. Конфликтология в схемах и комментариях. – СПб., 2007.
17. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204-234.
18. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии. – Нью-Йорк, 1973.
19. Моска Г. Правящий класс // Социс. – 1994. – № 10. – С. 12.
20. Оппенгеймер Ф. Государство. – Нью-Йорк, 1919.
21. Парсонс Т. Социальная структура и социальное действие // Американская социологическая мысль. – М., 1996.
22. Политология. Курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд. – М., 2003.
23. Пугачев В.П. Политология: справочник студента. – М., 2001.
24. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди: политическая мысль первой половины XX века. – Пермь, 2011.
25. Ротшильд Дж. Этнополитика. – М., 2000.
26. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М., 2002.
27. Соколов С.В. Социальная конфликтология. – М., 2001.
28. Сорель Ж. Размышления о насилии. – М., 1907.
29. Спенсер Г. Социальная статика. – СПб., 1851.
30. Трумен Д. Управленческий процесс. – М., 1951.
31. Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. – М., 2000.

Вопросы и задания

1. Какая из рассмотренных выше теорий политического конфликта, на Ваш взгляд, обладает наибольшим когнитивным потенциалом?
2. Предложите свою классификацию теорий политического конфликта. Оформите ее в виде таблицы.

3. Напишите эссе на тему "Возможности /теории политического конфликта по выбору студента/ для изучения /современного конфликта по выбору студента/.

1.2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ, ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Конфликты как острый способ разрешения противоречий между двумя и более субъектами социального взаимодействия сопровождали всю историю человечества и, скорее всего, останутся в будущем. Согласно диалектике, бесконфликтное и непротиворечивое развитие любого социального организма невозможно в принципе. По афористичному утверждению одного из исследователей (Р. Ли), общество без конфликтов – мертвое общество.

В основе конфликтной ситуации – противоположные интересы, позиции и взгляды сторон. Это в полной мере относится и к международным конфликтам, генезис, протекание и разрешение которых изучается в рамках такого подвида науки, как политическая конфликтология.

Обыденное сознание нередко воспринимает конфликты как нечто негативное, дестабилизирующее. На самом деле конфликты могут играть как отрицательную, так и положительную роль. К негативным последствиям конфликтов относится то, что они:

- ведут к беспорядку и деструкции,
  - способствуют росту насилия,
  - их результатом являются большие материальные и моральные потери,
  - они создают угрозы для жизни и здоровья людей, приводят к человеческим жертвам [1].
- Однако конфликты выполняют и позитивные функции:
- они привлекают внимание к проблемам и заставляют искать выход из сложившейся ситуации;
  - позволяют более четко осознавать как свои, так и противостоящие им интересы;
  - содействуют получению информации о соотношении силового потенциала конкурирующих субъектов;
  - способствуют внутренней консолидации общества, укреплению единства нации, мобилизации внутренних ресурсов;

– помогают в реальности определить, кто друг и союзник, а кто враг и недоброжелатель [1].

Нередко конфликты, вызванные общественными потребностями, несмотря на большие издержки, в итоге приводят к позитивным результатам. Революции, справедливые войны, национально-освободительные движения, выкорчевывание негативных явлений внутри самих обществ – все это есть не что иное, как столкновение доходящих до конфликтной стадии интересов различных субъектов внутренней и внешней политики.

Понятие "конфликт" находится в смежном поле с понятием "кризис". Иногда их отождествляют, но чаще различают, стремясь выявить разницу. Как отмечает М. М. Лебедева, конфликтные отношения и действия нередко предшествуют кризису; последний характеризуется резким, внезапным ухудшением отношений. Неожиданность, быстрота и лавинообразность развития событий, их непредсказуемость и плохая управляемость – отличительные черты кризисной ситуации. Участники конфликта, достигнув кризисной точки, приходят к качественно иным отношениям.

Однако ситуация может развиваться и в обратном направлении: не от конфликта к кризису, а от кризиса к конфликту, в том числе вооруженному. К примеру, украинский кризис, начавшийся в 2013 г. как кризис власти и быстро приобретший международный характер, стал следствием столкновения интересов между различными социальными и этническими сегментами украинского общества, что привело к военному конфликту на юго-востоке страны.

Кризисы характерны для различных сфер общественной жизни, будь то экономика, финансы или политика. Многие из них затрагивают область международных отношений, но не обязательно сопровождаются конфликтами между странами. Более того, некоторые кризисы стимулируют сотрудничество. Так, кризисные явления в связке "человек – природа", проблемы изменения климата на планете подвигают разные страны, мировое сообщество сплотиться для нейтрализации общих для всех вызовов.

Применительно к рассматриваемой теме, конфликт становится апогеем кризиса, когда облекается в силовую, военную форму. Классификация военных/вооруженных конфликтов может осуществляться по разным признакам:

- числу участников – двусторонние, многосторонние;
- географическому охвату – локальные, региональные, глобальные;
- времени протекания – краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные;
- степени интенсивности – ожесточенные, умеренные, вялотекущие;
- по числу потерь [1].

По поводу масштабов военных конфликтов существуют разные точки зрения. Некоторые отечественные исследователи считают, что крупными конфликтами считаются те, в которых общее число погибших членов вооруженных формирований и гражданских лиц составляет не менее 1 тыс. человек в год. Военные конфликты с меньшим числом совокупных невозвратных потерь относятся к конфликтам меньшей интенсивности. Согласно методике, применяемой такой авторитетной организацией, как СИПРИ (Стокгольмский международный институт исследований проблем мира), в разряд вооруженных конфликтов относят ситуацию, когда число погибших составляет по меньшей мере 25 человек в отдельно взятый год. Конфликт, в результате которого в течение календарного года в ходе боевых действий погибло как минимум 1 тыс. человек, классифицируется в указанном году как война [3, с. 126, 128].

В основу других классификаций вооруженных конфликтов положены их предмет, движущие силы, интересы и цели участников. В таком понимании выделяются:

- территориальные конфликты, в основе которых лежат пространственные противоречия, имея в виду освобождение своих, захват чужих или борьбу за спорные территории;
- религиозные конфликты между сторонниками и противниками той или иной веры или внутри религиозных течений. История полна примеров конфликтов на почве вероисповедания: крестовые походы Средневековья, религиозные войны в Европе в XVI-XVII вв., борьба между суннитами, шиитами, алавитами и другими ветвями ислама в нынешних условиях;
- конфликты сепаратистского характера за отделение части того или иного государства и провозглашение независимости; ряд новых государств, возникших за последние десятилетия, возникли именно в результате сепаратистских движений;
- конфликты, возникающие по причине распада крупных полиэтнических государств, где во многих случаях границы проводились без учета региона проживания этноса, культурных и религиозных общин;

– межэтнические конфликты; отличаются особой жесточечностью, прежде всего там, где не сформировалась национальная идентичность племен и народов, прежде входивших в состав колониальных держав, например, в Африке южнее Сахары;

– конфликты, в основе которых лежит борьба за власть; в таких конфликтах повстанческие группировки борются за свержение неугодных режимов по идеологическим соображениям (к примеру, низложение буржуазных правительств левыми силами) или против деспотических, коррумпированных и неэффективных правителей;

– конфликты между государством (государствами) и террористическими группировками, действующими как внутри государства, так и объединенных в транснациональные структуры; так называемое "Исламское государство" (запрещено в России) действует не только в Сирии и Ираке, но и за пределами этих стран, стремясь создать всемирный халифат;

– конфликты между государствами с различным общественным укладом и ценностными установками; после окончания холодной войны развязывание таких конфликтов характерно для стран Запада, стремящихся с помощью "демократического империализма" сместить неугодные режимы (Ирак, Ливия, Сирия и др.) [1].

Предмет конфликта, то есть то, что лежит в его основе, далеко не всегда однозначен. По своим основаниям в одном и том же конфликте могут совмещаться религиозные, территориальные, исторические и другие аспекты, как, например, в многолетнем арабо-израильском конфликте.

Конфликты подразделяются на внутренние и внешние (межгосударственные, международные). Главный признак внутренних конфликтов в том, что в них основными участниками являются граждане одной страны. В международных конфликтах "классического" типа участвуют по меньшей мере два государства. С этой точки зрения они считаются межгосударственными. Понятие "международный конфликт" более широкое и в некотором смысле более расплывчатое, оно может включать в себя конфликт как межгосударственный, так и конфликт между другими акторами международной жизни – государственными и негосударственными. Если количество межгосударственных конфликтов в последние десятилетия идет на убыль, то этого не скажешь о международных конфликтах в их широком понимании.

В современных условиях все больше стирается грань между внутренними и внешними конфликтами. Во многих случаях во внутренних

конflikтах участвуют внешние силы. Это могут быть воинские формирования соседних государств, добровольцы и наемники из других стран, частные военные компании, боевики транснациональных террористических организаций. К тому же к разрешению крупных внутренних конфликтов нередко подключаются ведущие державы, многонациональные миротворческие силы ООН и других международных организаций, вопросы урегулирования конфликтной ситуации обсуждаются на представительных форумах глобального и регионального характера – и все это фактически интернационализирует почти каждый крупный внутренний конфликт, по сути, превращает его в международный [1].

Бесконфликтное развитие международных отношений вряд ли возможно, по крайней мере пока у субъектов этих отношений существуют разные, нередко противоположные интересы. В этом смысле конфликты могут протекать в различных сферах (экономической, социальной, политической и др.), охватывать различный круг участников, имея в виду государственных и негосударственных акторов, стороны конфликта могут руководствоваться различными ценностями, ставить перед собой разные цели. И, конечно же, важнейшее значение имеют способы разрешения конфликтов. Одни из них разрешаются мирно, другие носят непримиримый характер и в своем крайнем выражении обращаются в войны, где вооруженная сила становится последним аргументом наций.

Существуют различия между понятиями "война", "военный конфликт", "вооруженный конфликт". Последнее понятие – хотя и самое распространенное, но и самое неопределенное, под него может попасть даже уличная драка с применением любого вида оружия, перестрелка между двумя преступными группами и т.д. В вооруженном конфликте военных людей может и не быть, в то время как в войне и военных конфликтах обязательно участвуют военные.

Что касается войны и военных конфликтов, то они отличаются по ряду признаков.

Во-первых, война всегда преследует политические цели и всегда, под какими бы лозунгами она не проводилась, в конечном счете, имеет политические последствия. База военных конфликтов носит более частный характер, а цели, преследуемые сторонами, менее масштабны.

Во-вторых, война планируется и готовится, недаром говорят: "Хочешь мира – готовься к войне". Конфликт далеко не всегда планируется, он может произойти случайно или в силу стечения обстоятельств.

В-третьих, война, как правило, объявляется, военный конфликт просто фиксируется сторонами. Война, даже если она де-юре не объявлена, осознается как таковая мировым сообществом независимо от того, признается официально той или иной стороной или нет.

В-четвертых, война является состоянием всего общества, она кардинально меняет ситуацию в стране, предполагает перевод экономики на военные рельсы, мобилизацию всех сил и средств, введение режима военного времени. При военном конфликте чаще всего этого не требуется.

В-пятых, в отличие от военных конфликтов, войны оказывают существенное воздействие на всю международную ситуацию и нередко меняют геополитическую карту региона и даже всего мира, особенно это касается мировых войн, после которых устанавливается новый мировой порядок [1].

В результате Первой мировой войны погибли четыре империи (Австро-Венгерская, Германская, Российская, Османская), а версальско-вашингтонские договоренности перекроили политическую карту мира.

По итогам Второй мировой войны соглашения, достигнутые на Ялтинской и Потсдамской конференциях, возвестили крах стран "оси" и определили зоны влияния победивших государств, что впоследствии послужило основанием для раздела мира на два блока.

По окончании холодной войны (некоторые назвали ее "Третьей мировой"), никаких юридически обязывающих соглашений оформлено не было, хотя очевидны и победившие, и побежденные, как очевидной оказалась геополитическая катастрофа для одних и геополитический триумф для других.

В период конца 1940-х – до середины 1980-х гг. военные конфликты чаще всего происходили на периферии двух противостоящих друг другу военно-политических блоков, возглавляемых СССР и США, в основном в Азии, Африке, на Ближнем Востоке. Конфликты в странах, входивших или примыкающих к этим блокам, рассматривались как сугубо внутренние дела. Так трактовались события в Гватемале в 1954 г., Венгрии в 1956 г., Доминиканской Республике в 1956 г., Чехословакии в 1968 г., Польше в 1981 г. Одновременно значительная часть конфликтов в "третьих" странах стимулировалась и поддерживалась именно сверхдержавами, которые поставляли противоборствующим сторонам оружие, снаряжение, военных специалистов. Крупнейшими столкновениями, в которые так или иначе были вовлечены США и СССР, была

Корейская война 1950-1953 гг., война во Вьетнаме 1964-1973 гг., арабо-израильские войны, где каждая из сторон преследовала свои интересы [1].

Прямого военного противоборства обе сверхдержавы стремились всячески избегать, понимая, что иное грозит глобальной войной. После Карибского кризиса, поставившего мир на грань ядерной катастрофы, СССР и США осознали необходимость управления кризисами, не доводя их до стадии необратимого конфликта. В эпоху советско-американской конфронтации зародилось и получило развитие то, что было названо дипломатией кризиса. В период холодной войны, которую французский политолог Р. Арон охарактеризовал формулой "мир невозможен – война невероятна", дипломатия кризиса, управление кризисом успешно использовались не единожды, шла ли речь о Берлинском кризисе 1948 г., Суэцком кризисе 1956 г., Кубинском ракетном кризисе 1962 г., ситуациях в других регионах. Необходимость предупреждения, введение в определенное русло кризисов побуждало Кремль и Белый дом идти на сотрудничество, создать своего рода коалицию против ядерной войны.

После окончания холодной войны возникла эйфория по поводу наступления бесконфликтного развития на планете. Однако надеждам на спокойный мир и безопасность не суждено было сбыться. По мнению большинства исследователей, общая динамика конфликтности на нашей планете примерно такова: в конце 1980-х и начале 1990-х гг. произошел всплеск количества конфликтов, вызванных прежде всего распадом СССР и Югославии. С середины 1990-х гг. число конфликтов пошло на убыль и с конца прошлого века продолжало держаться примерно на одном уровне. Однако в последние годы наблюдается тенденция нарастания конфликтности в мире [1].

По данным ООН, в период с 1945 по 1992 г. свыше 100 основных конфликтов в мире унесли жизнь более 20 млн. человек. Уже после холодной войны произошли кровопролитные конфликты в ряде регионов планеты, особой жестокостью они отличались в Африке. Конфликт в Руанде, начавшийся в 1994 г. между племенами хуту и тутси и длившийся почти 15 лет, стоил жизни, по разным оценкам, от 500 тыс. до 1 млн. человек. В результате конфликта в Демократической Республике Конго (до 1997 г. – Заир), который назвали Великой африканской войной, от боевых действий, голода и болезней погибло несколько миллионов человек. Крупные конфликты с большим числом жертв про-

изошли в Судане (между арабским населением и африканскими племенами), Уганде, Либерии, Сомали, Кот-д'Ивуаре, Шри-Ланке и ряде других стран.

В ежегоднике СИПРИ опубликован глобальный индекс миролюбия (ГИМ) за 2014 г. Для международного исследования, осуществляемого Институтом экономики и мира в 162 государствах, привлекаются 22 количественных и качественных показателя из высоконадежных источников по трем категориям: степень безопасности и защищенности общества; участие во внутренних и внешних конфликтах; уровень милитаризации. За период с 2008 по 2014 г. ГИМ зарегистрировал последовательное ежегодное падение глобального уровня миролюбия. За указанный период лишь четыре показателя продемонстрировали улучшение, в то время как по 18 показателям наблюдался регресс [3, с. 154-159]. По итогам 2015-2016 гг. эти показатели, еще драматичнее, учитывают рост организованного насилия в мире за эти годы.

Конфликты полыхают на Ближнем Востоке, в Африке, на Украине, взрывоопасной остается ситуация в ряде других стран, в том числе на постсоветском пространстве, не уменьшается число замороженных конфликтов. Обстановка усугубляется активизацией международного терроризма, обострением социальной ситуации во многих государствах, нарастанием кризисных явлений в мире. Среди причин, вызывающих рост конфликтогенности в глобальном масштабе, можно назвать следующие:

– гегемонистские устремления США и их союзников построить мир в соответствии со своими представлениями и по своим лекалам, что встречает растущий отпор со стороны стран и народов, не желающих жить по навязанным правилам;

– нарастающие противоречия между основными центрами экономической, политической и военной силы – США, Россией, Китаем, Евросоюзом и другими крупными стратегическими величинами, у каждого из которых "своя правда", свои представления о справедливом и безопасном мире;

– эскалация международного терроризма, который превратился в глобальную угрозу миру и безопасности, его жертвами в 2015 г. стали граждане 92 стран. Транснациональный терроризм является не только спутником международных конфликтов, но и одним из его источников, недаром спровоцированные террористами военные действия в Ираке и Сирии уже назвали малой мировой войной;

– мощные миграционные потоки, новое "великое переселение народов", дестабилизирующие ситуацию в ряде стран и регионов и порождающих агрессивные фобии;

– деградация представлений о правилах "хорошего поведения" на международной арене, когда попираются или произвольно трактуются нормы и принципы международного права, классическая дипломатия подчас отступает под натиском политического насилия, а грубость и провокации по отношению к оппонентам переходят разумные границы. Понятно, что все это не способствует ни снятию напряжений, ни примирению сторон [1].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Баранов Н.А. Курс лекций "Современная внешнеполитическая стратегия России и международные конфликты". Лекция 8. Международные конфликты и пути их разрешения [Электронный ресурс] // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/55-kurs-sovremennaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-rossii-i-mezhdunarodnye-konflikty/578-lektsiya-8-mezhdunarodnye-konflikty-i-puti-ikh-razresheniya> (дата обращения 10.07.2018 г.).
2. Буянов В.С. Внешнеполитическая деятельность и международная безопасность России: учебное пособие. – М.: Дело, РАНХиГС, 2017.
3. Ежегодник СИПРИ 2015. Вооружения, разоружение и международная безопасность: пер. с англ. – М., 2016.
4. Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 10-75.

Вопросы и задания

1. Укажите позитивные и негативные последствия международных конфликтов.
2. Как связаны между собой понятия "конфликт" и "кризис"?
3. По каким признакам осуществляется классификация международных конфликтов? Предложите свою классификацию.
4. Что понимается под "интернационализацией конфликта"?
5. В чем заключается различие между военным конфликтом и войной?
6. Укажите факторы, способствующие росту конфликтогенности в современном мире.

1.3. ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ XXI В., ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ

Конфликты XXI в. обрели новый характер и черты, что позволяет говорить об особенностях конфликтов нового поколения.

Во-первых, военные конфликты вспыхнули там, где еще 25-30 лет назад они казались невозможными: на территории бывших СССР, Югославии, в целом в Европе.

Во-вторых, видоизменился состав участников конфликтов, в них все более значимую роль играют негосударственные, неправительственные субъекты. Имеются в виду частные армии, террористы, экстремистские религиозные организации. В боевые действия вовлекаются маргиналы всех мастей, мотивы которых не всегда очевидны и которые по разным причинам не заинтересованы в окончании конфликтов [1].

В-третьих, для современных конфликтов характерно сползание к варварству, несоблюдение никаких правил ведения вооруженной борьбы. Стирается разница между военными и невоенными объектами, "новые бойцы" нередко направляют свои действия против памятников истории и культуры и – что особенно бесчеловечно – против мирных граждан [2, с. 50].

В-четвертых, приметой времени стали асимметричные угрозы и асимметричные конфликты. Они вызваны быстрым развитием научно-технического прогресса в информационной и неправительственных военных сферах, что позволило резко повысить возможности небольших государств, террористических организаций и неправительственных военных формирований создавать и осуществлять угрозы в отношении крупных стран. В ходе конфликтов с негосударственными противниками неэффективным подчас оказывается самое современное оружие. Пользуясь выражением Бжезинского, асимметричные конфликты демонстрируют силу слабости и слабость силы [1].

Появилось новое понятие – гибридные войны. Это понятие в последние годы активно используется политиками и военными, включается в ткань оборонных доктрин государств. По одной из версий, термин "гибридная война" был придуман военными специалистами и политиками США и применяется Западом для характеристики реакции России и населения русскоязычных районов Украины на государственный переворот в этой стране.

Среди российских исследователей прослеживается несколько подходов к анализу понятия "гибридная война". Один из них делает акцент на том, что такая война означает масштабную подрывную операцию без участия регулярных вооруженных формирований нападающего государства, но с опорой на внутренние политические силы страны – жертвы, которые разделяют позиции этого государства.

Другие авторы толкуют гибридные войны более расширительно, ставят их в один ряд с войнами, которые называют нетрадиционными, нелинейными, ползучими, сетевыми, где наряду с регулярными участвуют нерегулярные вооруженные формирования, обезличенные войска, частные военные и разведывательные компании, добровольцы, наемники, комбатанты неопределенного генезиса.

В таких войнах и конфликтах боевые действия и подрывные операции сочетаются с информационными и психологическими атаками, силовые акции сопровождаются использованием широкого спектра гражданских средств воздействия. Ареной схватки становится не только географическое, но и все многомерие социального пространства. Меняется понимание доминирования и способов проекции силы. По мысли А.И. Неклессы, господство реализует себя в управлении: общий контроль над ситуацией и культурная оккупация замещает оккупацию территорий [3].

На встрече Совета министров иностранных дел НАТО, состоявшейся 1 декабря 2015 г., была принята "Стратегия гибридных войн" и дано определение гибридной войны как тактики, при которой не используется открытое применение обычных военных средств и включающих в себя пропаганду и дезинформацию, методы экономического давления, а также тайное использование сил специального назначения.

Многое из арсенала гибридных войн использовалось давно, но никогда прежде не применялись в таких масштабах высокотехнологичные интеллектуальные системы, радиоэлектронные и кибернетические средства, такие изощренные способы пропагандистской обработки противника и никогда раньше с таким ожесточением не велись "войны памяти".

Особенность конфликтов XXI в. еще и в том, повторим, что на смену межгосударственным все чаще приходят военные конфликты, протекающие в рамках одного государства. Современные внутрисубъектные конфликты имеют свойство быстро приобретать международную окраску в силу вовлеченности в них большого числа стран,

ООН и других международных организаций. Сирийский и украинский конфликты, зародившись вначале как внутренние, за короткий срок превратились в международные в полном смысле этого слова [1].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Баранов Н.А. Курс лекций "Современная внешнеполитическая стратегия России и международные конфликты". Лекция 8. Международные конфликты и пути их разрешения [Электронный ресурс] // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/55-kurs-sovremennaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-rossii-i-mezhdunarodnye-konflikty/578-lektsiya-8-mezhdunarodnye-konflikty-i-putikh-razresheniya> (дата обращения 10.07.2018 г.).

2. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество: курс лекций. – М., 2008.

3. Неклесса А.И. Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке // Экономические стратегии. – 2015. – №8.

Вопросы и задания

1. Перечислите особенности современных конфликтов.
2. Кратко охарактеризуйте, что такое ассиметричные угрозы и ассиметричные конфликты?
3. Что понимается под гибридными войнами?
4. Прочитайте и кратко законспектируйте работу: Неклесса А.И. Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке // Экономические стратегии. – 2015. – №8.
5. Что понимается под "войнами памяти"? Какова роль школьного учителя истории в противостоянии деструктивным версиям истории?

Глава 2

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Распад СССР, основанный на официальных соглашениях политических элит национальных республик, активизировал переход в открытую фазу этнических и национальных противоречий и привел к естественному результату – формированию "пояса сепаратизма" по всему периметру государственной границы России: Приднестровье, Крым, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан, Чечня. Несмотря на то, что все перечисленные конфликты отличаются между собой в генезисе, все же есть ряд черт, делающих их похожими.

В-первых, это характер этнических противоречий (в виде различного рода дискриминации по этническому, лингвистическому или религиозному признакам), которые официальные власти не смогли решить дипломатическим путем.

Во-вторых, это политические требования, выдвигаемые оппозиционными режимами, связанные с формой самоопределения дискриминируемых этносов (от культурной автономии до выхода из состава государства).

В-третьих, это позиции противоборствующих сторон. С одной стороны – стремление к самоопределению, с другой стороны – стремление к сохранению территориальной целостности.

В-четвертых, это наличие экономических интересов (транспортные магистрали, концентрация промышленного и сельскохозяйственного производства и др.).

В-пятых, это время возникновения. Не смотря на то, что условия для формирования данных конфликтов "вызревали" долгие годы и

являлись неотъемлемой частью свойств территории, все же все они по своей сути "постсоветские", то есть, связаны с ослаблением централизации государства (СССР) и усилением центробежных тенденций [8].

Определяя стадию урегулирования конфликтов, нельзя не отметить, что практически все они относятся к категории частично урегулированных (как по другому можно назвать непризнанные государства – Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия?). Однако завершенность переговоров между противоборствующими сторонами в пределах названных территорий еще не означает отсутствие националистических настроений у населения, а значит возможное их использование в своих целях разными политическими движениями.

Наконец, необходимо отметить международный характер перечисленных конфликтов. Наряду с непосредственными участниками, в их урегулировании принимали или продолжают принимать участие и страны-лидеры мировой политики (Россия, США), и международные организации (ООН, ОБСЕ, ЕС), и страны – региональные лидеры (Турция, Иран, Румыния), и страны постсоветского пространства (Украина, Грузия, Узбекистан). При этом Россия, озабоченная на момент начала 90-х гг. XX в. проблемой собственной территориальной целостности из-за "парада суверенитетов" (Якутия, Татарстан, Чечня, Ингушетия, Дагестан) и, заинтересованная в создании безопасной государственной границы, дистанцировалась от вмешательства в данные конфликты на чьей-либо стороне (естественно, речь не идет о Чечне, которая является территорией России). Она предпочла активно участвовать в формировании механизмов их урегулирования. Исключением можно считать только Абхазию и Южную Осетию, которые получили свою независимость от Грузии только благодаря прямому вмешательству России. Документально (видеоматериалы) доказав наличие геноцида осетинского и абхазского народов со стороны Грузии, она на законных основаниях (согласно международным нормам национального права, этнос имеет право на самоопределение в случае наличия национально-освободительного движения или геноцида) признала государственность Абхазии и Южной Осетии [8].

Остановимся более подробно на рассмотрении тех конфликтов, которые прошли в своем развитии вооруженную стадию (табл. 1).

В составе России традиционно наиболее проблематичные, с точки зрения конфликтности, территории находились на Кавказе. Это было связано с разными факторами (удаленностью от центральных губер-

ний, отставание в уровне социально-экономического развития, позднее вхождение в состав России и др.), но основным фактором, все же был сложный этнический состав населения этого региона. И на сегодняшний день ему присуща этническая пестрота. Поэтому неудивительно, что с ослаблением центральных властей в СССР и активизацией национальных элит, именно эта территория породила целый ряд этнополитических конфликтов [8].

Таблица 1 – Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве [8]

Территория конфликта	Хронологические рамки	Противоборствующие стороны	Предмет спора	Причины конфликта
Южная Осетия	1990-2008 гг.	Южная Осетия – Грузия	Самоопределение Южной Осетии	Этнические, политические, экономические
Абхазия	1989-2008 гг.	Абхазия – Грузия	Самоопределение Абхазии	Этнические, политические, экономические
Приднестровье	1989-1992 гг.	Молдова – Приднестровская Молдавская республика	Самоопределение Приднестровья	Этнические, политические, экономические
Нагорный Карабах	1988-1994 гг.	Нагорно-Карабахская Республика (Республика Арцах), Армения, Азербайджан	Самоопределение Нагорного Карабаха	Этнические, политические, территориальные
Таджикистан	1992-1997 гг.	Официальные власти – Объединенная таджикская оппозиция	Борьба за государственную власть, вылившаяся в гражданскую войну	Этнические, политические
Чечня (Россия)	1991-2009 гг.	Официальные власти России – Чеченская республика Ичкерия	Самоопределение Чечни	Экономические, социальные, политические

Нагорный Карабах. История Нагорного Карабаха тесно связана с историей Армении. Поэтому его население всегда было представлено преимущественно армянами с соответствующей им религией (христианством) и ментальностью (1926 г. – 95%, 1979 г. – 76% всего населения). Однако в рамках СССР данной территории пришлось развиваться не в составе Армянской ССР, что было бы естественно, а в составе Азербайджанской ССР. Это обстоятельство традиционно вызывало недовольство карабахских армян. Острота проблемы была снята после придания в 1923 году Нагорному Карабаху официального статуса автономной области.

Первоначально это была Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК), а затем Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО). На первый взгляд, это должно было привести к устранению этнической дискриминации армян со стороны Азербайджана, так как предполагалась гарантия образования, книгоиздательства, делопроизводства, судопроизводства на армянском языке. Однако в реальности, улучшение ситуации не произошло, что было связано с несколькими аспектами [6, с. 199-209].

Во-первых, границы НКАО не совпадали с этническими границами проживания армян. В ее состав не вошли Шаумяновский и Ханларский районы Азербайджана, заселенные преимущественно армянами. Более того, часть территории НКАО, соединяющей ее с Арменией была отторгнута и передана Азербайджану (Лачинский район Азербайджана или с 1992 года Кашатагский район Нагорно-Карабахской республики). В результате возник ряд территориальных претензий [6, с. 199-209].

Во-вторых, правительство Азербайджана проводило ассимиляционную политику, направленную на вытеснение армян из НКАО, замещая его азербайджанцами. Уровень социально-экономического развития области был крайне низким, она оставалась отсталым, аграрным регионом. Ограниченные возможности трудоустройства и дискриминация армян в получении работы вела к их эмиграции, в то время как руководство Азербайджана поощряло приток азербайджанцев из-за пределов Нагорного Карабаха. При этом нарушались и культурные права армян (запрет на преподавание армянской истории в местных школах). Культурные связи между Нагорным Карабахом и Арменией были почти прекращены [6, с. 199-209].

Поэтому вопрос о статусе Нагорного Карабаха всегда оставался актуальным для его населения. Национальная элита неоднократно и безуспешно пыталась привлечь внимание и республиканского правительства (Азербайджанской ССР), и центральных властей (СССР) к его решению. В результате, в 1988 году в НКАО среди армянского населения был проведен референдум, выявивший его желание выйти из состава Азербайджана и перейти в состав Армении. Руководство Азербайджанской ССР было против такого развития событий, руководство Армянской ССР выступило за. Этот момент можно считать отправной точкой в формировании вооруженного конфликта между Нагорным Карабахом (при поддержке Армении) и Азербайджаном. После распа-

да СССР ситуация еще больше обострилась. Итогом военного противостояния (1991-1994 гг.) стало подписание соглашения о прекращении огня (о перемирии) воюющими сторонами [6, с. 199-209].

Фактический итог: провозглашение независимости Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах) в составе: НКАО, Лачинского (Кашатагского) района, "зоны безопасности" (Кельбаджарский, Кубатлинский, Джебраильский, Зангеланский районы и части Агдамского и Физулинского районов Азербайджана – 13% территории Азербайджана). При этом части Мартунинского и Мартакертского районов Нагорно-Карабахской Республики, контролируются Азербайджаном, да и такие районы традиционного проживания армян, как Шаумяновский и Ханларский по-прежнему остаются в составе Азербайджана (15% территории Нагорно-Карабахской Республики). Однако независимость Нагорного Карабаха признали только Абхазия, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика [6, с. 199-209].

Абхазия. Для понимания причин возникновения конфликта между руководством Грузии и Абхазии необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, это древняя и разная история государственности Абхазии и Грузии и, соответствующие ей разные причины и способы вхождения в состав первоначально Российской империи, а затем и Советской России.

Во-вторых, это этнический состав населения Абхазии. На момент вхождения в состав России территория была практически однонациональной. В 1887 году (первый учет населения Абхазии в составе России) более 85% населения здесь составляли абхазы, 6% – грузины, 3% – греки, русские и армяне по 2% [9]. Это обстоятельство при установлении советской власти в регионе привело к формированию Советской Социалистической Республики Абхазии, которая просуществовала с 1921 по 1931 годы (изначально как самостоятельное государство, а затем на основе союзного договора в составе Грузинской ССР). Однако, учитывая малую численность населения в Абхазии в целом и, постоянно уменьшающуюся долю абхазского населения и увеличивающуюся долю грузинского населения (весь период существования советской власти в Абхазии доля грузин была значительно выше доли абхазов), в 1931 году статус территории был изменен. Она стала автономной республикой (Абхазская АССР) в составе Грузинской ССР. С распадом СССР статус автономной республики был отменен руководством Грузии в 1992

году (а рамках отмены советской конституции и восстановления конституции Грузинской демократической республики 1921 года) [4]. Это лишало абхазское население традиционных культурных прав (образования, книгоиздательства, делопроизводства, судопроизводства на родном языке). Поэтому вызвало неприятие в Абхазии и привело руководство республики к решению о восстановлении действия Конституции Советской Социалистической Республики Абхазии 1925 года, согласно которой Абхазия является суверенным государством [9; 7, с. 187-196].

Стоит отметить, что на этот момент в результате политики "грузинизации" Абхазии, доля абхазов в населении территории составляла всего 18%, в то время как доля грузин около 46%. В разразившемся конфликте между руководством Грузии и Абхазии, сопровождающемся военными действиями, каждая из сторон преследовала свою цель. Абхазия стремилась вернуть себе независимость на основе "исторического права", Грузия сохранить территориальную целостность. В результате конфликта, этнический состав населения Абхазии был восстановлен. В 2011 году абхазы составили 51 % всего населения, грузины – 19 %, армяне – 17 %, русские – 9 %, греки – 0,6 % (практически как в 1897 году, когда была проведена первая перепись населения в Российской империи) [10; 7, с. 187-196].

В-третьих, нельзя не учитывать экономические факторы, влияющие на развитие конфликта: выход к Черному морю с соответствующей рекреационной и портовой инфраструктурой; транспортные магистрали (Транскавказская железнодорожная магистраль), связывающие Россию, Грузию, Армению. Именно необходимость охраны железной дороги послужила официальным поводом для вторжения войск Грузии на территорию Абхазии в 1992 году [7, с. 187-196].

Итог конфликта: фактический выход Абхазии из состава Грузии (при активной поддержке России на последних этапах) и образование независимой Республики Абхазия, которая была признана Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Вануату, Тувалу, Науру. Грузия не признает новый статус Абхазии, считая ее частью собственной государственной территории (Автономная Республика Абхазия) [7, с. 187-196].

Южная Осетия. Конфликт между руководством Южной Осетии и Грузии на первый взгляд может показаться очень похожим на Абхазо-Грузинский конфликт, так как развивался и завершился практически одновременно с ним признанием Россией независимости Южной Осетии

и Абхазии. Да и этнические причины, лежащие в их основе, то же делают их похожими. Однако различия между ними все же есть.

Так, в отличие от Абхазии и Грузии, которые входили в состав Российской империи в разное время и по разным причинам, как самостоятельные государства, Южная Осетия вошла в состав Российской империи уже будучи частью Грузии (Картли-Кахетинское царство) в 1783 году (компактное проживание осетин на традиционных грузинских землях фиксируется историками с XVII века и связывается с официальной политикой грузинских царей по заселению опустевших в результате войн земель). При этом включение Южной Осетии в административно-территориальную систему Российской империи не сопровождалось признанием ее зависимости от Грузии. По распоряжению императора южные осетины были переведены в разряд государственных крестьян и исключены из системы феодальной зависимости, а значит, и политического контроля со стороны грузинского дворянства, получив особый социально-экономический статус. Это был некий прообраз будущей политической автономии Южной Осетии, обусловленный ее исторически сложившимся особым положением в Закавказье [12].

Этническая составляющая данного конфликта также несколько отличается от абхазско-грузинского конфликта. В первую очередь, тем, что соотношение осетин и грузин в течение всего периода существования советской власти, оставалось неизменным – осетины всегда доминировали: 69% (1926 год), 68% (1939 год), 66% (1959, 1970, 1979, 1989 годы) [11]. При этом доля грузинского населения то же оставалась стабильной (27-29%). Поэтому статус автономной области в составе Грузинской ССР (а затем Грузии), которым Южная Осетия обладала в 1921-1991 годах был естественным и хорошо отражал реально существующий этнический состав населения на данной территории. С отменой этого статуса руководством Грузии, территория Южной Осетии была разделена между несколькими административными районами: Ахалгорским, Горийским, Джавским, Карельским, Онским и Сачхерским. Столь явная этническая дискриминация лишала осетин традиционных культурных прав (образования, книгоиздательства, делопроизводства, судопроизводства на родном языке), открыто декларировала ассимиляционную национальную политику Грузии и сопровождалась военными действиями. Стремление сохранить свою этническую и, напрямую связанную с ней территориальную идентичность, привело осетин к сепаратизму [11].

Как и в большинстве конфликтов постсоветского пространства нельзя забывать и об экономических причинах – стремление контролировать Военно-Грузинскую дорогу, соединяющую Россию, Грузию и Армению.

Итог конфликта: фактический выход Южной Осетии из состава Грузии (при активной поддержке России на последних этапах) и образование независимой Республики Южная Осетия, которая была признана Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Тувалу, Науру.

Грузия не признает новый статус Южной Осетии, считая ее частью собственной государственной территории: Цхинвальский регион ("бывшая Юго-Осетинская автономная область"). В соответствии с современным административно-территориальным делением Грузии, территория Южной Осетии разделена между следующими административно-территориальными единицами Грузии: Шида-Картли, Мцхета-Мтианети, Имерети и Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети [8].

Чечня. Обычно Чеченский конфликт рассматривают через призму двух войн (первой Чеченской войны 1994-1996 годы и второй Чеченской войны 1999-2009 годы).

Все же есть смысл объединить эти конфликты, расширив временные рамки их возникновения до 1991 года. Именно в этом году была провозглашена независимая (от СССР) Чеченская Республика Ичкерия и начал оформляться сепаратизм. В определении причин его возникновения нет общепринятого мнения. Каждый из аналитиков выделяет свои, на его взгляд наиболее важные, факторы, влияющие на формирование конфликтной ситуации на данной территории. В самом обобщенном виде их можно свести к нескольким категориям [8].

Во-первых, в качестве негативного фактора часто называют "историческую память" чеченского народа, связывая ее с депортацией чеченцев в Киргизию и Казахстан в результате оборонной политики СССР по "зачистке границ" в военный период (1944 год). Эта акция привела не только к уменьшению численности чеченцев, но и к ликвидации их административно-территориального образования (Чечено-Ингушской АССР). Впоследствии возник целый ряд территориальных проблем во взаимоотношениях чеченцев с русскими и другими соседними народами (ингушами, осетинами и др.), после их реабилитации и возвращения на Родину [13].

Во-вторых, одним из основных факторов чаще всего называют социально-экономические особенности развития Чечено-Ингушской

АССР, выделяя в целом ее низкий уровень развития, отсутствие рабочих мест, как следствие – высокий уровень безработицы при относительно высоком уровне образования населения.

В-третьих, среди экономических причин, выделяют стремление к контролю за маршрутами транспортировки нефти из Каспийских месторождений Азербайджана. До распада СССР в Каспийском море добычу нефти вел только СССР и ее транспортировка европейским партнерам тоже осуществлялась только в его пределах по нефтепроводу "Баку – Махачкала – Грозный – Новороссийск". Его протяженность составляла около 1400 км, из них на "чеченский участок" приходилось 153 км. Однако после распада СССР, увеличилось и количество государств, добывающих нефть в Каспийском море (в первую очередь Казахстан и Азербайджан), и количество стран через территории, которых она могла бы транспортироваться в Европу (Грузия, Турция, Иран) [3]. Между всеми перечисленными государствами началась конкуренция за маршруты транспортировки нефти. А если учесть, что добыча нефти в азербайджанском секторе Каспия ведется при активной помощи иностранного капитала США, Великобритании, Франции и др., то становится понятным, что выбранные маршруты могут решать еще и политические задачи [8].

В-четвертых, нельзя не обозначить и действие такого фактора, как исламский терроризм, который хотя не зародился на данной территории, но имеет хорошую почву для закрепления здесь. Северный Кавказ – преимущественно исламский регион с соответствующей ментальностью населения, что при отсутствии в течение длительного периода времени политической стабильности, превратило его не только в ворота для проникновения (приграничная территория), но и в очаг радикального исламизма [5;8].

В совокупности все перечисленные факторы (этническая дискриминация в историческом контексте, территориальная обделенность, комплекс социально-экономических проблем, наличие у национальной элиты собственного видения путей их решения) и послужили толчком к возникновению чеченского сепаратизма.

Итог конфликта: согласно Конституции Российской Федерации Чеченская республика образована в 1992 году, входит в ее состав, являясь частью Северо-Кавказского федерального округа.

Приднестровье. Возникновение конфликта между Республикой Молдовой и Приднестровской Молдавской республикой (ПМР) определяется действием следующих факторов.

Во-первых, так называемым "историческим правом" (в контексте взаимоотношений с Россией). Несмотря на то, что обе территории имеют значительный опыт совместного существования в составе одного государства (Османская империя, Российская империя, СССР и др.), все же были периоды, когда их исторические судьбы расходились. Так, большая часть современной территории ПМР (левобережье р. Днестр) имеет длительную историю развития в составе Российского государства, так как входит в него с 1791 года. В свою очередь, современная Республика Молдова (историческое название – Бессарабия) вошла в состав Российской империи только в 1812 году. Более того, впоследствии значительный период времени она развивалась в составе Румынии (1918-1940 г.г., 1941-1944 г.г.). Это обстоятельство сыграло значительную роль в выборе внешнеполитической ориентации Молдовы в постсоветский период [8].

Во-вторых, этническим составом населения. В отличие от Республики Молдовы, ПМР – многонациональное государство. Практически в равных долях здесь проживают молдаване (32%), русские (30%), украинцы (29% населения), есть небольшие диаспоры болгар, греков, сербов, немцев и др. Такая этническая пестрота связана с политикой колонизации в Российской империи, когда переселенцам для освоения новых слабо заселенных территорий предоставлялись значительные льготы. Поэтому принятие в Молдавской ССР закона о языке в 1990 году, предполагающем установление единственного государственного языка – молдавского (румынского) и переводом его на латиницу, привело к массовым недовольствам и неприятию в русскоязычном Приднестровье [8].

В-третьих, экономическим потенциалом территории. ПМР – наиболее развитая в промышленном отношении часть Молдовы (35% ВВП страны, 56% потребительских товаров). Более того, основная часть промышленных предприятий создавалась здесь в период социалистической индустриализации и напрямую определялась общей политикой СССР. Поэтому на вновь созданных предприятиях работало очень много специалистов из других союзных республик, что делало территорию русскоговорящей априори (государственный язык СССР и основной язык межнационального общения в его пределах) [8].

В совокупности все перечисленные факторы привели к противостоянию ориентированной на Румынию Молдовы и ориентированного на Россию Приднестровья, вплоть до выхода последнего из состава пер-

воначально Молдавской ССР (1990 год), а затем и из состава Республики Молдова. Учитывая экономический потенциал Приднестровья, Молдове было что терять. Поэтому свои права на эту территорию она защищала с применением вооруженных сил (1992 год). Однако это не привело к разрешению конфликтной ситуации. Сегодня эскалации конфликта препятствуют совместные миротворческие силы России, Республики Молдовы, ПМР и военные наблюдатели от Украины. Отношения между сторонами конфликта остаются напряженными [8].

Итог конфликта: фактический выход Приднестровья из состава Молдовы и образование независимой Приднестровской Молдавской Республики, которая была признана Абхазией и Южной Осетией. Молдова не признает новый статус Приднестровья, считая ее частью собственной государственной территории (автономное территориальное образование и муниципий Бендеры). Кроме того, часть территории ПМР контролируется Республикой Молдовой и находится на территории таких ее районов, как: Дубоссарский, Каушанский и Новоаненский.

Таджикистан. Возникновение гражданской войны в Таджикистане после выхода его из состава СССР можно считать естественным результатом этноклановой структуры населения страны. Являясь по сути одноплеменным государством (80% населения – таджики, 17% – узбеки, 1% – русские, 1% – киргизы), Таджикистан не обладает хорошо консолидированным титульным этносом. В его составе выделяются этнорегиональные кланы, занимающие собственные политические и социально-экономические ниши в жизни государства [1]. К ним можно отнести ряд внутриэтнических групп, которые перечислены ниже.

Ходжентские таджики, проживающие в основном в пределах Согдийской (бывшей Ходжентской или Ленинабадской области). Именно они были носителями коммунистических идей и через них распространялась советская власть в регионе. Поэтому из их рядов формировались органы государственной власти всех уровней в советском Таджикистане. Другими словами, ходжентские таджики представляли собой политическую элиту Таджикистана до начала гражданской войны [2].

Кулябские таджики, составляющие основное население Кулябской области. Сложные природно-климатические условия (в первую очередь засушливый климат, нехватка пресной воды) территории привели к низкому уровню социально-экономического развития и, связанному с ним высоким уровнем преступности. В свою очередь,

накопившийся у них значительный опыт борьбы с преступностью определил концентрацию кулябских таджиков в правоохранительных органах страны. Таким образом, кулябский клан включал в себя в основном представителей правоохранительных, криминальных и полукриминальных структур [2].

Гармские таджики, проживающие преимущественно в бывшей Курган-Тюбинской области (ныне западная часть Хатлонской области) в районе Каратегинской долины. В силу благоприятных природно-климатических условий, территория оказалась центром возделывания субтропических культур, приносящим большие доходы, что в результате привело к формированию мощной теневой экономики, связанной с частным бизнесом (выращивание и продажа овощей и фруктов) в отличие от государственного сектора, специализировавшегося на хлопке [2].

Памирские таджики – основное население самой большой по площади, но самой бедной территории в составе страны: Горно-Бадахшанской области. В силу особенностей географического положения (граница с Афганистаном и Китаем), здесь всегда была высока концентрация военных баз СССР, а затем России. Поэтому область была дотационной и поддерживалась центральными органами власти сначала СССР, а затем России с целью укрепления южных границ. Низкий уровень социально-экономический уровень развития стимулировал миграцию памирцев в другие области с целью получения образования и привел к их концентрации во всех крупных городах страны. В свою очередь, особая религиозная идентичность (мусульмане шииты/исмаилиты в отличие от остальных таджиков, которые являются мусульманами суннитами), не позволяла им ассимилироваться и сохраняла их клановую принадлежность [2].

Кроме того, в силу многочисленности и компактности проживания значительную роль в политической жизни страны играют гиссарские узбеки, проживающие в Гиссарской долине на границе с Узбекистаном. Их участие в конфликте в основном определялось поддержкой Узбекистана, который боялся возникновения территориальных претензий на Бухару и Самарканд со стороны Таджикистана [2].

Одной из главных причин, которая привела к разобщенности таджикского этноса и формированию перечисленных этнорегиональных кланов, является схема проведения государственных границ в Центральной Азии в период социалистического строительства [1].

В состав Таджикской СССР вошла лишь небольшая часть территории "Исторического Таджикистана". Многие историко-культурные центры таджиков, вместе с проживающим там таджикским населением оказались в составе Узбекской СССР (Бухара, Самарканд).

Небольшой Ходжентской (Ленинабадской) области, географически удаленной от основной части государства, но при этом ставшей ядром советского Таджикистана объективно было сложно интегрировать вокруг себя все группы таджикского народа.

К моменту распада СССР ходжентский этнорегиональный клан удерживал власть лишь в центральных органах власти республики, в городе Душанбе и в самой Ленинабадской области. В начале 90-х годов этнорегиональные кланы республики открыто вступили в активную борьбу за центральную власть в стране. В начале это была, борьба гармских таджиков против ходжентских таджиков. В дальнейшем к их противоборству присоединились и остальные кланы: ходжентские таджики получили поддержку со стороны кулябских таджиков, а гармские таджики заручились поддержкой памирских таджиков. Разразилась гражданская война (1992 год): официальные власти (прокоммунистический светский режим) против Объединенной таджикской оппозиции (на стороне которой выступили и гиссарские узбеки при поддержке Исламского движения Узбекистана) с ярко выраженной религиозной направленностью. Отметим, что в процессе войны расстановка сил неоднократно менялась [8].

Итог конфликта: в 1997 году между представителями противоборствующих сторон (Правительством республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией) при посредничестве ООН было подписано мирное соглашение. Президентом Таджикистана оставался представитель кулябского клана, сторонник светского режим. При этом оппозиция получила места в парламенте, административные должности, директорские посты на различных крупных предприятиях, а рядовые бойцы сил оппозиции вошли в состав армии. Таким образом, после гражданской войны власть перешла в руки кулябских таджиков. Представители других этнорегиональных групп постепенно вытесняются из всех государственных структур.

В завершение, стоит отметить, что международные конфликты постсоветского пространства с геополитической точки развиваются в пределах зоны влияния континентальных (теллурократических) государств. Поэтому Россия, как наиболее типичный их представитель, всегда бу-

дет оказывать значительное (если не сказать решающее) влияние на их развитие [8].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Бобохонов Р. Гражданская война в Таджикистане (1992-1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки [Электронный ресурс] // CentralEurasia: Проект Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук. URL: <http://central-eurasia.com> (дата обращения 20.07.2018 г.).
2. Бобохонов Р. Эволюция этно-региональных кланов в Таджикистане (XX в.) [Электронный ресурс] // CentralEurasia: Проект Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук. URL: <http://central-eurasia.com> (дата обращения 20.07.2018 г.).
3. Бутаев А.М. Зачем Каспий Западу? Куда потечет каспийская нефть. [Электронный ресурс] // Информационный портал Caspiy.net. URL: <http://caspiy.net> (дата обращения 20.07.2018 г.).
4. Грузино-абхазский конфликт [Электронный ресурс] // Традиция. Русская энциклопедия. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 20.07.2018 г.).
5. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 г. [Электронный ресурс] // Спорные границы на Кавказе. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0102.htm> (дата обращения 20.07.2018 г.).
6. Колосов В.А. Нагорный Карабах // Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные заметки: монография. – Смоленск: Ойкумена, 2012.
7. Колосов В.А. Абхазия // Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные заметки: монография. – Смоленск: Ойкумена, 2012.
8. Потоцкая Т.И. Международные конфликты на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // URL: http://np-aii.ru/files/mezhdunarodnye_konflikty_na_postsovetskom_prostranstve_-_potockaya.pdf (дата обращения 20.07.2018 г.).
9. Население Абхазии [Электронный ресурс] // Этнокавказ. Этносостав населения Абхазии. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru> (дата обращения 20.07.2018 г.).
10. Население районов и муниципалитетов по переписи населения Абхазии 2011 года [Электронный ресурс] // URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 20.07.2018 г.).

11. Население Южной Осетии [Электронный ресурс] // Этнокавказ URL:<http://www.ethno-kavkaz.narod.ru> (дата обращения 20.07.2018 г.).

12. Осетия в составе Российской империи [Электронный ресурс] // Информационное агентство ОСИНФОРМ. URL: <http://osinform.ru> (дата обращения 20.07.2018 г.).

13. Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Starovoit/_04.php (дата обращения 20.07.2018 г.).

Вопросы и задания

1. Оцените с точки зрения сильных и слабых сторон национальную политику советского государства. Как она связана с конфликтами, возникшими в последние годы существования СССР и после распада СССР?
2. В чем причины конфликтов на постсоветском пространстве? Укажите общие и особенные.
3. Подготовьте развернутый доклад, выбрав в качестве темы один из конфликтов на постсоветском пространстве.
4. На карте СССР укажите территории (зоны) конфликтов.
5. Какова роль внешнеполитического фактора в конфликтах на постсоветском пространстве?

Глава 3

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЕВРОПЕ

3.1. СЕВЕРОИРЛАНДСКИЙ КОНФЛИКТ

Северная Ирландия, которую иногда ошибочно отождествляют с исторической областью Ольстер, возникла в 1921 году на основе шести ирландских графств, большинство жителей которых не согласилось с провозглашением независимости Ирландии и предпочло остаться в Соединенном Королевстве.

В отличие от Ирландской Республики, населенной преимущественно католиками, на протяжении веков отрицательно относившимися к власти британской короны, большинство жителей Ольстера – протестанты, многие из которых имеют английские и шотландские корни.

История и причины. Ирландия попала в зависимость от Британии ещё в Средневековье. С XVI века на острове начался процесс конфискации земель у местных жителей и их передача английским колонистам. В последующие годы численность английского населения в Ирландии росла. Земельная политика британских властей вызывала недовольство ирландских землевладельцев, что приводило к конфликтам и восстаниям. Одновременно на острове шло вытеснение ирландского языка английским, а в 1801 году Ирландия стала частью Соединённого королевства Великобритании и Ирландии [1].

В середине XIX века притеснения ирландских землевладельцев со стороны Великобритании возобновились. Отмена "хлебных законов", конфискация земель и неурожай привели к голоду 1845-1849 годов и

усилению антианглийских настроений. Однако после череды ирландских восстаний XIX века вооружённая борьба была прекращена на продолжительный срок.

Только в 1913 году в Ирландии появилась новая националистическая милитаризованная организация – "ирландские добровольцы". Эта организация являлась предшественницей Ирландской республиканской армии (ИРА), её члены на протяжении Первой мировой войны обучались и вооружались. В 1916 году в Ирландии вспыхнуло новое восстание, повстанцы провозгласили Ирландскую Республику. Восстание было подавлено, но уже в 1919 году вновь была провозглашена Ирландская Республика. Английские власти немедленно отреагировали на события в Ирландии, отправив туда войска для подавления мятежа. Сопrotивление британским войскам оказала недавно созданная военизированная ИРА. В ходе конфликта в 1921 году было достигнуто соглашение, согласно которому на территории 26 ирландских графств образовывалось Ирландское Свободное государство (ещё 6 графств оставались в составе Великобритании). Государство должно было оставаться доминионом Великобритании, чего не поддержала ИРА. Раскол в ирландском обществе привёл к вооружённым столкновениям между сторонниками полной независимости и союза с Великобританией. Победу одержали сторонники союза с Британией [1].

На протяжении XX века в Ирландии постепенно снижалась зависимость от Великобритании. В 1937 году государство было преобразовано в республику, а в 1949 году Ирландия вышла из союза с Великобританией. Противоположные процессы наблюдались на севере, пока в 1972 году не был распущен североирландский парламент. Полнота власти в регионе перешла в руки британских властей, фактически Северная Ирландия управлялась напрямую из Лондона.

В XX веке в Северной Ирландии наблюдался рост самосознания не только ирландцев и англичан, но и католиков и протестантов, что сместило конфликт из области сугубо этнополитического в область этноконфессионального, и усугубило кризис идентичности на острове. В связи с этим большую популярность у местного населения обрели соответствующие правые партии и организации.

История борьбы за независимость, протivостояния ирландцев, в религиозном плане идентифицирующих себя с католической церковью, и англичан, принадлежащих к протестантской общине, оказывает огромное влияние на характер этнополитического конфликта сегодня по механизму исторической памяти народов.

Территориальные противоречия заключаются в стремлении ирландского населения Северной Ирландии объединиться с остальной Ирландией, поскольку североирландская территория является ее исторической частью.

Политические факторы представляют собой стремление ирландцев к самоопределению, созданию собственных государственных институтов, желание определенных кругов североирландской элиты, некоторых членов ИРА и партии Шинн Фейн повысить свой статус с помощью создания собственной государственности и получения доступа к властным ресурсам [1].

Социально-экономические причины коренятся в доминировании протестантов-выходцев из Британии в экономике Северной Ирландии и проявляются в дискриминации католиков при проведении жилищной политики, трудоустройстве, что вызывает возмущение ирландских националистов. Важную роль в сохранении этнополитического конфликта играют и интересы боевиков ИРА в преступном бизнесе, приносящем большие доходы. Продолжающаяся вражда на национальной почве оказывается выгодной преступным организациям, подерживающим данный вооруженный конфликт.

Религиозные противоречия состоят в длительном противостоянии протестантского меньшинства католическому большинству.

Психологические факторы связаны с различием в этнокультурных психотипах ирландцев-католиков и протестантов, их взаимным непониманием, стремлением обеих общин к консолидации, зачастую эскалации насилия, основанного на мести. С ними тесно переплетены собственно этнические проблемы, которые являются базовой составляющей конфликта и представляют собой стремление подвергавшихся дискриминации в языковой, социальной, трудовой, политической сферах ирландцев к получению независимости от этнически чуждых им англичан и объединиться с остальной Ирландией.

Стороны конфликта. Основными сторонами конфликта являются:

1. Государственные институты, такие как правительство Великобритании и министерство по делам Северной Ирландии, Стормонт (парламент Северной Ирландии), Ассамблея Северной Ирландии.

2. Политические организации, политические партии и движения. Это Демократическая Юнионистская Партия (Северной Ирландии), Ольстерская юнионистская партия, Социал-демократическая лейбористская партия, партия Шинн Фейн.

3. Религиозные организации, среди которых важнейшее место занимает Оранжевый орден.

4. Террористические и военизированные организации, такие как Ирландская республиканская армия, Силы освобождения Северной Ирландии, Лоялистские добровольческие силы, Добровольческие силы Ольстера, Ассоциация обороны Ольстера.

5. Бизнес, преступные организации, которые финансируют и лоббируют свои интересы через те или иные вышеуказанные субъекты [1].

Эскалация Североирландского конфликта. ИРА, изначально являвшаяся военизированным крылом "Шинн Фейн", проводила военные акции на протяжении всего своего существования. Первый период её активности приходится на 1920-е годы, второй – на 1930-е, когда была проведена серия взрывов на британских объектах.

Повторная активизация деятельности ИРА началась в 1954 году. Изначально члены организации предпринимали отдельные атаки на британские военные объекты, наиболее известной акцией этого периода стало нападение на казармы в Арбофилде в Англии. За эти атаки в 1955 году были арестованы и лишены мандатов два депутата от партии "Шинн Фейн". Это послужило поводом к массовым антианглийским акциям протеста в Северной Ирландии и увеличению числа атак ИРА. Только в 1956 году ИРА провела около 600 военных акций в Ольстере. В 1957 году в Северной Ирландии английской полицией были проведены массовые аресты, после чего волна насилия пошла на спад. В 1962 году ИРА изменила тактику борьбы, прибегнув вместо одиночных атак к массированным столкновениям. Параллельно борьбу против ирландцев-католиков вели протестантские милитаризированные организации, которые тоже прибегали к насилию и боям с противником.

Летом 1969 года в Дерри и Белфасте произошли массовые уличные столкновения между католиками и протестантами. Для предотвращения дальнейших столкновений в британскую часть Ольстера были введены английские войска. Изначально католики поддержали присутствие в регионе войск, но в дальнейшем разочаровались в их взглядах на конфликт: армия поддержала протестантов. В связи с этим в 1970 году ИРА раскололась на две части: "официальную" и "временную". "Временная ИРА" была настроена более радикально, чем "официальная", и выступала за продолжение террористической деятельности (в том числе на территории Англии) [1].

Пик конфликта. В 1971 году в противовес ирландским военизированным организациям была создана Ассоциация обороны Ольстера.

В 1972 в Северной Ирландии был введен режим прямого правления. Это привело к жесточайшим беспорядкам и восстаниям. Апогеем можно считать события "Кровавого воскресения" 30 января 1972 года, когда во время демонстрации католиков британские войска убили 13 безоружных человек. В ответ толпа ворвалась в британское посольство в Дублине и сожгла его дотла. Всего с 1972 по 1975 годы в Северной Ирландии погибло 475 человек. Для снятия напряженности в стране британское правительство решилось на проведение референдума. Референдум был бойкотирован католическим меньшинством, и правительство решило действовать в обход мнения населения, и в 1973 году лидеры Великобритании и Ирландии подписали Саннингдейлское соглашение о создании Совета Ирландии – межгосударственного консультативного органа из министров и членов парламента Ирландской Республики и Северной Ирландии, но ратификация этого соглашения была сорвана выступлениями протестантских экстремистов. Аналогично завершились попытка воссоздания ассамблеи в 1974 и выборы в конвент 1976 года.

Деэскалация. Итоги. 10 апреля 1998 года в Белфасте британским и ирландским правительствами было подписано Белфастское соглашение, которое было одобрено большинством политических партий Северной Ирландии. 23 мая в результате референдума соглашение было одобрено большинством жителей региона [1].

В результате подписания соглашения была воссоздана Североирландская ассамблея, целью которой является решение экономических и социальных проблем. Также были созданы Совет министров Севера и Юга для оформления взаимодействия между разными частями острова Ирландия и Британо-ирландский совет для оформления взаимоотношений между всеми органами представительной власти Великобритании и Ирландии.

Несмотря на политические соглашения, конфликт по-прежнему остаётся неразрешённым. В Северной Ирландии в настоящее время продолжают существовать протестантские и католические милитаризированные организации, в том числе большинство течений ИРА [1].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Коростелёв М., Вакарь Д., Вьюшин А. Североирландский конфликт [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилева. URL: <http://www.gumilev-center.ru/konflikt-v-severnojj-irlandii/> (дата обращения 20.07.2018 г.).

2. Шуралев А.В. Исторические и социально-политические основы этноконфессиональных конфликтов в Северной Ирландии на рубеже XX и XXI веков // Религиоведение. – 2008. – №3.

3. Шуралев А.В. Этноконфессиональные конфликты в Северной Ирландии. // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования: сборник / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта, И.Н. Яблокова, при участии Ю.П. Зуева, З.П. Трофимовой. Книга I (II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI вв. – М.: МедиаПром, 2010.

4. Шуралев А.В. Североирландский конфликт: этноконфессиональный этюд: монография / научная редакция д.ф.н., проф. И.Н. Яблокова. – М., 2011.

5. Шуралев А.В. Этноконфессиональные конфликты в современной Западной Европе // Успехи современной науки. – 2016. – №11. – Том 9.

Вопросы и задания

1. Назовите основные причины североирландского конфликта.
2. Как в нем связаны территориальные, этнические, политические, социальные, экономические и конфессиональные факторы?
3. Укажите этапы конфликта.
4. Перечислите организационно оформленных участников конфликта с обеих сторон.
5. Какие стадии прошел конфликт?
6. Какие перспективы урегулирования североирландского конфликта?

3.2. ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ БАСКСКОГО КОНФЛИКТА В ИСПАНИИ

Международная мирная конференция, которая прошла 17 октября 2011 г. в Сан-Себастьяне (Страна басков, Испания) и имела своей целью содействовать окончательному прекращению вооруженной борьбы баскской террористической организации ЭТА, вновь привлекла внимание к проблеме этнического терроризма и путях урегулирования подобных асимметричных конфликтов, связанных с вооруженным насилием против гражданского населения [5;6]. По-прежнему исследователей и широкую общественность интересуют феномен давнего баскского конфликта, истоки которого восходят к концу XIX в., причины противоестественной живучести этнического терроризма в

этом регионе Испании. Однако сегодня на повестку дня встали и новые серьезные вопросы: способно ли государство в одиночку противостоять этническому терроризму, может и должна ли проблема локального терроризма становиться направлением деятельности субъектов и институтов формирующейся системы глобального управления.

Природа баскского конфликта. Под баскским конфликтом в широком смысле принято понимать противостояние как радикальных националистов Страны басков испанскому государству, так и другой, умеренной части ее социума по поводу целесообразности политико-территориального размежевания с Испанией и определения наиболее предпочтительного территориального статуса региона. Составными элементами баскского, и в этом его специфика, являются национализм, сепаратизм и терроризм [7].

Территориальное разнообразие не является исключительной особенностью Испании, однако оно сыграло особую роль в ее истории и в определении самосознания испанцев, которые издавна чувствовали и продолжают ощущать до сих пор сильную привязанность к местности, где родились, – к своей малой родине. Этому способствует и лингвистическое разнообразие страны: сегодня в Испании наряду с испанским (кастильским) статусом официального языка обладают региональные языки. В Стране басков (Эускади, баскское самоназвание региона) и части Наварры – таким языком является баскский (эускера).

Исторически Испания складывалась как сообщество христианских королевств, каждое из которых отличалось своеобразием, имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии – одному из наиболее крупных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии и управлении ею. Во многом благодаря традициям, в том числе и традициям старинных вольностей – фуэро (в ведении регионов оставались местное самоуправление и законодательство, налогообложение, таможенные границы) региональная специфика не была ассимилирована процессом становления единой испанской нации.

Для Испании, где столь сильны региональные различия, задача укрепления взаимоотношений между центром и периферией приобретает существенное значение. Тот "ежедневный плебисцит", о котором говорил Эрнест Ренан, характеризую природу нации вообще, оказывается для испанской нации отнюдь не пустой фразой. Будучи

"единой и разной", она изначально была поставлена перед жизненно важной для себя задачей поиска наиболее адекватной формулы сохранения своего единства. Отсюда становится понятной особая роль государства – интегрирующего стержня нации и гаранта ее единства перед лицом центростремительных настроений регионов [4].

Несмотря на реформы по централизации государства, в условиях промышленной революции усиливающаяся неравномерность экономического развития (аграрный консервативный центр и передовая индустриальная "периферия") превращается в фактор дезинтеграции. Выражением конфликта центра и периферии становится подъем регионалистских движений на рубеже XIX и XX вв. В Каталонии, Стране басков, Галисии они возникли, оформились организационно и приобрели влияние, избрав в качестве главной политической цели автономии региона. Особенностью Испании стало то, что окончательное становление национальной и региональной идентичности пришлось примерно на одно и то же время. Катализатором обоих процессов стало поражение в испано-американской войне 1898 г.

Баскская националистическая идеология с самого начала приобрела воинствующе агрессивный клерикальный характер, ее чертами стали консерватизм, а порой и реакционность, тенденция к изоляционизму, антииспанизм. Столь характерные свойства объясняются историей баскского общества – сама природа горных труднодоступных районов на северо-востоке Испании создала идеальные условия для формирования замкнутой по своей сути аграрной общины и издавна защищала народ от чужеземного влияния. Баскам удалось избежать романизации, не достигли их и волны варварских и арабского завоеваний. К тому же, эускера, не принадлежащий к группе романских, в которую входят остальные языки жителей Испании, и столь трудный для изучения, способствовал обособлению баскского общества и консервации его обычаев и традиций.

Известная удаленность Страны басков, пограничное положение и малая доступность этой области, архаизм, который до самого последнего времени характеризовал быт и воззрения басков, развили в местной культуре сознание своей самобытности и даже исключительности [4].

"Отцом-основателем" баскской националистической идеологии стал Сабино Арана. Идеи провинциального публициста явились реакцией на потерю басками старинных фуэро, с одной стороны, а с другой,

– на последствия промышленной революции в баскских провинциях. Развитие тяжелой и добывающей индустрии в регионе, где веками господствовала замкнутая сельская община с клановой социальной структурой, огромный по численности приток иммигрантов из других провинций, в основном из центральной Испании, для работы на железорудных шахтах Бискайи, вызвали взрыв националистических настроений в баскском обществе.

Созданная в 1894-1895 гг. Баскская националистическая партии (БНП) поначалу имела сторонников лишь в промышленной Бискайе. Лишь в первой половине XX в. ее влияние распространяется на соседние Алаву и Гипускоа. Привлечение к деятельности партии представителей баскской буржуазии внесло новую струю. Идеи карлизма, сентиментальную идеализацию традиционного баскского общества, клерикализм, неприятие быстрой индустриализации региона начинают теснить более прагматичные либеральные идеи местной автономии.

В Стране басков не было того культурного Ренессанса, который стал отличительной чертой каталонского регионалистского движения, которое имело автономистский характер и не отличалось столь агрессивной антииспанской направленностью, было более либеральным по своей сути. Более того, идеологи и лидеры баскского национализма не знали родного языка, а занялись его изучением лишь став профессиональными политиками [4].

Рост регионалистских движений на рубеже XIX-XX вв., предоставление в 1913 г. ограниченной автономии Каталонии (создание Манкомунитата), а затем и успехи регионов в борьбе за автономию в период Апрельской республики (в частности, разработка, а в случае с Каталонией и Страной басков – и принятие, статутов, предоставлявших каждому из регионов права автономной области) явились одними из причин установления в Испании XX в. военно-монархической диктатуры Примо де Ривера и режима генерала Франко. Угроза сепаратизма казалась многим испанским государственным и политическим деятелям не меньшей, чем коммунистическая.

В годы франкизма настойчивое желание руководства страны видеть в любом проявлении национальных чувств выступление против режима и тенденции к сепаратизму также дало обратный эффект: движение за автономию поднялось не только в исторических областях Каталонии, Стране басков, Галисии, но и по всей Испании, явившись

частью оппозиционного режима движения. При этом демократия в глазах оппозиции подразумевала и предоставление территориальной автономии. Подъем региональных чувств в этот период объясняется причинами политического характера, неприязнью к Мадриду, который стал при Франко своеобразным символом авторитарной диктатуры с ее централизацией власти.

Феномен ЭТА. Политическая активизация баскской молодежи на волне подъема антифранкистского движения по всей Испании во многом объясняет появление феномена ЭТА (баск. Euskadi ta Ascatasuna – Страна басков и свобода) в конце 1950-х гг. Поначалу многие исследователи (советские и зарубежные) заблуждались, считая деятельность ЭТА исключительно частью оппозиционного режиму движения. Вскоре оформление общих идеологических воззрений ее участников постепенно начали все более убеждать в обратном. Политические построения новой организации основывались на том, что Эускади представляет собой нацию, из чего следовало признание естественного права басков на самоопределение и создание независимого государства за счет интеграции испанских и французских провинций, населенных басками. Таким образом, речь по сути дела шла не просто о сопротивлении авторитарному режиму, а борьбе с испанским государством с целью его ослабления ради достижения независимости Эускади [4].

Впрочем, возникновение террористической организации не является в Испании исключительной особенностью Страны басков. В такой аграрной стране как Испания, где противостояние богатых и бедных, старого и нового, центра и периферии было чрезвычайно острым и болезненным, выливаясь в конфликт "двух Испаний", крайне левый радикализм и анархизм порой принимал уродливые формы терроризма.

Историки выделяют три этапа в эволюции ЭТА. Первый этап (1959-1962 гг.) отличался сильным влиянием идеологических постулатов Сабина Арины и поиск компромиссов с БНП. На втором этапе (1962-1967 гг.) происходит разрыв с БНП на фоне поиска путей приспособления идеологии Араны к реалиям второй половины XX в., внутри ЭТА формируются различные, зачастую антагонистические идеологические течения. Третий этап (1967-1975 гг.) характеризуется расколами и переходом к активным террористическим действиям. С появлением ЭТА баскский национализм распался на два влиятельных течения: было покончено с монополией БНП, усложнилась структура баскского конф-

ликта – теперь Мадриду противостояли две силы, находившиеся в сложных и неоднозначных отношениях между собой [7, с. 142-185].

К концу франкистского периода ЭТА сложилась как радикальная националистическая сепаратистская террористическая группировка левого толка. Она не отличалась монолитностью, для нее были характерны частые смены руководства, внутри ее существовали идеологические разногласия, различные организационно оформленные течения, фракции и ячейки. Ключевым вопросом, который разделял участников ЭТА, касался возможности и необходимости применения террористического насилия в деятельности организации. Наиболее радикально настроенные члены ЭТА выступали преимущественно за вооруженные методы борьбы ("военный фронт", или "военная" ЭТА) [4].

Рост оппозиционных франкизму настроений в баскском обществе был массовым, отличался националистической окраской и не зависел от принадлежности к той или иной социальной группе. Деятельность ЭТА существенным образом оказывала влияние на настроения и образ мыслей местных жителей. Показательно, что даже представители баскского католического духовенства встали в ряды массовой оппозиции, многие из них не осуждали вооруженное насилие со стороны ЭТА, считая его частью антифранкистской борьбы.

Трансформация баскского конфликта в послефранкистский период. Политико-институциональные перемены в послефранкистский период носили кардинальный характер. Конституция 1978 г. юридически закрепила существование в Испании так называемого государства автономий, отказавшись от прежней формулы жестко централизованного унитарного государства и провозгласив уравнивающие друг друга принципы единства и автономии. Основным закон предоставил провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. Таким образом было образовано 17 автономных сообществ в целом в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области, а не по этническому принципу [4].

В новых политических условиях произошла трансформация баскского конфликта, однако степень его накала не снизилась, а напротив, возросла. В государстве автономий, которое формально остается унитарным, хотя и чрезвычайно децентрализованным, конфликт стал формой отношений между центром и регионами, а так называемый конституциональный конфликт главной формой стратегии автономных

сообществ в их отношениях с центральной властью [3, с. 43-61]. Созданные в регионах политические институты, региональные элиты и бюрократия, превращаются в своеобразный стимул формирования региональной идентичности с определенным этническим подтекстом. Усилия элит по конструированию коллективной идентичности в установленных границах регионов проявляются в поддержке региональных политических партий, процессов культурной дивергенции региона в общем политическом пространстве государства, фактически ставящих своей конечной целью политическую дифференциацию [4].

Региональные власти, политические партии и общественно-политические движения, другие политические акторы на местах играют главную роль в становлении и развитии территориальной идентичности. Добиваясь решения поставленных задач в отношениях с центром, они зачастую облачают свои требования в этнические термины, считая подобный выбор политической стратегии наиболее успешным в современных условиях и наполняя территориальные идентичности новым содержанием, видоизменяя ее [4].

Все это особенно наглядно можно это наблюдать на примере Эускади, которая одной из первых вступила на путь получения автономии. К тому же этот передовой в социально-экономическом отношении регион Испании добился для себя не только достаточной политической, но и финансовой автономии от центра [3, с. 79-89]. Предоставив региону широкие права автономии, центральные власти тем не менее стремятся не допустить его политической обособленности. На это направлен комплекс различных мероприятий – от планов по строительству скоростных дорог до реализации масштабных программ по изучению эускеры испаноговорящими работниками и служащими, которые живут и работают в регионе и стране (например, младшим медицинским персоналом).

Реформа автономных статуты регионов, начатая правительством социалистов с середины 2000-х гг., во многом явилась ответом на попытки баскских властей изменить модель территориально-административного устройства Испании. В сентябре 2003 г. председатель автономного правительства Страны басков (леэндакари) Хуан Хосе Ибарретче представил в местный парламент план пересмотра статута Эускади – он предложил превратить автономию в "свободно присоединившееся к Испании государство" по аналогии с Пуэрто-Рико [4].

Реформа автономного статута Страны басков по-прежнему ждет своего решения. В отличие от своих предшественников – правительства

консервативной Народной партии, направившего осенью 2003 г. в Конституционный суд запрос о соответствии Основному закону решения Совета баскского правительства принять "план Ибарретче" и отказавшегося рассматривать его в конгрессе депутатов, социалисты выразили желание наладить институциональный диалог Мадрида и Витории и поставили на голосование в нижней палате генеральных кортесов проект леэндакари. Результат оказался вполне предсказуемым: 313 (абсолютное большинство) депутатов проголосовали против, 29 – за, 2 – воздержались. В итоге конгресс вернул "план Ибарретче" в автономный парламент Эускади. Удалось Мадриду и отразить угрозы Х.Х. Ибарретче созвать референдум в регионе по вопросу судьбы нового Статута.

Пути политического урегулирования проблемы баскского терроризма в демократической Испании. Демократические преобразования и процесс автономизации в Испании после смерти Франко не способствовали прекращению деятельности ЭТА, как это, например, произошло с другой испанской террористической организацией "Терра Люре", действовавшей в 1978-1995 гг. в Каталонии.

Угроза террористического насилия влияла на ситуацию в регионе и в стране в целом, причем в самых различных областях – от экономики и создания благоприятных условий для ведения бизнеса (боевики ЭТА, помимо прочего, взимали "революционный налог" с местных предпринимателей) до психоземotionalной атмосферы. В 1978-1997 гг. число жертв от терактов ЭТА достигало от 13 (в 1997 г.) до 93 (в 1980 г.) человек ежегодно. В основном это были представители силовых структур государства (вооруженных сил, гражданской гвардии и полиции), политики и чиновники. Гражданские лица составили примерно треть погибших от рук боевиков, при этом это чаще всего запланированные убийства, боевики выбирают свои мишени. Общее число убитых за все время существования ЭТА составило 839 человек, более 60% убийств было совершено в самой Стране басков, около 15% – в столице Испании Мадриде [4].

В борьбе с террористами испанское государство использовало различные методы, вплоть до создания в период нахождения у власти социалистов в 1980-е гг. нелегальных подразделений по уничтожению лидеров террористов на территории самой Испании и соседней Франции (так называемых GAL – Grupos Antiterroristas de Liberación) в 1983-1987 гг., хотя тогдашний глава кабинета и лидер Испанской социалистической рабочей партии Испании Фелипе Гонсалес всегда отрицал и

продолжает отрицать свою причастность к делу GAL. Несомненным успехом правительства Ф. Гонсалеса следует считать достижение прогресса на весьма непростых переговорах с руководством соседней Франции относительно возможности ареста баскских боевиков, имевших базы во французских Пиренеях [4].

Правительство Народной партии во главе с Хосе Мария Аснаром повело борьбу с ЭТА на новом историческом этапе. Придя к осознанию утопичности идеи "войны на истощение" с государством, ЭТА попыталось наладить отношения с БНП, создать широкое объединение радикально-националистических сил под своим контролем и активно участвовать в политическом, прежде всего, электоральном процессе через созданную ею партию "Эрри Батасуна" (баск. "Народное единство") [7, с. 218-220, 232-246].

Правые продолжили сотрудничество с французскими спецслужбами по обнаружению арсеналов оружия, уничтожению, поимке и экстрадиции на родину боевиков ЭТА. Х.М. Аснар принципиально отверг возможность официальных переговоров с террористами, несмотря на неоднократное объявление ими о перемирии и прекращении огня (неофициальные и непрямые переговоры велись всегда). Усилиями правительства был законодательно закреплен особый статус за жертвами терактов, реформирован Закон о политических партиях, позволивший лишать легального статуса партии, так или иначе связанные с террористическими организациями, внесены изменения в Уголовный кодекс, которые расширили юридическое понимание терроризма, ужесточили наказание террористам и приравнивали участие в уличных беспорядках к уголовным преступлениям [4].

Правительству Народной партии удалось заручиться поддержкой международного сообщества в борьбе с ЭТА (свою роль в этом сыграли, безусловно, и события 11 сентября 2001 г. в США). Так, в сентябре 2001 г. Совет Европы одобрил План чрезвычайных мер по борьбе с терроризмом, а Совет безопасности ООН принял Резолюцию 1373 о необходимости того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма. В декабре 2001 г. Совет Европы включил ЭТА и ее представителей в список лиц и организаций, занимающихся террористической деятельностью. Аналогичным образом поступили в феврале 2002 г.

Соединенные Штаты, а в июне 2003 г. – Европейский союз (добавив к самой ЭТА "Батасуну" и созданные на ее основе политические партии, лишённые легального статуса).

Неоднозначную реакцию населения вызвало решение председателя правительства социалистов Хосе Луиса Родригеса Сапатеро пойти на первые в истории страны прямые официальные переговоры с представителями запрещенной в 2003 г. партией "Батасуна" – политическим крылом ЭТА. Главной целью переговоров стало мирное урегулирование баскской проблемы, прежде всего этнического терроризма. Взамен официального порицания терроризма и отказа от насильственных методов борьбы со стороны лидеров "Батасуны" правительство Сапатеро готово было предоставить партии возможность обрести легальный статус, а значит, законный путь к борьбе за большую автономию Страны басков. Однако организованный боевиками ЭТА взрыв в столичном аэропорту Барахас в декабре 2006 г. и объявленное в июне 2007 г. руководством террористов решение о выходе из режима прекращения огня, которого организация с оговорками придерживалась с марта 2003 г., и возврате к методам вооруженной борьбы свели на "нет" усилия сторон [4].

Успехи принесли создание в мае 2004 г. Национального антитеррористического центра для более эффективного противодействия угрозе терроризма в стране, а также продолжение сотрудничества с французскими силами правопорядка. В период первой легислатуры социалистов в 2004-2008 гг. на территории Франции были арестованы 148, а в 2008-2011 гг. – 115 боевиков ЭТА и представителей политического руководства "Батасуны" (для сравнения в 2000-2003 гг. эта цифра равнялась 162). 20 В результате "Батасуна" была фактически обезглавлена, а многочисленные влиятельные руководители и рядовые боевики ЭТА получили длительные тюремные сроки наказания в Испании и Франции. Согласно сообщениям испанских СМИ, некоторые из осужденных в тюрьме пересмотрели свои убеждения, раскаялись и объявила о своем разрыве с ЭТА.

Испанским властям удавалось удачно сочетать силовые и правовые методы борьбы с баскским терроризмом. В декабре 2007 г. был вынесен обвинительный приговор по делу "Экин" – сети фирм и организаций, обеспечивавших политическое прикрытие и денежные средства для ЭТА. Главным аргументом судей стало признание того, что террорист – не только тот, кто взял в руки оружие, но и тот, кто позволяет

сделать это, оказывая ему политическую и финансовую поддержку. Весной 2008 г. власти Лихтенштейна (после финансового скандала с участием банков этой страны) по просьбе Испании о юридической помощи заблокировали банковские счета частных лиц и компаний, которые, как полагают в Испании, принадлежат ЭТА, и пообещали сотрудничать со следствием [4].

Отказ ЭТА от вооруженной борьбы. Что касается современного развития событий в Стране басков, то по итогам выборов в автономный парламент в марте 2009 г. победу одержало региональное отделение Испанской социалистической рабочей партии. Главой автономного правительства впервые был избран не представитель региональных националистов, а лидер регионального отделения социалистической партии ИСРП – "Эускадикко эскера" Франсиско Хавьер (Пачи) Лопес.

Социалисты Страны басков получили уникальную возможность самого активного участия в урегулировании баскского конфликта в широком смысле. Подобное понимание баскского конфликта подразумевает достижение согласия между центральным правительством, с одной стороны, властями, политическими силами и населением региона, с другой, в вопросе о будущем Страны басков в политическом пространстве испанского государства автономий, прежде всего в вопросах разработки и принятия нового автономного статута Страны басков, поиска альтернативных путей решения проблемы терроризма ЭТА, возможно возврата легального статуса политическим партиям, лишённым его в связи с обвинениями в связях с ЭТА.

Со своей стороны, в стратегии ЭТА наметились перемены. В марте 2010 г. Европейским парламентом была принята так называемая Брюссельская декларация, в которой содержался призыв к ЭТА о постоянном одностороннем безусловном и контролируемом независимой международной структурой прекращении огня. Инициатором декларации был Бриан Куррин (ЮАР), который уже имел опыт посредничества на переговорах в Южной Африке и Северной Ирландии [4].

20 октября 2011 г. сразу после завершения работы Международной конференции в Сан-Себастьяне с участием Кофи Анана, лауреата Нобелевской премии мира 2001 г. и генерального секретаря ООН в 1997-2006 гг., ЭТА объявила об окончательном отказе от вооруженных методов борьбы. Сложно сказать, что в этом шаге руководства террористов было решающим – показательное участие международного сообщества, чего всегда добивалась ЭТА, серьезные потери боевиков в борь-

бе с властями, идеологические разногласия в лагере террористов или решение перегруппировать силы в условиях меняющейся политической ситуации в регионе. Некоторые уверены, что это очередная уловка террористов. Правительство Испании не препятствовало проведению Конференции, однако представители государства на ней не присутствовали.

21 октября 2012 г. выборы (внеочередные) в автономный парламент в Стране басков прошли в условиях отказа ЭТА от вооруженной борьбы. Итоги голосования подтвердили результаты социологических опросов о наибольших симпатиях со стороны местных избирателей левым баскским патриотам сравнительно новой избирательной коалиции "Бильду" (ее первый электоральный опыт, точнее – успех, пришелся на муниципальные выборы в мае 2011 г.) и умеренным националистам БНП. Баскская националистическая партия получила 27 мест в автономном парламенте (34,59% голосов), коалиция "Бильду" – 21 место (24,99 голосов), Социалистическая партия Эускади – 16 депутатских мандатов (19,18% голосов), народная партия – 10 депутатских мандатов и 11,73% голосов избирателей. Общенациональной партии "Союз, прогресс и демократия" социал-демократического толка удалось провести в баскский парламент одного своего депутата.

В октябре 2012 г. Испания вновь вернулась к обсуждению проблем будущего террористической организации ЭТА спустя ровно год после объявления ею отказа от вооруженной борьбы. В своем "внутреннем", закрытом для прессы докладе группировка вновь подтвердила, что не намерена отказываться от данного ею обещания, однако по-прежнему не заявляет о самороспуске. На сегодняшний день стратегия ЭТА состоит в том, чтобы заставить центральное правительство начать с ней прямые переговоры без предварительных условий [4].

При поддержке националистических партий ЭТА усилила давление на центральное правительство в вопросе о заключенных – баскских террористах, требуя разрешения отбывать срок заключения на родине в Эускади, а также возможности их досрочного освобождения по амнистии или за примерное поведение, как это принято в отношении осужденных на тюремный срок за другие уголовные преступления. Демонстрации в поддержку этих требований проходят не только в Испании, но и в соседних с ней Франции и Португалии, где также были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения боевики ЭТА. Общее число таких осужденных на сегодняшний день

достигло 559 человек в самой Испании, в Португалии находятся трое осужденных боевиков, во Франции – 28. Однако общественное мнение в Испании решает данную проблему весьма категорически: в ноябре 2011 г. 60,4% опрошенных заявляли о своем полном неприятии возможности для баскских террористов отбывать оставшийся срок наказания в родной автономии (среди электората Народной партии этот показатель был еще выше – 79,7% испанцев), против смягчения наказания в отношении тех, кто непосредственно не участвовал в терактах заявляют 70,5% испанских граждан (85% из числа тех, кто голосует за НП) [4].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Аникеева Н.Е. Истоки и сущность баскского конфликта в Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2010.
2. Кожановский А.Н. Терроризм в Стране Басков: интерпретации // Испания в начале XXI века: учеб. пособие / отв. ред. С.М.Хенкин. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2006. – С. 99-117.
3. Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.
4. Прохоренко И.Л. Баскский конфликт: конец насилию? // Пути к миру и безопасности. – 2012. – № 2(43).
5. Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. – М., Научная книга, 2010.
6. Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. – 2010. – № 5.
7. Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2011.

Вопросы и задания

1. Опишите исторические истоки баскского конфликта в Испании.
2. Каким образом географические, лингвистические и исторические факторы способствовали возникновению и консервации баскского конфликта в Испании?
3. Прочитайте работу Э. Ренана "Что такое нация?" и раскройте понятие "ежедневного плебесцита", поясните, что имел в виду автор.
4. Охарактеризуйте сущность баскской идеологии.
5. Какую роль сыграла промышленная революция в обострении баскского конфликта?

6. Каким образом решался баскский вопрос в период правления Ф. Франко?

7. Каким образом трансформировался баскский конфликт в после-франкистский период?

8. Как решается баскский вопрос в современной Испании?

3.3. ВАЛЛОНО-ФЛАМАНДСКИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В БЕЛЬГИИ

Бельгийский этнический конфликт представляет собой валлоно-фламандское противостояние, которое возникло на основе языкового фактора еще в середине XIX века.

Итак, давая краткую характеристику данному конфликту, во-первых, необходимо отметить сосуществование на территории бельгийского государства двух больших этнических групп: нидерландоговорящих фламандцев и франкоговорящих валлонов. Валлоны – этническая группа общей численностью 4 млн. 100 тыс. человек. Фламандцы – народ германской языковой группы, потомки франков, саксонцев и фризов. Общая численность – 7 млн. 230 тыс. [3].

На момент приобретения Бельгией независимости (1830) единственным государственным языком являлся французский, хотя, как и в настоящее время, численность фламандцев превышала численность валлонцев. Естественной же реакцией на этот языковой "перекос" являлось то, что уже в 1847 году возникает фламандское культурное движение, требовавшее языкового равенства фламандского и французского языков. Результатом деятельности которого являлось внесение изменений в конституцию: в 1963 году в Бельгии официально закреплено двуязычие.

Впоследствии была реформирована и политическая система: в рамках государства были сформированы два типа субъектов федерации – культурные сообщества (фламандское, валлонское и немецкое) и экономические регионы (Фландрия, Валлония и Брюссель).

Однако, ситуация в Бельгии не сводится исключительно к языковому противостоянию между Севером (Фландрия) и Югом (Валлония). Фактором, усиливающим конфликтный потенциал, можно считать и наличие дисбаланса в социально-экономическом развитии. До сере-

дины XX в. Валлония фактически "кормила" Фландрию, обеспечивая львиную долю национального продукта Бельгии. После второй мировой войны Север и Юг поменялись ролями. Фландрия превратилась в локомотив экономики страны, а Валлонию захлестнула волна безработицы. В результате усилилось недовольство со стороны фламандского населения, катализируя тем самым сепаратистские настроения.

Таким образом, на сегодняшний день ситуация складывается так, что Бельгия, разрываемая фламандским национализмом, находится на грани распада [3].

"Бельгийская проблема". Хронология.

1830 – провозглашение независимости Бельгии.

1847 – возникновение фламандского культурного движения, требовавшего языкового равенства фламандского и французского языков, "превозносившее фламандское прошлое и его славные исторические традиции".

1898 – принят закон, подтверждавший принцип "двуязычности" (но не равенство языков).

1920-1930-х гг. – ратификация ряда законов, устанавливающих равенство фламандского и французского языков.

XX в. – "демографический бум рождаемости" на севере, способствующий увеличению доли фламандцев в структуре населения Бельгии.

50-60-х гг. XX века – усиление фламандского сегмента в хозяйственном комплексе страны.

1968 – Лувенский кризис: кризис в отношениях двух разноязычных групп населения, который едва не привел к распаду страны. Причиной стал языковой конфликт: политики не могли договориться, на каком должно вестись преподавание в Лувенском университете. Конфликт удалось остановить посредством последующих конституционных реформ.

1970 г. – первая ревизия конституции страны. В ней законодательно закреплено существование трех общин: фламандской, франкофонной и германоязычной (все три языка стали государственными) и трех регионов: Валлонии, Фландрии и Брюсселя. Однако границы этих регионов не были определены.

1971 – общины получили широкие культурные права. На первом этапе общины получили культурную автономию. Однако компетенция регионов в экономической сфере оказалась незначительной. Что са-

мое важное, лидерство Фландрии, уже состоявшееся в области экономики, не было закреплено в политической области.

1980 – была вторично пересмотрена конституция. Фландрия и Валлония получили статус автономии. Дополнительные поправки к конституции незначительно расширили финансовые и законодательные полномочия регионов. Затем последовало создание двух региональных ассамблей, формировавшихся из существующих членов национального парламента от избирательных округов в соответствующих регионах.

1989 – Брюссель получил права региона. Там была создана региональная ассамблея и правительство. Однако парламенты регионов формировались из депутатов национального парламента из соответствующих регионов. Следовательно, они не удовлетворяли требованиям автономии валлонской и фламандской сторон.

1993 – подписание Сен-Мишельских соглашений ведущими политическими группировками фламандцев и франкофонов. Они были закреплены в Конституции Бельгии 1994 г., статья 1 которой гласит: "Бельгия – федеративное государство, состоящее из сообществ и регионов".

Осень 2007–2008 – правительственный кризис в Бельгии, вызванный итогами общенациональных парламентских выборов, в результате которых победу одержала Христианская демократическая и фламандская партия во главе с Ивом Летермом (один из наиболее последовательных и влиятельных националистов). Причиной кризиса стало стремление ХДФ к дальнейшей автономизации Фландрии (уменьшение отчислений Фландрии в федеральный бюджет, расширение языковых границ фламандского сообщества и т.д.), что негативно было встречено, как представителями валлонских политических сил, так и представителями общегосударственных структур [3].

Стороны конфликта.

Первичные стороны:

А) Фламандское националистическое движение:

Вдохновленные идеями культурно-исторического и политического реванша представители фламандского националистического движения (в лице правых фламандских партий, наиболее влиятельной из которых является Фламандский интерес ("Влаамс беланг") Филиппа де Винтера с опорной базой в Антверпене, также все более склоняются к принятию аргументов правых фламандцев – "центристы", Новый Фламандский Альянс, утвердив себя в качестве монополюбно доминирую-

щей политической силы во Фландрии и преобразовав под себя ее политическое и культурное пространство, активно продвигают антиваллонские и сепаратистские идеи в масштабах всей Бельгии, представляя собой тем самым наиболее активного субъекта рассматриваемого этноконфликта.

Б) Валлонское националистическое движение:

Движение франкофонов Бельгии (ведущей партией которого является Демократический фронт франкофонов) заметно уступает своим фламандским конкурентам в политической силе и пассионарности и не в состоянии выдвинуть и противопоставить экспансивному национализму ясную стратегию как общельгийского строительства, так и защиты культуры, языка и идентичности франкофонов.

Особенностью многолетнего противостояния этих сторон является то, что, несмотря на возникающие кризисные ситуации, конфликт не приобретал насильственной формы. Представители обоих полюсов конфликта делают акцент на мирное решение проблемы [3].

Вторичные, третичные стороны:

Специфичной чертой "бельгийского конфликта" является противоречивость, с точки зрения его оценки субъектами, заинтересованными в его разрешении.

С одной стороны предполагаемый распад Бельгии, и таким образом усиление национально-культурных идентичностей в ущерб национально-государственным – естественный результат развития Европейского Союза и поощряемой им политики регионализации. Усиление центральной власти ЕС происходит за счет параллельного ослабления национальных государств, их дробления, как видно на примере Бельгии – вплоть до их распада.

С другой стороны, предполагаемый распад Бельгии может устроить далеко не все страны Евросоюза, многие из которых сталкиваются с проблемами этнического национализма. В частности, Испания, Франция, Великобритания едва ли будут рады новому примеру самоопределения регионов. Особенно после косовского прецедента. В конце концов, само объединение Европы шло по образцу Бельгии, а значит, бельгийский раскол сильно ударит и по имиджу ЕС.

Нельзя не отметить и вероятность вовлеченности в "бельгийский конфликт" и соседних государств:

Во-первых, Германии, так как при возможном решении валлоно-фламандского противостояния путем сепарации, встает вопрос о ста-

туса немецкоязычных регионов Бельгии. В настоящее время они входят в состав Валлонского административного округа. Однако бельгийские немцы имеют свое Немецкоязычное сообщество, у которого есть собственные парламент и министерство. Теоретически данная область может стать еще одним "карликовым государством" Европы. А может поставить вопрос о воссоединении с ФРГ. В последнем случае Берлин получает шанс вернуть потерянный после Второй мировой войны регион. Но это нарушает условия Московского договора 1990 года, в рамках которого Германия обещала не расширяться после воссоединения ГДР и ФРГ. Европейские страны могут вспомнить свои страхи перед "немецким экспансионизмом".

Во-вторых, Нидерландов, что связано с тем, что население южных нидерландских городов Дордрехта и Роттердама чувствует себя ближе к фламандскому населению Антверпена, чем к голландцам Амстердама. Нельзя исключать, что провозглашение независимости Фландрии вызовет всплеск фламандского сепаратизма в Нидерландах.

В-третьих, Франции. Валлонский административный округ Бельгии включает в себя пять франкоязычных провинций. С упадком угольной и металлургической промышленности он давно превратился в дотационный регион. Основной статьей доходов является туризм в Арденнах и исторических городах. Вполне возможно, что в Валлонии появится движение за воссоединение с Францией, которого так опасались бельгийские политики XIX века [3].

Таким образом, мы можем констатировать, что от решения валлоно-фламандского конфликта на прямую зависит не только судьба Бельгии как государства, но и стабильность "европейского организма" в целом [3].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Абрамова Е.В. Языковая ситуация в Нидерландах и Бельгии // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №4.
2. Барсуков А.М. Перспективы выхода из кризиса и сохранения единства Бельгии // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №3.
3. Коростелёв М., Вакарь Д., Вьюшин А. Валлоно-фламандский этнополитический конфликт в Бельгии [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилева. URL: <http://www.gumilev-center.ru/vallono-flamandskijj-ehtnopoliticheskijj-konflikt-v-belgii> (дата обращения 20.07.2018 г.).

4. Павличук Е.В. Федеративная реформа Бельгии // Полис. – 1995. – №5. – С. 130-135
5. Полякова А.А. Король Альберт II и политический кризис в Бельгии // Вестник гуманитарного научного образования. – 2012. – № 2.

Вопросы и задания

1. Какую роль лингвистический фактор сыграл в возникновении валлоно-фламандского этнополитического конфликта в Бельгии?
2. Как отражаются социально-экономические различия районов проживания валлонов и фламандцев в конфликтном взаимодействии?
3. Какие стадии прошел данный конфликт?
4. Укажите основные стороны-участников конфликта?
5. В чем принципиальное отличие данного конфликта от конфликтов в Ирландии и Испании?
6. Какие риски несет в себе валлоно-фламандский этнополитический конфликт в Бельгии для всего Европейского союза?

Глава 4

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Основные тенденции. Основными тенденциями развития ситуации на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ) являются: нарастание нестабильности по всему региону, провал усилий Запада по взятию ситуации в регионе под контроль, а также усиление самостоятельности местных игроков, свидетельствующее о переходе от однополярного к бесполярному миру. На БСВ идет постепенное возвращение к геополитическому балансу доколониальной эпохи.

Нарастание нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке включает распад традиционной государственности в Северной Африке (Магриб), странах Африканского Рога и Арабского Востока (Машрик), а также борьбу умеренных монархий и авторитарных светских режимов с исламистами в арабском мире и Пакистане. Региональные центры силы, в первую очередь Иран, Катар, Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Турция, конкурируют между собой в борьбе за влияние.

Ухудшается, вплоть до геноцида этноконфессиональных групп в зонах конфликтов, положение меньшинств. Подъем племенного фактора дестабилизирует не только БСВ, но и его африканскую и центральноазиатскую периферию. Нестабильность охватывает и западные страны, в первую очередь европейские, с крупными ближневосточными диаспорами.

Процесс этот имеет объективные причины, развивается в соответствии с характерными для событий такого масштаба закономерностями и обещает быть достаточно длительным. История европейских революций позволяет предположить, что он займет не менее трех

поколений. Глобализационные процессы и интегрированность современного БСВ в общемировую систему облегчают распространение ближневосточной нестабильности за пределы региона [5].

Попытки поставить под прямой контроль западного сообщества процессы, идущие на БСВ, окончились провалом. Это касается как Афганистана и Ирака, вопрос о выводе с территории которых возглавляемых США военных коалиций в 2014-м году будет завершен, так и стран "арабской весны", где НАТО использовали в собственных целях Доха, Эр-Рияд и Анкара. Как выяснилось, современные западные армии могут разгромить любого регионального противника в исламском мире и уничтожить государственные институты в атакуемых ими странах, но не в состоянии длительное время удерживать контроль над значительными территориями БСВ.

Единственными боеспособными подразделениями в операциях на БСВ оказались представители т.н. "англосаксонского спецназа": части специального назначения из США, Великобритании, Канады и Новой Зеландии. Эффективность в борьбе с террористами беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) контрастирует с провалами западных спецслужб в работе с местной агентурой и населением в целом, а также успешным использованием террористическими группировками диверсионно-партизанской тактики деятельности, ракет и минной войны.

Координация действий НАТО, как показала война в Ливии, чрезмерно усложнена. В условиях БСВ использование дорогостоящего высокоточного оружия в горно-пустынной местности против разрозненных легковооруженных формирований и ополчений племен затратно и малоэффективно. Исламистские военно-террористические группировки учли это, освоив на практике методы ведения войны с западными вооруженными силами. Сохраняя подавляющее преимущество в живой силе и технике, те не могут победить их в условиях повышенной чувствительности западного общества к людским потерям [5].

Отказ западных армий от тактики "выжженной земли", единственно пригодной для успешной борьбы с партизанами, а также распространение современных вооружений, транспорта и средств связи во внегосударственных структурах, позволяет последним захватывать обширные регионы БСВ, где более не действуют местные диктатуры, свергнутые Западом или при поддержке Запада во имя идей демократизации.

Ставленники Вашингтона и Брюсселя в Кабуле и Багдаде оказались не только склонны к сотрудничеству с антизападными силами,

включая Иран и радикальные исламистские группировки, и коррумпированы, но и практически неподконтрольны своим внешним патронам. Афганистан за время западной оккупации превратился в наркопроизводящее государство мирового масштаба: более 95% героина планеты производится в настоящее время в этой стране местными наркобаронами, тесно связанными с официальным Кабулом.

Опора США и ЕС на т.н. "умеренных" исламистов из числа "Братьев-мусульман", патронируемых Катаром и Турцией, а также салафитские группировки, поддерживаемые Королевством Саудовская Аравия (КСА), дестабилизировала регион, без какого либо выигрыша для Запада. В Тунисе и АРЕ "Ан-Нахда" и "Братья" потеряли контроль над правительствами. Салафиты вступили в жесткое противостояние с "братьями", отражающее соперничество Саудовской Аравии с Катаром. Военный переворот, произошедший в Египте в июле 2013 года, вернул власть в руки армейского руководства, поддерживаемого светскими политическими силами, хотя и стал прологом гражданской войны, которая скорее всего будет подобна той, которая шла в Алжире в 90-х годах прошлого века.

Провал Запада на БСВ усилил местных игроков из числа исламистов, значительно ослабив светские прозападные силы. Характерно, что требования демократизации власти со стороны Запада, в первую очередь США, спровоцировав свержение армейских хунт, привели в правительства БСВ не представителей меньшинств, либеральных, молодежных и женских движений, а антизападных исламистов. В Афганистане исламисты де-факто остались у власти, которая после вывода оттуда американских войск в 2014 г. неизбежно вернется к талибам в полном объеме [5].

Падение авторитарных милитаристских режимов в Ираке, Тунисе, Ливии, Египте и Йемене, а также ослабление их в Сирии и Пакистане расчистило поле деятельности для террористических группировок, исламских политических партий и их патронов: Ирана, Катара, КСА и Турции. Осознание этого западным политическим руководством, военно-разведывательным сообществом и экспертами не произошло, анализ причин произошедшего не проведен и даже в случае проведения вряд ли окажется объективным.

В Турции исламисты пришли к власти парламентским путем, опираясь на лозунги демократии, прогресса и борьбы с коррупцией, и, в конечном счете, оттеснили с командных позиций и нейтрализовали

армию. Борьба светских турецких политических групп и партий с исламистами развернулась, начиная с конфликта вокруг стамбульского парка Гези, летом 2013 г. и активизировалась с началом конфликта премьер-министра Р.Т. Эрдогана с его недавним союзником, лидером движения "Нур" Ф. Гюленом в начале 2014 г.

На протяжении длительного периода считалось, что однополярный мир эпохи, после распада СССР и окончания холодной войны, сменится многополярным. Гегемонию США по мнению сторонников этой теории, должна была сменить согласованная политика ряда крупнейших игроков, в числе которых им виделись Индия, Китай и другие государства, не являющиеся членами НАТО. Однополярный мир оказался не прочнее и не безопаснее двухполярного. Однако система, которая его заменит, скорее всего, будет напоминать не многополярный, а бесполярный мир [5].

Конфликтующих между собой игроков, пытающихся отстаивать свои интересы, в т.ч. на БСВ, много. Но согласование и тем более проведение ими в жизнь последовательной политики нереально. Скорее речь идет о возвращении к геополитическому балансу доколониальной эпохи, когда вес и значение Японии, Индии, Китая, Турции, Персии, Кореи и России были несопоставимы с тем, который эти страны имели в XX-м столетии. Это же касается США и европейских государств.

Кто-то из традиционных участников "Большой игры" ослабевает. Кто-то усиливается. Появились новые игроки, вроде Канады, стран Латинской Америки или ЮАР. Некоторые из "фигур" сами превратились в игроков. Однако в целом то, что происходит в регионе, включая возвращение арабского мира в состояние присущей ему на протяжении веков анархии племен, религиозных меньшинств и исламских орденов, лишь подтверждает всеобъемлющий характер происходящего.

Это касается и характерной для "арабской весны" роли западных государств в качестве участников интриг местных феодальных игроков, характерной для Индии времен Ост-Индийских компаний. В XVII-XVIII-м столетиях британские или французские отряды наемников местных раджей и навабов были стандартом восточной политики. В начале XXI-го столетия в свержении Каддафи в Ливии и попытке свержения Асада в Сирии эту роль играли Франция, Великобритания и другие страны НАТО как таковые.

Внешние и внутренние игроки БСВ и их интересы. Основные внешние игроки, влияющие или пытающиеся влиять на процессы, идущие

щие на БСВ – это США, страны ЕС и НАТО – как военный блок – во-первых; Китай, Япония, Южная Корея и другие страны АТР, Индия, Бразилия, Венесуэла и другие страны Латинской Америки – во-вторых; Россия и другие постсоветские страны – в-третьих. И структура, на которую региональные игроки влияют значительно сильнее, чем она на регион – ООН.

США, несмотря на некоторое ослабление их позиции – ключевой внешний игрок на БСВ, в т.ч. в военной и военно-технической сфере. Только американская армия может свергнуть любое правительство региона и оккупировать любую его страну. Хотя США не способны сделать оккупационный режим эффективным и поддерживать его длительное время. Единственный из крупных региональных игроков, независимый от США – Иран [5].

Разработка залежей сланцевого газа и нефти призвана свести зависимость США от ближневосточных энергоносителей к нулю к 20-м годам текущего столетия, что развяжет Вашингтону руки в случае региональных конфликтов, позволив руководствоваться только собственными долгосрочными интересами. Администрация президента США балансирует между Турцией, арабским миром и Израилем, нащупывает возможность наладить отношения с Ираном и пытается свернуть военное присутствие на БСВ и отказаться от обязательств перед традиционными союзниками, сохраняя влияние в регионе, чтобы развязать себе руки в надвигающемся противостоянии с КНР.

Среди европейских государств на БСВ выделяются бывшие колониальные державы: Великобритания и Франция, а в экономической сфере – Германия. Такие союзники США, как Саудовская Аравия, компенсируют охлаждение отношений с Вашингтоном за счет их укрепления со странами ЕС, в данном случае с Францией. Активная роль Лондона и Парижа в событиях "арабской весны" в Ливии и Сирии, спровоцирована Дохой и Эр-Риядом, ландскнехтами которых фактически выступили европейские члены НАТО.

Роль азиатских и латиноамериканских игроков сводится преимущественно к покупке углеводородов, инвестициям и технологическому обмену. Китай, оперирующий, исходя из долгосрочной стратегии своего экономического развития, является крупнейшим внешним игроком в ряде регионов БСВ, конкурируя с США и ЕС.

Китайские военные присутствуют в Судане, Афганистане и других странах БСВ, где КНР развивает крупные инфраструктурные и сырье-

вые проекты. Однако конкуренции Западу военное присутствие стран этой группы в регионе не составляет, хотя успехи КНР в военно-техническом сотрудничестве (ВТС) с Пакистаном, Турцией и странами арабского мира является раздражающим фактором для западных корпораций и правительств [5].

В то же время первая военная база Японии за ее пределами, построенная в Джибути для борьбы с сомалийскими пиратами, открыла новую страницу в военной истории этой страны.

Россия и другие постсоветские государства (в первую очередь Украина и Белоруссия) являются поставщиками современных вооружений и военной техники на БСВ, которые могут конкурировать с лучшими западными образцами (хотя новейшие системы не экспортируются ни Западом, ни РФ). Единственное государство региона, с которым Россия имеет значительный торговый оборот, является Турция.

Москва поддерживает прочные отношения с Иерусалимом, Теграном, светскими арабскими автократиями и умеренными монархиями, противостоя экспорт из региона политического ислама и терроризма. Особую роль Россия играет в развитии в регионе ядерной энергетики, завершив строительство АЭС "Бушер" в Иране и приступив к постройке АЭС "Аккую" в Турции.

Основные внутренние центры силы БСВ, чье влияние так или иначе ощущается во всем регионе – Турция, Иран, Израиль, КСА, Катар и Пакистан – в связи с его влиянием на ситуацию в Афганистане, союзом с аравийскими монархиями и ядерным потенциалом. Все прочие, вне зависимости от их экономического, военного или демографического веса, занимаются собственными проблемами и их интересы ограничены ближней периферией.

При этом подавляющая часть альянсов на БСВ – временная. Союзы распадаются и переформируются в зависимости от текущей ситуации. Постоянными являются только интересы и конфликты интересов [5].

Так, в начале 2014 г. Катар практически заморозил свое участие в антисирийском альянсе, переключившись на защиту интересов патронируемых им исламистов в Тунисе и Египте, в союзе с Турцией. Обострение его отношений с КСА привело к временному альянсу с Ираном, соперничеству в Ливии и Афганистане, где Доха наладила диалог с Движением "Талибан", а также ослаблению отношений с Францией и усилению с США.

Саудовская Аравия, отношения которой с ИРИ обострились, с Францией укрепились, а с США пережили серьезное охлаждение, налади-

ла неформальный канал связи с Израилем, направленный против Ирана. Одновременно Эр-Рияд поддержал военный переворот в Египте, вернувший армии и светским политикам власть в Каире за счет свергнутых "Братьев-мусульман" – креатуры Катара.

Исламизируемая собственным политическим руководством Турция де-факто разорвала стратегическое партнерство с Израилем. Однако вынужденно увеличила с ним в разы торговый оборот, поскольку гражданская война в Сирии отрезала ее от арабских рынков. В то же время ее отношения с соседними странами обострились. Вместо выполнения декларируемой МИД Турции доктрины "ноль проблем с соседями" Анкара, взявшая к началу "арабской весны" курс на создание безвизовой зоны и зоны свободной торговли с Ливией и Сирией, приняла участие в войне против Каддафи.

Единственный устойчивый альянс на БСВ – пакистано-саудовский, завязанный как на финансирование стратегических программ развития Исламская республика Пакистан (ИРП) со стороны КСА, в том числе ядерной программы, так и на совместную поддержку спецслужбами Саудовской Аравии и Пакистана афганских исламистов, в первую очередь талибов.

Израиль в свою очередь поддерживает дипломатический диалог с Иорданией, Арабская республика Египет (АРЕ) и, по возможности, Турцией, одновременно развивая неформальные отношения со многими государствами региона, включая ОАЭ, Марокко, Оман и пр. в закрытом режиме [5].

Региональные и глобальные конфликты и их последствия. Основные региональные конфликты идут к началу 2014 г. в азиатской части БСВ в афгано-пакистанской зоне (т.н. АфПаке), Ираке, Сирии, Ливане и Йемене, где идут гражданские войны разной интенсивности, а также между палестинскими политическими группировками. На африканской части БСВ гражданская война начинается в Египте, идет в Сомали, Судане и Южном Судане и Ливии. Тунис балансирует на грани гражданской войны. В Алжире получило новый импульс противостояние арабов и берберов.

Глобальное значение имеет противостояние шиитов и суннитов, радикальная исламизация БСВ, конфликты "Братьев-мусульман" с салафитами, а исламистов всех типов со светским населением и христианами, переходящий в противостояние исламистов со всем неисламским миром, в т.ч. за пределами региона. На этом фоне наименее

острым является хронический конфликт исламских стран и палестинцев с Израилем, вопреки повышенному вниманию к этой теме мирового сообщества и ООН.

Характерным следствием нарастания дестабилизации БСВ является проблема беженцев и перемещенных лиц (БПЛ). Афганистан, Ирак, Сирия, Сомали, Эритрея и Судан, а также граничащие со странами региона Южный Судан, ЦАР, Мали и Чад являются наиболее проблемными зонами в этом вопросе. Число БПЛ каждой из этих стран составляет миллионы. Подсчет их числа ведется приблизительно.

Учет БПЛ политизирован. В отношении палестинских беженцев, которыми занимается особое агентство ООН, UNRWA, точность доведена до единиц, причем число их за время его существования увеличилось на порядок, так как в данном и только данном случае беженцами считаются потомки изначальных беженцев во всех поколениях. Сотни тысяч, а иногда и миллионы БПЛ, как в Ираке, где их проблема является следствием военной операции США по свержению режима, не учитываются и не регистрируются [5].

Существенной является проблема вторичных беженцев (иракцы и палестинцы в Сирии), а также транзита БПЛ, в первую очередь из транссахарской Африки, Магриба и Машрика в Европу. Падение авторитарных режимов Ливии и Туниса и участие Турции в гражданской войне в Сирии расширило нелегальную миграцию с БСВ в страны ЕС, осложняя их экономическое положение и ослабляя систему безопасности.

Основные маршруты перемещения БПЛ: через Средиземное море (на Иберийский полуостров и в Италию) и Турцию (в Грецию и на Балканы). Интеграция БПЛ из Африки и стран БСВ в Европе, вследствие реализуемой с 70-х гг. социальной политики левых и центристских европейских правительств, осложнена. БПЛ из этих регионов не только превращают места своего расселения в люмпенизированные криминальные гетто, но и способствуют радикальной исламизации Европы и, как следствие, росту ксенофобии и популярности крайне правых партий у коренного европейского населения.

Лагеря беженцев на БСВ и соседних с регионом государствах являются центрами радикализма. Контроль их территории и выделяемой беженцам международной помощи осуществляют криминальные и террористические группировки. Отношения с коренным населением принимающих стран балансируют на грани войны. Расположение круп-

ных лагерей БПЛ на окраинах столиц облегчает их использование для организации атак на расположенные в центральных районах правительственные кварталы в ходе гражданской войны (лагерь палестинских беженцев Ярмук в Дамаске в 2011-2014 гг.) или терактов (лагерь сомалийских беженцев Дадааб в Найроби в 2014 г.) [5].

Помощь БПЛ оказывается неравномерно, недостаточно и характеризуется практикой двойных стандартов. Существуют две группы: беженцы первого сорта (палестинцы) и все прочие. Они считаются беженцами только в первом поколении, число их на порядок больше и занимается ими Верховный комиссариат по делам беженцев. Бюджеты обеих агентств ООН сопоставимы. На БСВ и по границам региона проблема БПЛ обостряется, объем выделяемых для ее решения средств ничтожно мал по сравнению с минимально необходимой величиной, расходование не выдерживает критики. Ряд регионов и стран в связи с военными действиями на их территории выпал из системы поддержки БПЛ.

Миротворческие миссии ООН на БСВ неэффективны. Это же характеризует и систему ООН в целом. Невыполнение миротворцами своих функций в Судане, Ливане и других странах БСВ под предлогом недостаточного мандата, неспособность международного сообщества пресечь геноцид в отношении меньшинств и остановить религиозные войны демонстрирует, что в отсутствие готовых на прямое военное вмешательство сверхдержав эта система недееспособна.

Деятельность, разворачиваемая ООН по принципу наименьшего сопротивления и минимальных рисков, привела к вопиющей заикленности этой организации на Израиле и его отношениях с палестинцами, при явной односторонности подхода международного сообщества в пользу лидеров палестинских военно-террористических организаций и анклавов, которые они контролируют в Газе и на Западном берегу.

В ходе "арабской весны" выявилась роль ООН как инструмента политических манипуляций арабских монархий и поддерживающего их западного блока по реформатированию БСВ мира в пользу исламистов, что проявилось в 2012-2013 гг. в Ливии и Сирии. Срыв усилий по организации интервенции против правительства Асада под эгидой ООН привел к требованиям реформировать эту организацию со стороны Саудовской Аравии, при поддержке Франции и Великобритании.

Пока ООН занята давлением на Израиль, декларативными заявлениями и реализацией не имеющих под собой основу проектов, осно-

ванных на устаревших политических теориях, вроде создания палестинского государства, на БСВ совершаются преступления против человечности, приближающиеся по масштабам к событиям, происходившим в Европе в ходе Второй мировой войны [5].

Это же касается формально не существующей более работорговли (в Мавритании, Судане, Саудовской Аравии) и других преступлений против личности, которые "не замечаются" мировым сообществом, либо отмечаются им вскользь, без действенных мер по их пресечению.

Фактически ООН на БСВ и в Африке недееспособна и зачастую просто игнорируется лидерами местных государств. Вооруженные нападения боевиков на миротворцев ООН и отсутствие инструментов, которые могли бы позволить мировому сообществу призвать к ответу виновных даже в таких преступлениях, как геноцид, как это было в Судане с его президентом Омаром аль-Баширом, хотя соответствующее решение было и принято международными структурами, подчеркивает это.

Имперские проекты ключевых игроков БСВ и их возможные последствия. Ренессанс политического ислама на БСВ в трех его основных конфликтующих формах: двух суннитских (салафитский проект КСА и глобальное движение "Братьев-мусульман" Турции и Катара) и шиитской (поддерживаемой Ираном) проявляется и за границами региона, а также на его периферии. Наиболее острые конфликты местных правительств и неисламского населения с исламистами идут в АфПакке, арабских странах со значительной долей этноконфессиональных меньшинств и светского населения, а также в Африке, Индии и странах АТР. Значительное дестабилизирующее влияние исламские центры БСВ оказывают на мусульманские общины Запада, мусульманское население России и других постсоветских республик.

Распространение влияния основных силовых и финансовых центров БСВ в регионе и за его пределами можно рассматривать в рамках реализации четырех взаимопересекающихся проектов. Условно их можно обозначить как новая Османская Порты (турецкий), новая Персидская империя (иранский) и новый Халифат (арабский, с внутренней конкуренцией ваххабитского тандема – Катара и Саудовской Аравии). Израиль, как региональная военно-экономическая сверхдержава ограничивается на БСВ защитой своих границ и обеспечением собственной безопасности [5].

Турция и Катар избегают столкновения с Ираном, поддерживая с ним отношения на уровне, достаточном для того, чтобы основной конфликтный потенциал БСВ составляло ирано-саудовское соперничество. Столкновение амбиций Катара и КСА развивается "по доверенности", поддерживаемыми их группировками в Ливии, Египте, Сирии и других странах арабского мира, а также в рамках конкуренции в Африке, Центральной Азии и на Западе. Необъявленную войну с Израилем Иран ведет через проиранские движения в Южном Ливане и Газе, а до начала гражданской войны в Сирии вел с использованием ее ресурсов.

В отличие от ИРИ, КСА и Катара, руководство Турции вынуждено вести постоянную борьбу со светским населением и оппозицией за исламизацию общественно-политической жизни в стране, одновременно маневрируя между враждующими течениями исламистов в правящей партии – ПСР. Поиск опоры в парламенте вызвал сближение премьер-министра Эрдогана с курдскими партиями, что обострило его противостояние с националистами, но не завершило турецко-курдское противостояние как таковое. Единственный вопрос, по которому правящая партия и оппозиция придерживаются единой позиции – оккупация турецкого Северного Кипра, воссоединение которого с греческим Кипром находится в таком же тупике, как и вопрос о приеме Турции в ЕС.

Во внешней политике Турция эксплуатирует исламский фактор наравне со всеми своими конкурентами, и продвигает особые отношения с государствами тюркского мира как "старший брат" – "ага бейлик". Иран делает то же в ограниченном Афганистане и Таджикистане ираноязычным ареале. КСА и Катар в арабском мире. Саудовская Аравия использует единственный в своем роде фактор хаджа, привлекающего на ее территорию ежегодно около 3 млн. верующих мусульман со всего мира [5].

"Арабская весна" стала возможной во многом вследствие отсутствия в странах БСВ, где она произошла, социально-политических лифтов, консервации правящей элиты и разрыва между поколениями. Свергнутые лидеры правили по 30-40 лет, управляемые ими режимы были коррумпированными и их поддержка со стороны населения – минимальна. В то же время проблема передачи верховной власти существует и в арабских монархиях, в первую очередь Саудовской Аравии и Омане. Ключевым государством БСВ и арабского мира, как его со-

ставной части, является КСА, которым к настоящему моменту руководят представители поколения 80-90-летних детей основателя государства.

Весьма вероятно широкое распространение аналогичных "арабской весне" процессов за пределы БСВ, в том числе в Африку и Центральную Азию, с участием тех же игроков: Катара, КСА и Турции. Проблема передачи верховной власти престарелыми правителями и радикальное исламистское подполье существуют не только на БСВ.

Признаками "африканской весны" стали события в Мали, Центральноафриканской республике, Нигерии, Кении и других странах континента, до ЮАР включительно, где идет исламизация и действуют радикальные террористические группировки. "Аш-Шабаб" и "Боко харам", "Движение за единство и джихад Западной Африки" (ДЗЕД-ЗА) и "Аль-Каида в странах исламского Магриба", а также другие интернациональные, локальные и региональные группировки дестабилизировали ряд африканских государств, поставив некоторые из них на рань выживания.

Конкуренция между государствами-спонсорами исламистов, в первую очередь КСА и Катаром (примером которой является Эфиопия), военное присутствие в Африке США и европейских держав, а также сопротивление, которое оказывают исламистам воинский контингент Афросоюза в Сомали – АМИСОМ, региональные африканские межгосударственные объединения и национальные армии (там, где они сохраняют дееспособность) позволяют приостановить распад африканской государственности и радикализацию местных племен [5].

Причем племенной фактор, ключевой в Африке, в полной мере возродился на БСВ. Деграция и ослабление государственности в регионе, спровоцировавшая уничтожение и вытеснение радикальными исламистами меньшинств, вывела на первые роли в ряде его государств (Ливия, Судан, Сомали, Йемен, Афганистан) фактор племен и кланов, без учета которого рассматривать происходящие там процессы бессмысленно. Это не касается лишь стран, где государственные институты имеют многовековую историю и не основаны на межплеменном балансе (Иран, Турция и Израиль), либо сохранена или восстановлена государственнообразующая роль армии (Египет и частично – Алжир).

Начало "центральноазиатской весны" предположительно провоцирует вывод войск США из Афганистана в 2014-м году. Захват талиба-

ми исходных позиций в пуштунских регионах этой страны неизбежно приведет к вытеснению ими на север исламистов из числа базирующихся в Афганистане центральноазиатских и российских боевиков Исламского движения Узбекистана, джамаата "Уйгур-Булгар" и других движений. Через нестабильный исламизированный Таджикистан, Киргизию с ее кланами наркоторговцев и контрабандистов, а также напрямую исламисты атакуют авторитарные Туркменистан и Узбекистан, что будет нести существенную опасность для Казахстана и России.

Развитие событий в регионе к началу 2014 года позволяет предположить приближение большой региональной войны с участием Ирана и Саудовской Аравии. Столкновение интересов этих стран в Йемене, Сирии, Ливане, Ираке, на Бахрейне и во всех регионах, где салафиты воюют с шиитами и притесняют шиитские общины, делает ее неизбежной.

КСА заинтересована в провоцировании опережающего ее столкновение с Ираном ирано-израильском конфликте. Иерусалим и Тегеран избегают его, поскольку не имеют причин для противостояния, за исключением антиизраильской активности ИРИ, имеющей не прагматическую, а идеологическую подоплеку [5].

Подготовка противостоящих сторон к большой войне и неизбежные на БСВ малые региональные войны провоцирует региональную гонку вооружений. В случае получения ИРИ атомного оружия, либо пересечения черты невозврата, после чего изготовить А-бомбу можно будет за пренебрежимо малое время, в регионе вероятно гонка ядерных вооружений.

Объективная необходимость для ИРИ получения ядерных арсеналов вытекает из хода событий в регионе и за его пределами, связанных с режимом нераспространения ОМП на протяжении 2000-х гг. В Ираке Саддам Хусейн не имел ядерного оружия. Его страна была разгромлена, а сам он казнен.

Муамар Каддафи отказался от ядерной программы, договорился с США о примирении, перестал поддерживать международный терроризм и дал информацию, позволившую разоблачить "заговор Абдул Кадыр Хана", по каналам которого шло распространение пакистанских ядерных технологий и оборудования, в т.ч. в Иран. Запад, договорившись с КСА и Катаром, отказался от всех договоренностей, его страна была разгромлена, а он подвергся суду Линча.

Северная Корея, режим которой по всем параметрам внутренней политики не идет ни в какое сравнение с Ираком и Ливией по жестко-

сти, в нарушение ДНЯО овладела ядерными технологиями, получила ракетные технологии и обладает одним или двумя ядерными зарядами. Как следствие, наследственная диктатура Кимов получила индульгенцию и в ее дела мировое сообщество не вмешивается, ограничиваясь обещаниями защиты Южной Кореи в случае конфликта между ними.

Выводы, касающиеся того, что только наличие у Ирана ядерного оружия гарантирует его безопасность, напрашиваются. Дипломатический диалог руководства этой страны с мировым сообществом, окончившийся Женевскими соглашениями, позволил Тегерану выиграть время, наладить контакты с США и избежать военного удара по ядерным объектам. Однако, появление у ИРИ атомной бомбы означает для КСА необходимость овладения этим типом оружия – которое имеется у Пакистана [5].

Каким именно образом часть пакистанских ядерных арсеналов окажется в саудовском распоряжении – неважно. Развитие событий по этому сценарию означает конец режима нераспространения как такового, так как пороговые страны, а также государства региона, конкурирующие за влияние на БСВ или в какой-то его части (в т.ч. Турция, АРЕ, Алжир и Марокко) неизбежно вступят в борьбу за скорейшее овладение ядерными технологиями.

Взгляд консервативной военно-политической элиты Тегерана на проблему атомного оружия с религиозной точки зрения, делает такой сценарий единственно возможным. С этой точки зрения, к концу XX века все основные мировые конфессии и субконфессии, кроме шиитов, имели ядерные арсеналы.

Это касается суннитов (Пакистан), индуистов (Индия), буддистов (КНР и Северная Корея), католиков (Франция), протестантов (США и Великобритания), православных (Россия) и евреев (Израиль). Вопрос, "почему бомбу нельзя иметь только шиитам" в этой ситуации становится риторическим, хотя мировое политико-дипломатическое сообщество за отсутствием альтернатив уповает на достигнутые с ИРИ договоренности по иранской ядерной программе как на первый шаг к ее полному замораживанию.

Проблемы и перспективы. Процессы, идущие на БСВ в политической, военно-политической и конфессиональной сферах во многом зависят от демографии и экологии региона. Неконтролируемый рост населения в Сомали, Судане, Йемене и Афганистане, относящимся к

беднейшим странам региона, автоматически ведет к снижению уровня и ухудшению качества жизни, росту внутреннего насилия в борьбе за территорию и природные ресурсы, массовой миграции за пределы региона [5].

Высокий уровень молодежной безработицы превратил БСВ в идеальный плацдарм для революционных событий "арабской весны". Широкое распространение информационных технологий и образования, появление значительного числа представителей среднего класса, неудовлетворенных своими возможностями и претендующих на участие во власти обеспечило базу для формирования массовых исламистских партий и террористических организаций.

Значительная часть проблем БСВ в сфере природопользования также объясняется человеческим фактором. Это масштабная неконтролируемая урбанизация, уничтожение биоразнообразия природной среды, деградация почв, загрязнение водных артерий и подпочвенных вод, заиливание водохранилищ, вырубка лесов, сведение растительного покрова и его естественное следствие – опустынивание. Следствием расширения Сахары в частности является конфликт скотоводов и оседлого населения, особенно острый в Судане (геноцид в Дарфуре).

Проблема ресурсов включает недостаток пахотных земель и пастбищ, уничтожаемых выпасом наиболее распространенного в регионе малопродуктивного мелкого рогатого скота, но в первую очередь проблему воды. Загрязнение промышленными, бытовыми и сельскохозяйственными стоками, засоление прибрежных зон характерно даже для таких крупных артерий, как Нил и Евфрат. Особую проблему представляют гидроузлы на трансграничных реках.

Конфликты между Турцией, Сирией и Ираком из-за дележа стока Тигра и Евфрата, или Египтом и Суданом с одной стороны и государствами верховьев Нила, в первую очередь Эфиопией, представляют классический пример проблемы, не имеющей решения.

Конфликт Израиля с палестинцами из-за загрязнения и чрезмерной эксплуатации ими водных источников может быть решен с применением современных технологий, хотя только под жестким внешним контролем. Однако в Йемене вопрос катастрофического снижения водных ресурсов, особенно по сравнению с соседним КСА, имеющим значительные запасы подземных вод, стоит более чем серьезно. Возможно, именно между Эр-Риядом и Саной вскоре произойдет первая на БСВ водная война [5].

Проблемы производства наркотиков и экспорта из региона терроризма имеют мировое значение. БСВ поставляет на мировые рынки практически весь героин, значительные объемы других опиатов, а также каннабис. Регионы выращивания природного сырья, зоны производства наркотиков, пути распространения и рынки сбыта известны. Однако менее 5% экспортируемых из региона наркотиков удается конфисковать на российской границе, около 10% на границе Ирана и Афганистана.

Главными потребителями ближневосточных наркотиков являются страны Европы, РФ и другие постсоветские республики, а также собственно ближневосточные потребители. Это определяет пассивную позицию по отношению к наркопроизводителям Афганистана, Турции, Марокко и других стран со стороны Соединенных Штатов, воздерживающихся от проведения в регионе активных операций, в отличие от Латинской Америки, продукция наркокартелей которой идет в США.

Значительная часть политической элиты, племен и исламистских военизированных группировок БСВ имеет долю в наркобизнесе, а в некоторых районах и таких странах, как Афганистан, он является основой экономики. Силовое искоренение наркопроизводства в регионе требует проведения военных действий на обширных территориях, с применением дефолиантов, на которые мировое сообщество не готово. Попытки переориентировать производителей на добровольную замену ими опиумного мака и каннабиса обычными сельскохозяйственными культурами не имеют под собой экономической основы и изначально обречены [5].

Терроризм – региональный и международный, стал характерной частью военно-политической культуры БСВ. Именно через террористические группировки государства региона, претендующие на реализацию своих амбиций за пределами собственных границ, добиваются поставленных целей, борются с противниками и конкурентами, не вступая в широкомасштабные войны, пытаются влиять на внешний мир и подталкивать к тем или иным действиям страны, слишком могущественные для того, чтобы реагировать на другие инструменты, имеющиеся в их арсенале и слишком богатые, чтобы их купить.

Основные военно-политические группировки, задействованные в террористической деятельности делятся на шиитские и суннитские. Суннитские – на салафитские и "умеренные", к которым относятся ХАМАС и другие группы "Братьев-мусульман".

Шиитские движения, наиболее известными из которых являются ливанская "Хизбалла" и иракская "Армия Махди" поддерживаются и тренируются Ираном, точнее руководством Корпуса стражей исламской революции (КСИР) который не управляет ими, но координирует их деятельность, в т.ч. в Сирии.

Салафитские группы, в т.ч. действующие в России и Центральной Азии, снабжаются, тренируются и координируются Управлением Общей Разведки Саудовской Аравии. Подразделения "Братьев-мусульман" патронируются Катаром, при участии катарского спецназа, задействованного, в частности в Ливии в ходе свержения Каддафи, а на территории Турции ее спецслужбой МИТ.

Исламистский терроризм за пределами БСВ характерен не только для его периферии, но и для самых отдаленных регионов мира, в первую очередь ЕС и США. Наличие среди боевиков, воюющих в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии большого числа американцев и европейцев, представляет серьезную угрозу безопасности Запада после их возвращения в страны, гражданами которых они являются. Это же верно в отношении исламистских движений Магриба и Африканского Рога, среди которых выходцев из стран ЕС и США также достаточно [5].

Помимо прочего, деятельность военно-политических и террористических группировок и военные конфликты на БСВ осложняют добычу и транспортировку из региона ресурсов, имеющих жизненно важное значение для мировой экономики. Это углеводороды: нефть и природный газ (сжиженный, из Катара), а также необходимый для АЭС, в первую очередь французских, уран.

Наиболее уязвимыми в этой связи являются региональные трубопроводы, портовые терминалы и комплексы по производству сжиженного газа (СПГ), нефтехимические и нефтеперерабатывающие заводы, а также Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал. Гибралтарский пролив, который также относится к БСВ (с марокканской стороны) не является угрожаемой территорией в связи с близостью к Европе и наличием в районе Гибралтара значительных воинских контингентов.

Развитие на территории Магриба и Аравийского полуострова проектов альтернативной энергетики, которые также могут представлять интерес для террористических атак, для европейской экономики не является значимым фактором. Это же касается практически всех прочих направлений промышленности стран БСВ.

Некоторую роль в мировой экономике играют промышленность и сельское хозяйство Турции и Ирана, туристический сектор Марокко, АРЕ и монархий Залива. Существенна роль транзитного транспортного хаба мирового значения, которую выполняют Турция, Катар и ОАЭ. Инфраструктурные проекты Дубая и Абу-Даби важны для их подрядчиков. Монархии Залива выполняют роль мирового инвестора и крупного финансового центра. Но по всем этим направлениям страны БСВ могут быть легко заменены.

Единственным исключением в регионе является Израиль с его высокими технологиями и военно-промышленным комплексом, однако эта страна в настоящее время представляет собой на БСВ хорошо вооруженный, укрепленный и готовый к любому развитию событий остров спокойствия. Наличие в распоряжении Израиля значительных резервов природного газа на средиземноморском шельфе и сланцевой нефти в Негеве значительно повышает его значение для ЕС и США [5].

Практически все террористические группировки региона и большая часть правящих там режимов объявляют Израиль своим главным врагом. Однако воюют они между собой и, за исключением Ирана и его сателлитов, а также палестинцев, не предпринимают против еврейского государства заметной активности [5].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Аксенёнок А.Г., Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наумкин В.В., Сухов Н.В. Ближний восток: тьма перед новым рассветом? // Региональные конфликты и будущее глобального мира. – М., 2017.
2. Конфликты на ближнем востоке в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 10.
3. Кузнецов Д.В. Арабо-израильский конфликт: История и современность. Очерк событий. Документы и материалы. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006.
4. Кузнецов Д.В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение. В 2-х частях. Часть I. Арабо-израильский конфликт. – Благовещенск, Изд-во БГПУ, 2009.
5. Сатановский Е.Я. Современное состояние дел на Ближнем и Среднем Востоке [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19516> (дата обращения 10.07.2018 г.).

Вопросы и задания

1. Какова историческая подоплека современных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке?
2. Какую роль играет фактор дефицита ресурсов, в частности, пресной воды, в современных конфликтных процессах в БСВ?
3. Какую роль играет религиозный фактор в современных конфликтных процессах в БСВ?
4. Как и в чем проявляется специфика современных конфликтов в БСВ?
5. Какую роль играют акторы глобального порядка/акторы регионального порядка в современных конфликтных процессах в БСВ?
6. Есть ли перспективы мирного урегулирования конфликтных процессов в БСВ?

Глава 5

КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

В настоящее время на Африканском континенте происходит гораздо больше конфликтов, чем на любом другом. Самый кровавый со времен Второй мировой войны конфликт – в Руанде и Бурунди – унес только по официальным данным не менее двух миллионов человек, а всего в 50 африканских конфликтах за сорок лет после обретения независимости погибло более пяти миллионов человек. Несмотря на это, международное сообщество уделяет конфликтам на африканском континенте недостаточно внимания.

Только после 11 сентября 2001 г. мир по-настоящему понял, что международная безопасность зависит не только от позиции ведущих государств мира, но и от региональной безопасности. Любой конфликт приводит – помимо жертв и материального ущерба для участвующих в нем сторон – к увеличению количества беженцев (часть из которых правдами и неправдами оседает в странах Европы, США и Канаде), к распространению болезней, от попадания носителей которых не застраховано ни одно государство, к расширению базы мирового терроризма и распространения наркотиков, губительно воздействует на природу, а при определенных обстоятельствах может привести к экологической катастрофе, наконец, к неизбежному нарушению прав человека. Следствием конфликта является откат экономического развития на более низкую ступень, и как результат – распространение нищеты и социальных потрясений [3].

Можно условно выделить несколько групп факторов, способных спровоцировать конфликт и привести к его перерастанию в вооруженную фазу: обстоятельства военно-силового характера, социально-экономические условия и факторы социально-психологического свойства.

К первой группе относятся противоречия, возникающие при установлении и регулировании отношений силы. На международном уровне речь идет о воздействии на региональные конфликты со стороны великих держав. Имеются в виду не только ушедшее в историю противостояние США и СССР, но и влияние бывших метрополий, которые реализовали свои интересы в Африке через дружественные режимы, получавшие вооружения и экономическую помощь от европейских покровителей.

После распада биполярности и уменьшения интереса ведущих государств к Африке в этой части мира появилась новая разновидность конфликтов, которые возникали во многом лишь потому, что их инициаторы были уверены в нежелании международного сообщества вмешиваться в африканские дела.

Особое значение в этом смысле имеет борьба за лидерство между кандидатами на роли новых "центров силы". Такая борьба идет, например, между лидерами субрегиональных группировок – Нигерией (ЭКОВАС – Экономическое сообщество стран западноафриканских государств) и ЮАР (САДК – Сообщество развития Юга Африки). Для них международные конфликты – не только средство реализации интересов, но и своеобразный инструмент самоутверждения, открывающим дополнительные возможности для повышения статуса через миротворчество.

К региональному уровню относятся и конфликты между африканскими государствами, не претендующими на региональное лидерство, а стремящимися только к расширению сферы своего влияния. При этом слабые в экономическом отношении государства могут представлять собой "силу", даже если не обладают современным военным потенциалом, большим населением, ресурсами и высоким уровнем развития науки и техники [3].

Впрочем, продолжается и "классическая" милитаризация континента, пик которой приходился на 1980-е годы. Несмотря на относительное сокращение военных расходов, Тропическая Африка является пятым по величине рынком вооружений. Африканские государства относительно чаще и легче прибегают к военным методам для самоутверждения еще и потому, что имеющийся в их распоряжении сегодня военный потенциал пока еще недостаточно велик, чтобы представлять угрозу взаимного уничтожения. Отсюда – отсутствие основанного на инстинкте самосохранения стимула к развитию культуры сдержаннос-

ти в применение военной силы. Война в африканских условиях не кажется таким исключительным и вопиющим событием, как в рамках зоны распространения и влияния евро-американской "культуры войны" и "культуры мира".

Среди факторов социально-экономического характера важно назвать прежде всего те или иные формы борьбы за материальные ресурсы, которая сама по себе является производной от проблемы бедности и отставания в развитии. Если "первичная" борьба за государственную территорию к началу XXI в. во многом отошла в прошлое, то проблема соответствия государственных границ реальному этническому расселению по-прежнему стоит в Африке очень остро. Хотя в 1964-1991 годах Организация африканского единства выступала фактическим гарантом границ (сложившихся еще в колониальное время), пограничные конфликты даже в те годы между африканскими странами продолжали возникать. По сути, борьба за территорию и природные богатства продолжалась и продолжается, причем она идет не только между государствами, но и внутри государств – между племенами и провинциями.

Тяжелое экономическое положение африканских стран, ограниченность их материальных и финансовых ресурсов усугубляют внутривнутриполитическую борьбу за их распределение. В условиях неэффективных структур государственного управления, неспособных направить конкуренцию различных социальных групп в рамки имеющихся политических институтов, противостояние между кланами и территориями часто приобретает вооруженный характер [3].

Прирост населения и неконтролируемые миграции (в том числе беженцев и перемещенных лиц) ведут в условиях Африки к замедлению темпов экономического и социального развития, и как следствие – к конфликтам. Местные сепаратисты видят в вооруженной борьбе в первую очередь возможность обеспечить "своему" племени или этнической группе возможность полного права распоряжаться местными ресурсами – иногда просто для увеличения своего влияния в рамках всего государства.

Многие внутренние, в особенности межэтнические конфликты начинаются не под политическими, а под чисто экономическими лозунгами. Но если их причины быстро не устраняются, то почти всегда возникает опасность перерастания рядового экономического конфликта (например, за доходы от разработки местных сырьевых ресурсов) в

очередную войну за отделение той или иной богатой ресурсами территории. Нищенское существование населения облегчает формирование банд, которые легко находят общий язык с местной вооруженной оппозицией.

Среди социально-психологических факторов главным является этническое мышление, основанное на трайбализме. Перенесение отдельных "низовых" этноплеменных форм организации и культуры на более высокие уровни политической организации и попытки превратить их в общенациональные стандарты неизбежно ведут к возникновению трений между различными этническими группами в рамках единого государства. Если эти трения нарастают, то возникает эффект "искаженного взаимовосприятия", быстро растет влияние всегда имеющихся негативных стереотипов взаимного отношения, легко формируются "образы врага". Возникает четкое разделение на "своих" и "чужих" по внешним (формальным) групповым признакам, а целесообразность индивидуального подхода к оппоненту ("врагу") отрицается [3]. При этом во многих случаях проблемы этнических меньшинств и межэтнических отношений на самом деле намеренно используются теми или иными политическими группировками страны для реализации чисто групповых экономических и властных интересов.

Положение усугубляется высокой степенью персонификации власти на Африканском континенте. Развитие ситуации часто зависит от особенностей поведения лидера, его жизненного и политического опыта, личной мотивации, в частности, большей или меньшей склонности к использованию военно-силового аппарата. Многие африканские лидеры являются выходцами из армейских кругов, и, соответственно, их опыт поведения в кризисных ситуациях сильно отличается от того, которым обладают гражданские политики. Военным применять силу психологически несравненно легче, чем гражданским.

Устойчивость негативных стереотипов и "образов врага" в Африке в большой мере связано с длительными, практически не прерывающимися (хотя часто вяло протекающими) конфликтами между африканскими странами и племенными группами внутри этих стран. Вот почему психологический порог конфликтности в этой части света очень низок: даже просто ошибочное восприятие одним из участников конфликта намерений противоположной стороны может привести к стремительному и резкому обострению ситуации. Люди склонны принимать собственные страхи за намерения другой стороны. При этом

собственные силовые акции могут искренне восприниматься как ответные и вынужденные, даже если фактически они были упреждающими, "профилактическими" и не обязательно обусловленными реальной опасностью. Соответственно, любые действия противоположной стороны заведомо расцениваются как "провокационные" [3].

К типичным социально-психологическим факторам конфликтности в Африке ("пять признаков агрессивности") относятся прежде всего: избыточное внешнее давление, недостаточная способность государства приспособиться к изменениям международной среды, наличие явного превосходства одной из стран над ее соседями, желание добиться признания легитимности статуса своего правительства, стремление "одним рывком" добиться осуществления своих целей в международном окружении.

Следует отметить роль, которую играют в Африке средства массовой информации. Периодически они могут работать на "углубление конфликта", но в принципе их влияние может быть и умиротворяющим. СМИ внутри собственной страны формируют общественное мнение и массовые настроения, придают им нюансировку, эмоциональные оттенки, акцентируют внимание на одних и приглушают звучание других тем. Политический климат, формируемый СМИ, выступает как базовый фон восприятия потенциально конфликтных ситуаций. Сообщения об одних и те же фактах по-разному воспринимаются в потоке спокойной подачи информации и в контексте общей нарочитой нервозности [3].

Можно выделить несколько типичных вариантов развития конфликтов в Африке:

- а) мятежники (часто с одобрения правительства соседней страны) захватывают власть в приграничном районе собственной страны и начинают требовать независимости;
- б) правительство одного государства предпринимает военные меры, чтобы ликвидировать базы повстанцев, расположенные на сопредельной территории соседней страны;
- в) соседние государства занимают "пробой сил" и чувствующая себя более сильной страна пытается "просто" оказать давление на регионального соперника;
- г) начинается внезапный массовый приток нежелательных беженцев из-за рубежа, что провоцирует желание "принимающей" страны остановить миграцию, силой заставив правительство соседней страны устранить причины такой миграции;

д) срабатывает эффект "перенасыщенности" региона (страны) легкодоступным и недорогим оружием (стрелковым), которое стимулирует часть местных жителей решить свои жизненные проблемы (отсутствии привлекательной работы) с его помощью, сформировав вооруженные отряды для борьбы "за справедливость";

е) наконец, проявляется демонстрационный эффект: местные радикалы желают повторить то, что им кажется успехом повстанческих движений в соседней стране [3].

В реальных африканских конфликтах наблюдается и взаимодействие всех этих факторов.

В "содержательном" отношении конфликты Африки можно подразделить на четыре основные группы. В первую входят ситуации, отражающие комплекс противоречий на почве религиозных и конфессиональных отношений между арабизированным и собственно африканским населением стран в зоне, которая разделяет Тропическую Африку и Магриб (примеры Эфиопии, Судана, Чада). Во вторую – конфликты, связанные с борьбой этнических групп за доминирование в органах власти и право распоряжаться ресурсами внутри государства (Руанда, Бурунди). В третью – противостояние между вооруженными группировками полукриминального характера в условиях распада государственных структур (Либерия, Сомали). В четвертую – конфликты, паразитирующие на стремлении отдельных групп монополизировать доходы от нелегального экспорта местных ресурсов (алмазы, нефть, редкие металлы), пользующихся повышенным спросом на мировом рынке (Ангола, Конго, Нигерия). Эти конфликты по своей природе являются в большей мере "системно криминализованными" и скорее экономическими, чем собственно политическими.

При урегулировании конфликтных ситуаций в Африке используются переговоры и миротворчество (посредничество, примирение, арбитраж, использование международных правовых механизмов), а также принуждение к миру и санкции [3].

В 1990-х годах было заметно возрастание роли неофициального посредничества ("второго направления дипломатии"), которое имело ряд преимуществ по сравнению с формализованными процедурами традиционного официального вмешательства третьей стороны. Заметнее становилась и роль Международного суда в деле разрешения межгосударственных территориальных споров. Тогда же теоретики стали много писать о принуждении к миру и использовании санкций.

Разрешение африканских конфликтов происходит в русле концепции укрепления мира, которая подразумевает интеграцию противоборствующих сторон в политические структуры, их вовлечение в совместные экономические проекты и культурное взаимопроникновение. Интегрирование расколотого войной общества осуществляется за счет внутренних ресурсов, прежде всего – в рамках демократических процедур и обеспечения более справедливого распределения власти и общественного богатства. Напротив, экономические меры требуют в африканских условиях активного содействия международного сообщества, в том числе через оказание финансовой и технической помощи.

Говоря о роли ООН в решении проблемы нестабильности на Африканском континенте необходимо подчеркнуть появление таких форм активности, как превентивное размещение войск и принуждение к миру. На основе опыта миссий ООН в Анголе, Либерии, Мозамбике, Намибии, Сомали открываются широкие возможности, которыми обладает организация при урегулировании и разрешении конфликтов. Для успеха важно совершенствовать механизмы сотрудничества ООН с региональными и субрегиональными структурами безопасности, обеспечивающими взаимодействие на различных уровнях принятия решений.

Одним из важнейших гарантов сохранения мира и укрепления безопасности на континенте была Организация африканского единства (ОАЕ). Несмотря на то, что она прекратила свое существование в 2002 году, а ее место занял Африканский Союз, к настоящему времени он пока никак себя не проявил на ниве миротворчества [3].

Слабость прежней ОАЕ состояла в том, что она, в целом справляясь с разрешением межгосударственных конфликтов, была плохо приспособлена для сглаживания внутренних конфликтов в странах Африки. Тем более, что функции миротворчества, начиная с 1980-х годов, стали "перетягивать" на себя субрегиональные организации. Неоднократно на разных уровнях, включая ООН, поднимался вопрос о создании межафриканских миротворческих сил. Сложности в этом смысле были связаны с вопросами обеспечения надлежащего финансирования, соблюдения миротворцами принципа беспристрастности, а также выработкой регламента действий подобных сил.

США остаются единственной "внешней" державой активно вмешивающейся во внутренние дела государств Черного континента. Помимо международных организаций, только США обладают достаточным

политическим, экономическим и военным потенциалом для предотвращения или урегулирования (при условии хорошей и всесторонней подготовки, содействия мирового сообщества и африканских стран) "типовых" африканских конфликтов. Без учета американской позиции практически невозможно прогнозировать перспективы развития любого конфликта в Африке.

Применительно к современной Африке концепция миротворчества на практике выливалась в политику умиротворения во время этнических и гражданских беспорядков. Впервые она была реализована в Сомали в рамках миротворческих операций ООН, начавшихся в декабре 1992 года. Для США было важно показать, кто является подлинным вершителем судеб Африки. В 1993 г. в Сомали действовали более трех тысяч американских военнослужащих и более семи тысяч морских пехотинцев, оснащенных самым современным оружием и боевой техникой [3].

Но иностранные штабные офицеры не учли африканскую специфику. Они рассчитывали структурировать племенные и клановые разногласия и использовать их в своих целях. Но оказалось, что в распавшемся Сомалийском государстве, где все воевали против всех, единственным общим врагом оказались как раз сами американцы. Против иностранцев поднялся весь народ – от детей и женщин до глубоких стариков. Межплеменные распри были временно отодвинуты на задний план. После почти полного истребления в ночь с 3 на 4 октября 1993 г. элитного подразделения американского спецназа, пытавшегося атаковать штаб-квартиру полевого командира М. Айдида, который контролировал Могадишо (столицу Сомали), США были вынуждены начать эвакуацию своих подразделений. После поражения США от иррегулярных отрядов, ведших партизанскую войну, администрация У. Клинтона сформулировала основные цели американского миротворчества на Черном континенте: предотвратить распад ключевых африканских стран, если последствия подобного распада могут затронуть национальные интересы США.

Африка представляется полигоном для отработки моделей урегулирования конфликтов, большинство из которых в настоящее время возникает не между государствами, а внутри них. Администрация Дж. Буша-младшего внесла в эти модели существенные изменения. На первый план она выдвинула военно-политическую составляющую, то есть готовность применить силу против тех стран и политических груп-

пировок, которые, по мнению американцев, являются источниками терроризма. В первую очередь иностранная военная сила может быть применена в Судане и Сомали.

Одним из самых длительных и ожесточенных конфликтов, который удалось приглушить с помощью ООН, является конфликт в Анголе. До получения независимости в 1975 г. в стране действовали три основных повстанческих группировки – Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето, Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) во главе с Ж. Савимби и Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА) во главе с Х. Роберто. Во время годового переходного периода между ними началась борьба за власть, победителем из которой вышла МПЛА, поддержанная СССР [3].

Тогда из Намибии двинулась бронетанковая колонна ЮАР с целью сорвать провозглашение независимости и привести к власти УНИТА. Бойцам МПЛА удалось приостановить продвижение колонны, а сразу же после официальной церемонии кубинские интернационалисты с помощью советского оружия разгромили юаровские войска. Но механизм гражданской или более точно этнической войны был уже запущен. УНИТА контролировала южную часть Анголы, населенную народностью овимбунду (чуть более 30% населения), ФНЛА – север, населенный баконго (более 10% населения). МПЛА поддерживала СССР, УНИТА – США, ЮАР, на некоторых этапах Китай, ФНЛА – соседний Заир. Кроме того, существовал ФЛЕК – Фронт освобождения Кабинды, северного анклава Анголы, чрезвычайно богатого нефтью. При подобной расстановке сил и международной поддержке победить смогла бы только та сторона, которая физически уничтожит этническую базу противостоящей группировки, а это – миллионы человек с каждой стороны.

В 1979 г. А. Нето умер, его сменил Ж.Э. душ Сантуш, но конфликт продолжался. Переговорный процесс стал возможен только после изменений в международной обстановке второй половины 1980-х годов. Посредником стал президент Заира Мобуту Сесе Секо. В июне 1989 г. на его родине в городе Гбадолите в присутствии глав 18 государств и правительств стран Африки Ж.Э. душ Сантуш и Ж. Савимби подписали соглашение о прекращении огня. Правда, спустя 48 часов УНИТА возобновила боевые действия. Но все-таки гбадолитские соглашения принесли определенную пользу центральной власти. Президент Заира перестал поддерживать ФНЛА и ликвидировал ее базы на заирской территории. Одним фронтом в Анголе стало меньше [3].

Новая фаза переговорного процесса стала возможна после провозглашения независимости Намибии в 1990 г. и вывода 50-тысячного континента кубинских интернационалистов из Анголы. Дипломатические усилия международного сообщества в лице представителей ООН, США, России и Португалии позволили вновь добиться политического сближения между властями Анголы и УНИТА.

1 мая 1991 г. в Бисесе (предместье Лиссабона) помощник президента Анголы и вице-президент УНИТА парафировали пакет документов по установлению мира. 31 мая Ж.Э. душ Сантуш и Ж. Савимби подписали Бисесские мирные соглашения. На подписании присутствовали премьер-министр Португалии, помощник госсекретаря США, заместители министра иностранных дел России, Генерального секретаря ООН, председателя ОАЕ. Стороны определили порядок подготовки и проведения президентских и парламентских выборов, создали совместную военно-политическую комиссию, определили политические права УНИТА, договорились о создании объединенных вооруженных сил.

29-30 сентября 1992 г. состоялись президентские и парламентские выборы, в которых приняло участие около пятидесяти миллионов ангольцев. Шестьсот международных наблюдателей констатировали, что в целом выборы прошли в соответствии с международными нормами. Неожиданно, два дня спустя после завершения выборов, когда еще не был закончен подсчет голосов, УНИТА обвинила МПЛА в подтасовке результатов. Поскольку доказательств этому представлено не было, Совет Безопасности ООН призвал УНИТА считать выборы справедливыми, тем более что таковыми их признала ООН. МПЛА получила 53,7% голосов, УНИТА – 34,1%, Ж.Э. душ Сантуш – 49,54%, Ж. Савимби – 40,07%. На пост президента баллотировалось тринадцать кандидатов, поэтому предполагалось проведение второго тура выборов. УНИТА отказалась в нем участвовать и вновь развязала боевые действия. Новый раунд переговоров начался в 1993 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия), возобновился в Абиджане (Республика Кот д'Ивуар). Они длились сорок дней. После окончания встречи боевые действия вспыхнули вновь [3].

15 июля 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 851 о признании правящего правительства Анголы, а 15 сентября 1993 г. ввел эмбарго на поставки УНИТА оружия и топлива. 30 сентября 1993 г. президент США подписал распоряжение, в котором УНИТА рассматривалась как внешнеполитическая угроза США. Через шесть дней Ж. Са-

вимби объявил о признании Биссекских соглашений, хотя и повторил, что считает результаты выборов "сфальсифицированными". 20 ноября 1994 г. было подписано третье мирное соглашение, известное как Лусакский протокол, в котором было зафиксировано двухфазное прекращение огня. Главным органом, которому был поручен контроль над выполнением положений Лусакского протокола, стала совместная комиссия. Ее возглавлял специальный представитель Генерального секретаря ООН. Была также создана группа по предупреждению вооруженных конфликтов в составе высокопоставленных военных представителей обеих сторон с целью недопущения нарушений прекращения огня или быстрого устранения их последствий.

Контрольная миссия ООН по Анголе работала с января 1989 года, обеспечивая передачу всех районов под контроль правительства, свободное передвижение людей и перемещение товаров по территории страны, а также демобилизацию и разоружение сил УНИТА и превращение этого движения в политическую партию. Весной 1997 г. коалиционное правительство Анголы приступило к работе. В этих условиях ООН приняла решение направить в Анголу миссию с новым мандатом. В июле 1997 г. начала работу Миссия наблюдателей ООН в Анголе.

Однако мирный процесс был заторможен противоречиями между правительством и УНИТА по целому ряду вопросов – передача районов, контролируемых УНИТА под власть правительства, обеспечение безопасности лидеров УНИТА и проблем экономического характера, связанные в основном с добычей и продажей алмазов. Вскоре они переросли в жесткие политические заявления [3]. В октябре 1998 г. Ж. Савимби был лишен своего специального статуса, а через два месяца возобновились широкомасштабные военные действия. УНИТА пыталась вступить в союз с сепаратистами Кабинды, отрезать правительство от богатых нефтяных районов шельфа, парализовать снабжение столицы продовольствием и медикаментами. Обе стороны фактически вновь взяли курс на уничтожение друг друга. В таких условиях ООН вывела из страны миссию своих наблюдателей.

К 1998 г. на вооружении УНИТА оказались бронетехника, тяжелая артиллерия, системы залпового огня, несколько самолетов и вертолетов, большие запасы оружия, боеприпасов, топлива и продовольствия, закупленные на средства от нелегальной продажи алмазов. Ж. Савимби не искал путей урегулирования конфликта, а процедуры урегулирования использовал как мирную передышку. В первой половине 1999 г.

перевес сил оказался на стороне УНИТА, однако затем постепенно правительственные войска перехватили инициативу. Неизвестно, как долго бы продолжалось военное противостояние, если бы, по официальной версии, 22 февраля 2002 г. отряд Ж. Савимби не попал в засаду. При попытке вырваться из нее он и его ближайшие сподвижники погибли.

Правительство вновь призвало граждан к примирению и участию в "укреплении процесса демократизации" в стране. Гибель лидера отрицательно подействовала на боевой дух унитовцев. 15 марта 2002 г. возобновились переговоры между представителями военных командований обеих сторон. 4 апреля 2002 г. в присутствии послов Португалии, России и США, а также спецпредставителя Генерального секретаря ООН было подписано соглашение о прекращении огня на территории Анголы. Оно и стало основой фактического примирения между правительством и УНИТА. Генеральный секретарь последней П. Лукамба заявил, что УНИТА переходит в легальную оппозицию и будет отстаивать свои требования политическими средствами [3].

Урегулирование другого африканского конфликта было связано с преобразованием откровенно расистского режима ЮАР в демократическое государство, основанное на мирном сосуществовании между белым и черным населением страны. Для разрешения конфликта потребовалось осознание наиболее дальновидными политическими деятелями противоборствующих сторон необходимости перемен и желание идти на уступки друг другу.

Первоначальные позиции участников конфликта были следующими. Правительство ЮАР и правящая Национальная партия (НП) стремились объявить черное большинство населения (около 80%) иностранцами, выделив около 20% территории для создания хоумлендов, более известных как бантустаны. Каждый из них предназначался для одного народа и объявлялся формально независимыми от ЮАР.

Оппозиция в лице основных партий черного большинства – Африканский национальный конгресс (АНК), Панафриканский национальный конгресс (ПАК) и Южно-африканская коммунистическая партия (ЮАКП) – считала программу правительства совершенно неприемлемой и ориентировалась на свержение режима путем длительной и разрушительной вооруженной борьбы, одним из основных компонентов которой был индивидуальный и массовый террор.

Первый формальный шаг, без которого переговорный процесс не мог быть официальным, сделало правительство ЮАР. 2 февраля 1990 г.

на открытии сессии парламента президент ЮАР Ф. Де Клерк объявил о снятии запрета на деятельность АНК, ПАК, ЮАКП и ряда других организаций. Одновременно из заключения был освобожден Н. Мандела – общепризнанный лидер черного большинства. Ф. Де Клерк заявил о стремлении вести переговоры со всеми лидерами оппозиции, которые стремятся к миру. С марта начались консультации между представителями правительства и АНК, а через месяц в ЮАР вернулись находившиеся в изгнании лидеры АНК [3].

Первая официальная встреча между делегациями правительства и АНК состоялась 2 мая 1990 года. Один из журналистов удачно выразил суть встречи: "переговоры о переговорах". В совместном коммюнике говорилось, что стороны пришли к согласию о совместной приверженности к устранению насилия и мирному процессу переговоров. Была создана рабочая группа по определению понятия "нарушение закона с политическими целями". На следующей встрече 6 августа 1990 г. в Претории АНК пошел на существенные встречные уступки – приостановил вооруженные акции и все связанные с этим действия в обмен на освобождение всех политзаключенных и провозглашение правительством неподсудности членов АНК.

Противников переговорного процесса было достаточно с обеих сторон. Были спровоцированы массовые столкновения между зулусами, объединенными в этнополитическую партию Инката и сторонниками АНК, были проведены ряд арестов руководства АНК. Эти вопросы обсуждались на встречах Ф. Де Клерка и Н. Манделы в октябре и ноябре 1990 года. Президент ЮАР настаивал на том, что договоренности от 6 августа означают запрет на военную подготовку за рубежом и массовых политических действий внутри страны.

В феврале 1991 г. АНК и правительство провели третий раунд переговоров, который состоялся в Кейптаунском аэропорту, на котором в основном обсуждались военные вопросы. АНК обязалось прекратить подготовку боевиков внутри страны, прекратить заброску людей и снаряжения из-за рубежа, но отказалось раскрыть тайники с оружием. Правительство ускорило процесс освобождения политических заключенных. Переговоры значительно ослабили позицию АНК в том смысле, что Н. Мандела пошел на них без консультаций с другими организациями черных. Это ставило под угрозу единство всех антиапартеидных сил. На этом закончился этап "переговоров о переговорах" и начались сами переговоры о создании нерасового государства [3].

16 декабря 1991 г. в Йоханнесбурге открылся многопартийный форум, названный "Конвентом за демократическую Южную Африку" (КОДЕСА). В нем приняли участие девятнадцать делегаций, представлявших большинство политических партий и организаций ЮАР. В Декларации о намерениях, принятой конвентом, предусматривалось, что Южная Африка должна быть единым демократическим государством с разделением властей, многопартийной системой, в котором соблюдаются общепризнанные права и свободы человека. Рабочие группы КОДЕСА обсуждали проект конституции и создание необходимых условий и институтов для процесса перехода от системы апартеида к нерасовому обществу.

15 мая 1992 г. открылось первое пленарное заседание КОДЕСА-2, которое должно было утвердить соглашения, достигнутые в рабочих группах. Но сторонам, несмотря на встречу Ф. Де Клерка и Н. Манделы, не удалось достичь согласия по вопросам конституции, прав и полномочий будущего законодательного органа. КОДЕСА зашел в тупик, но ни АНК, ни правительство не выразили намерения прервать переговоры. Продолжились официальные и неофициальные консультации на различных уровнях, которые послужили сближению позиций сторон и позволили 1 апреля 1993 г. официально открыть многопартийные переговоры. На них 17 ноября 1993 г. был утвержден проект временной конституции, которая должна быть введена в действие после всеобщих выборов. За месяц до этого Ф. де Клерку и Н. Манделе была присуждена Нобелевская премия мира.

Срок действия конституции ограничивался двумя годами, за это время избранный на всеобщих выборах парламент должен был разработать новую постоянную конституцию. С 7 декабря 1993 г. начал действовать Переходный исполнительный совет, что означало важную перемену в государственном управлении, а на 27 апреля 1994 г. были назначены первые в истории ЮАР демократические выборы. На них, как и ожидалось, с большим преимуществом победил АНК. 3 мая 1996 г. Учредительное собрание приняло основной закон ЮАР, который вступил в силу в феврале следующего года [3].

Далеко не все конфликты находят столь благополучное решение, как в Анголе или ЮАР. Один из таковых – конфликт вокруг Демократической Республики Конго (ДРК-Заир), который некоторые специалисты называют первой межафриканской войной, так как в него втянуты – прямо или косвенно – практически все государства Центральной и Южной Африки.

Как и многие другие, данный конфликт уходит корнями в колониальное и доколониальное прошлое. В 1960-1964 годах в ДРК шла гражданская война, а точнее – борьба всех против всех. Вмешательство ООН было крайне неудачным. После совершенного в 1965 г. военного переворота генерал Ж.Д. Мобуту сосредоточил в своих руках посты главы государства, командующего армией, полицией и службой безопасности, присвоил право назначать губернаторов и всех остальных чиновников. Президент провел административную реформу, превратив ДРК из федеративного государства в унитарное. Президент обладал законодательной властью, причем его декреты не утверждались парламентом. Авторитарный режим казался средством, способным стабилизировать политическую ситуацию в стране, возродить экономику, прекратить гражданскую войну, обеспечить населению право на жизнь и собственность.

В начале 1990-х годов Заир вновь вступил в полосу кризиса, который был вызван чудовищной (даже по африканским меркам) коррупцией, упадком экономики, неспособностью правящей элиты поддерживать элементарный порядок и безопасность. Солдаты и полицейские, не получавшие жалованье, грабили население. В октябре 1996 г. Л.Д. Кабила, повстанец с тридцатилетним стажем, вышел из многолетнего политического подполья и присоединился к подчиненными ему вооруженными отрядами, насчитывающими несколько тысяч человек, к антимобутовскому восстанию этнической группы баньямуленге (в соседних с Заиром государствах близкие к ней народности называют тутси) в восточной части страны [3].

Ж. Мобуту объявил Л. Кабилу ставленником Руанды и Уганды. На самом деле он не был марионеткой внешних сил (ни африканских, ни западных), хотя широко пользовался внешней помощью, чтобы прийти к власти на волне антимобутовских настроений. Ангола, Замбия, Зимбабве, Руанда, Уганда снабжали повстанцев оружием и военной техникой, включая самолеты с экипажами, разрабатывали планы военных действий, оплачивали наемников из Бельгии, Великобритании, Италии, Франции, Югославии, бывших советских республик. Л. Кабила получил политическую поддержку руководителей ЮАР и бывшего президента Танзании Д. Ньерере. США выделили лидеру повстанцев 3,5 млрд. бельгийских франков, которые тот использовал для укрепления своих позиций в противостоянии с Францией, традиционно поддерживавшей Ж. Мобуту (в экономике Заира преобладающими были позиции французского и бельгийского капитала).

Л. Кабила игнорировал призывы ООН и ОАЕ о мирном урегулировании ситуации. В 1997 г. прошли мирные переговоры между Ж. Мобуту и Л. Кабиллой при посредничестве южноафриканского президента Н. Манделы, на которых противоборствующие стороны не пришли к согласию. Ни к чему не привела и личная встреча президента Заира с лидером повстанцев по просьбе Генерального секретаря ООН К. Анна, которая носила протокольный характер.

Военная операция объединенных сил соседних африканских государств и присоединившихся к ним заирских повстанцев для придания внешней агрессии видимости гражданской войны продолжалась полгода. В середине мая 1997 г. Л. Кабила занял столицу Заира Киншассу и 17 мая провозгласил себя президентом. Одним из первых декретов стало запрещение политической деятельности в стране. Были введены жесткие ограничения на свободу передвижения, прокатилась волна арестов среди сторонников легальной антимобутовской оппозиции.

Ожидавшихся от Л. Кабилы демократических реформ не последовало. Разработка конституции, подготовка к президентским и парламентским выборам были приостановлены под предлогом обострения внутривластной ситуации. Все осталось как в худшие годы мобутовского правления. Единственной заметной переменной стало возвращение старого названия Заира – Демократическая Республика Конго [3].

Стиль правления не способствовал консолидации политических сил государства. Довольно быстро на основе антикабиловских настроений объединились бывшие приверженцы Ж. Мобуту, представители легальной антимобутовской оппозиции и союзники президента, которым не нашлось места в новых структурах власти. Необходим был только повод для начала восстания. Его предоставил сам Л. Кабила, заявив 27 июля 1998 г. о высылке из страны всех иностранных военных и гражданских чиновников, расформировании армейских подразделений, укомплектованных лицами "неконголезского происхождения". Тем самым он дал понять руководителям Бурунди, Руанды и Уганды, что не нуждается в их опеке.

В начале августа 1998 г. в ДРК начался антиправительственный мятеж, который поддержали Бурунди, Руанда и Уганда, пославшие в страну свои войска. На помощь правительственным войскам были присланы ангольские, зимбабвийские и намибийские регулярные части с

бронетехникой и авиацией, незначительные центральноафриканские и чадские подразделения, вскоре выведенные из страны. Дипломатическую поддержку ДРК оказали Нигерия, Габон, Гвинея, Камерун, Конго, Судан, Экваториальная Гвинея, Эритрея. К середине 1999 г. под контролем правительственных войск находилась половина территории государства. За год боевых действий было подписано – при посредничестве различных политических деятелей и организаций – не менее десятка соглашений о прекращении огня.

10 июля 1999 г. в столице Замбии Лусаке сторонами конфликта было подписано соглашение о прекращении огня. Оно предусматривало размещение в ДРК наблюдателей миротворческих сил ОАЕ под эгидой ООН, вывод в течение девяти месяцев всех иностранных войск с территории ДРК, разоружение неправительственных вооруженных формирований, освобождение пленных и заложников, налаживание диалога между властями и оппозицией. СБ ООН принял решение о направлении в зону конфликта 5537 миротворцев, хотя некоторые эксперты уже тогда говорили о бесполезности подобного шага [3].

В мае 2001 г. состоялась поездка делегации СБ ООН по странам Центральной и Восточной Африки с целью содействовать ускорению процесса мирного урегулирования в ДРК. В ходе визита представители двенадцати из пятнадцати стран – членов Совета Безопасности посетили ЮАР, Бурунди, ДРК, Замбию, Руанду, Танзанию и Уганду, встретились с главами государств, известными политиками, членами неправительственных организаций, лидерами повстанческих движений. Однако ни одна из противоборствующих сторон не была готова в полной мере к выполнению Лусакских соглашений. Конфликт вокруг ДРК стал последним ударом по ОАЕ, оказавшейся бессильной, вопреки имитации активных действий, предпринять какие-либо практические шаги. Пострадал и престиж ООН, которая без каких-либо решений сократила контингент "голубых касок" до трех тысяч, но и до настоящего времени ни один миротворец не был направлен в зону конфликта.

В основе затянувшегося противостояния лежат экономические факторы. Даже убийство Л. Кабилы 16 января 2001 г. не изменило ситуации. Практически вся территория ДРК превратилась в протектораты соседних государств и вотчины местных элит, которые бесконтрольно эксплуатируют природные богатства страны – прежде всего алмазы, золото, кобальт, медь, колтан (минерал колумбит-танталит, стоимость которого на мировых рынках колеблется около четверти миллиона

долларов США за тонну). В нелегальном вывозе минеральных ресурсов, помимо африканских, участвуют компании из Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, Индии, Пакистана, Швейцарии. Наиболее ожесточенные бои шли в областях богатых природными ресурсами. Повстанцы и войска иностранных государств воюют не только с конголезской армией, но и друг с другом. Кустарная добыча и продажа полезных ископаемых – основной двигатель конфликта вокруг ДРК [3].

За последнее десятилетие на Черном континенте удалось остановить самые длительные и кровопролитные конфликты. Но во многих частях Африки сохраняются причины и объективные возможности для обострения замороженных конфликтов, а в относительно спокойных частях материка при неблагоприятном стечении обстоятельств могут легко возникнуть новые конфликтные ситуации [3].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Африка: власть и политика. – М., 2004.
2. Васильев А.М. Большая Африканская война. Африка – падчерица глобализации. – М., 2003.
3. Емельянов А. Современная конфликтность в Африке // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и политических процессов. – 2016. – № 12.
4. Исмагилова Р.Н. Этничность и федерализм: опыт Эфиопии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1.
5. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. – М.: Институт Африки РАН, 1998.
6. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). – М.: Институт Африки РАН, 2013.
7. Организация Африканского Единства (История создания и деятельности). Сборник документов. – М., 1970.
8. Фитуни Л.Л. Африка. Ресурсные войны XXI века. – М., ИАФР РАН, 2012.

Вопросы и задания

1. Какие факторы являются причинами конфликтов на африканском континенте?
2. Какие явления входят в понятие "пять признаков агрессивности"?

3. Укажите типичные варианты развития конфликтов в Африке.
4. Как можно классифицировать современные конфликты Африки?
5. Насколько эффективны действия России, США, ООН по урегулированию африканских конфликтов?

Глава 6

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В АЗИИ

6.1. СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Одной из существенных характеристик современного миропорядка является высокая степень конфликтогенности мирового пространства. Одной из стабильно беспокойных точек выступает южно-азиатский регион. Подобное положение вещей обусловлено большим количеством скопившихся противоречий, имеющих давние исторические корни.

Говоря о конфликтах в Южной Азии, надо иметь в виду ряд присутствующих им черт:

- распространение за пределы территории одного государства;
- глубину и многофакторность противоречий;
- приграничный характер;
- длительность периода течения;
- религиозную и этнополитическую доминанты;
- наличие поддержки акторам со стороны органов власти [8, с. 167-171].

На сегодняшний день в южно-азиатском регионе имеются следующие точки нестабильности:

- территория бывшего кашмирского княжества;
- индо-бангладешская граница;
- приграничная область вдоль линии Дюранда.

Ранее к ним можно еще было отнести морскую границу между Индией и Шри-Ланкой [8, с. 167-171].

Первой областью напряженности выступает Джамму и Кашмир. Катализатором его возникновения послужил уход англичан из Британской Индии. В соответствии с планом передачи власти англичанами княжествам было предоставлено право выбора: к какому из 2-х новообразуемых государств (Индии или Пакистану) присоединиться или остаться вассалами британской короны. Правитель Кашмира Хари Сингх не пожелал войти в состав ни одной из стран. Недовольство населения княжества, в котором 90% составляли мусульмане, малоэффективным и деспотическим правлением привело к волнениям в сентябре 1947 г. в Пунче, а в последствии вооруженному восстанию. Попытки Х. Сингха подавить выступления населения привело к образованию восставшими Свободных вооруженных сил Кашмира, на помощь которым пришли пуштунские ополченцы. Повстанцы учредили временное правительство Азад Кашмира (Свободного Кашмира) со штаб-квартирой в Музаффарабаде. Северные районы княжества – Гилгит, Хунза и Нагар практически без боя отошли к Пакистану. В этих условиях махараджа Кашмира обратился к индийскому правительству с просьбой о помощи и готовностью присоединиться к Индийскому Союзу.

Кашмирский вопрос с конца 40-х гг. стоял в повестке дня сессий Генеральной Ассамблеи ООН, неоднократно рассматривался на заседаниях Совета безопасности (СБ) ООН. В принятых резолюциях СБ ООН (от 13 августа 1948 г., 5 января 1949 г. и 14 марта 1950 г.) были зафиксированы положения о предоставлении кашмирскому народу права на самоопределение посредством проведения плебисцита. Индийская сторона при рассмотрении проблемы выступала категорически против этого, считая, что вопрос решен правителем бывшего княжества Джамму и Кашмир в пользу вхождения в состав Индии.

Позиция индийских властей заключается в том, что, по их мнению, проблема Кашмира – внутреннее дело Индии, а оккупированную Пакистаном часть необходимо вернуть [8, с. 167-171].

Кашмирский вопрос за 70-тилетний период своего существования уже привел к 3-м войнам между Индией и Пакистаном (1947-1948 гг., 1965 г. и 1971 г.) и 1-му вооруженному столкновению в Каргиле в 1999 г. Последнее могло иметь наиболее серьезные последствия, т.к. чуть не закончилось применением ядерного оружия.

В общей сложности с момента обретения колонией независимости в результате вооруженных конфликтов на территории бывшего каш-

мирского княжества, по усредненным оценкам погибло около 80 тыс. чел. и более 10 тыс. чел. считаются официально пропавшими без вести.

Характер эволюции кашмирской проблемы показывает, что она вряд ли будет скоро решена. Индия считает вопрос закрытым и игнорирует какую-либо дискуссию на эту тему. Пакистан в свою очередь не желает отдавать область, преимущественно населенную мусульманами. Усугубляет ситуацию вовлеченность в конфликт Китая, продливший в 2001 г. претензии на территорию Индии, расположенную на 20 км вглубь Сиккима.

Вторая проблемная точка – это индо-бангладешская граница. Она выступает источником напряженности еще с периода борьбы колонии за независимость. Бывшая в колониальный период единой провинция Бенгалия при разделе Британской Индии была поделена на 2 части по принципу преобладания на той или иной территории жителей, исповедующих индуизм или ислам. Одна стала индийским штатом Западная Бенгалия, другая – Восточным Пакистаном, затем трансформировавшимся в самостоятельное государство Бангладеш [8, с. 167-171].

Ввиду перманентной натянутости индо-пакистанских отношений, периодически переходивших в открытые вооруженные столкновения, граница, прошедшая по некогда единой провинции, служила плацдармом для различного рода антииндийских действий со стороны Пакистана. Наибольшую опасность для Индии представляло наличие пакистанских вооруженных сил с 2-х противоположных сторон. Не удивительно, что Индия предприняла все от нее зависящее для раскола в 1971 г. единого Пакистана на 2 государства. Однако с распадом Пакистана у Индии появился новый не только значительно более слабый в военном, но в экономическом плане сосед. Нарастающие экономические проблемы и отсутствие внутренних ресурсов их решения, потребовали поиска помощи из-за рубежа. Определенную поддержку готов был оказать Китай и через некоторое время прошедшее после отделения Пакистан. Под воздействием данных обстоятельств происходило формирование контура работы бангладешских внешнеполитического ведомства и специальных служб.

На территории Бангладеш долгое время располагались базы этнических террористических группировок, ведущих сепаратистскую борьбу в северо-восточных провинциях Индии (Ассаме, Нагаленде, Манипуре, Трипуре и др.).

Помимо боевиков индо-бангладешскую границу пересекают ищущие лучшей жизни граждане Бангладеш. Миграционные потоки настолько бесконтрольны, что никто не рискует назвать точное число граждан Бангладеш, незаконно находящихся в Индии. Цифра колеблется от 10 до 35 млн чел.

Миграционные потоки часто обеспечивают в страну приток криминальных элементов. Даже, если незаконные мигранты изначально не были связаны с противоправной деятельностью, то, ввиду их нелегального пребывания в стране, они в скором времени становятся в большей или меньшей степени связанными с криминальным сообществом, обеспечивающим им защиту и покровительство. Например, по обе стороны границы продаются поддельные документы с помощью которых переселенцы пытаются пересечь границу и "легализовать" свое положение в Индии. Нелегальная миграция связана с такими проблемами в области безопасности, как: коррупция, оборот наркотических и психотропных веществ, незаконный ввоз в страну различных товаров, контрабанда товаров в целях ухода от таможенных сборов, торговля оружием, людьми и т.д. [8, с. 167-171].

Мигранты преимущественно проживают в приграничных районах (штатах). В ряде районов образовали большинство, что не могло не радикализовать местных жителей, оставшихся в меньшинстве. Их приход вызывает негативную реакцию среди местных жителей. Рост безработицы по причине перенаселенности еще более накалил обстановку. В частности, в Индии возникло движение против "чужаков", которое проходило под лозунгом защиты местного населения ("сыновей земли") от пришельцев. Наибольшее распространение оно получило в штате Ассам, где ежегодно приток мигрантов составляет до нескольких сотен тыс. чел.

Третья проблемная зона – пакистанско-афганская граница и ее приграничная область. В основе во многом лежит, так называемая "линия Дюранда", по которой прошла граница не только между 2-мя государствами, но и границы южно-азиатского региона. Возникла данная линия в результате переговоров в 1893 г. между афганским эмиром Абдур-Рахманом и секретарем индийской колониальной администрации Мортимером Дюрандом как итог 3-х англо-афганских войн. Она разграничила Афганистан и Британскую Индию. Проблема с линией, точнее не признание ее, начала обостряться опять же в 1947 г., т.к. именно по ней прошла западная граница нового государства – Пакистана. Пар-

ламент Афганистана принял решение о непризнании ее. С тех пор Исламская Республика Пакистан имеет весьма непростые отношения, помимо Индии, с еще одним своим соседом.

На протяжении многих десятилетий Исламабад предпринимал всяческие действия для того, чтобы афганские власти все же признали "линию Дюранда" в качестве границы. И им это все же удалось, президент Афганистана Мохаммад Наджибулла подписал документ о признании линии границей между 2-мя государствами. Правда, это лишь усугубило ситуацию как внутри Афганистана, так и на приграничных территориях, контролируемых талибами, рвавшимися и в последствие пришедших в 90-е гг. к власти в Афганистане, а также способствовало незавидной участи человека, подписавшего бумагу, заключавшейся в жестокой его казни [8, с. 167-171].

Спор вокруг границы ведет к целому витку проблем. Во-первых, не дает возможности выстроить нормальные отношения между соседями. Во-вторых, выступает постоянным раздражителем для проживающих по обе стороны границы пуштунов.

В глазах местных жителей "линия Дюранда" никогда не была границей и, по-видимому, не будет. В совокупности со слабым контролем Хайбер-Пахтунхвы, зоны племен и метанием пакистанских властей от поддержки талибов до активной борьбы с ними вместе с США, превращает данную приграничную область в зону постоянного напряжения. Здесь не действует центральная власть, находятся базы и лагеря подготовки террористов, проходит маршрут незаконной транспортировки наркотиков и существует еще масса иных негативных явлений.

Четвертая область напряженности, о которой стоит упомянуть, несмотря на то, что она ушла в прошлое это часть морской границы между Индией и Шри-Ланкой. Это относится к периоду активных действий террористической организации Тигров освобождения Тамил-Илама (ТОТИ), тамильской сепаратистской организации, боровшейся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на части территории Шри-Ланки. Некоторое время базы организации размещались в Индии и боевикам оказывалась различная помощь.

Нельзя не упомянуть и о факторе Китая, стремящегося всячески усилить свое влияние, для чего он использует все возможные средства от ведения военных действий с Индией, поддержки террористических структур, действующих на индийской территории, до строительства порта в пакистанском Гвадаре.

Подытоживая, хочется отметить следующее. История развития и современное состояние конфликтов в Южной Азии говорит о малой вероятности разрешения их в обозримом будущем, что, несомненно, будет сказываться на отношениях между соседями [8, с. 167-171].

6.2. УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Создание ИГИЛ (запрещена в России) представляет непосредственную угрозу для безопасности стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Атака на г. Марави (юг Филиппин), предпринятая местными экстремистами, сторонниками ИГИЛ (запрещена в России), стала предупреждением для других стран ЮВА об усилении опасности регионализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и превращения региона в новый фронт террористической деятельности группировки ИГИЛ (Запрещена в России), планирующей создать здесь свой плацдарм. ИГИЛ (Запрещена в России), целенаправленно ведет работу по расширению здесь своей социальной базы и мобилизации своих сторонников, рассматривая регион как основной плацдарм по вербовке боевиков в рамках проведения стратегии экспорта терроризма силами "волков-одиночек". В этих целях применяются разные политические инструменты, среди которых наиболее эффективным способом идеологического влияния на местное мусульманское общество становится пропаганда джихада в Интернете.

Создание ИГИЛ (Запрещена в России) способствовало оживлению терроризма в странах ЮВА и появлению множества мелких ячеек такого рода, что повышает уровень террористической угрозы в регионе. Воздействие ИГИЛ (Запрещена в России) на политическую ситуацию в ЮВА проявляется напрямую – в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма – и косвенно – в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран [4, с. 697-709].

На фоне роста угрозы терроризма в странах Ближнего Востока, Европы, Южной и Центральной Азии ситуация в Юго-Восточной Азии до последнего времени представлялась достаточно стабильной. Большинство террористических атак удавалось предотвратить, и даже самый

крупный теракт в Джакарте в январе 2016 г. к массовым жертвам не привел. Тем не менее регион ЮВА относится к числу самых уязвимых в плане распространения идеологии радикального исламизма с сопутствующим ростом насилия и укрепления позиции экстремистских организаций, сторонников запрещенной в России группировки ИГИЛ (Запрещена в России).

В регионе проживает 15% мусульман мира, или 250 млн. человек, что составляет 40% от общей численности населения стран Юго-Восточной Азии. Только в Индонезии, самой крупной мусульманской стране мира, 253 млн. человек (87,8% населения) исповедуют ислам суннитского толка. И несмотря на то, что традиционно мусульмане региона придерживаются ислама умеренного толка, радикальный исламизм уже давно пустил свои корни в местном мусульманском сообществе, создав условия для формирования экстремистских исламистских организаций, которые с конца 1990-х гг. активизировали свою деятельность, заявив о себе серией крупных терактов. Их связь с международными джихадистами, прежде всего с запрещенной в России группировкой "Аль-Каида", установленная еще в бытность войны в Афганистане в 1980-х гг., стала фактором повышенного риска для безопасности не только самих стран ЮВА, но и для мира в целом. США после теракта 11 сентября 2001 г. объявили регион ЮВА "вторым фронтом глобальной борьбы с терроризмом", поддерживая национальные государства в противодействии этой угрозе на местном уровне.

О том, что эта борьба с исламистским экстремизмом в Юго-Восточной Азии была не завершена, говорит сам факт возрождения и приумножения террористических группировок за последние 3 года и появления в рядах местных мусульман сторонников ИГИЛ (Запрещена в России), которое рассматривает регион одним из своих форпостов в мире [4, с. 697-709]. Подтверждением этому служит осада террористами, сражавшимися под флагом ИГИЛ (Запрещена в России), города Марави на юге Филиппин в середине 2017 г.

На юге Филиппин уже не одно десятилетие действуют мусульманские сепаратисты и исламистские террористы, борьбу с которыми президент страны Р. Дутерте объявил приоритетом своей внутренней политики, разместив более 10 тыс. солдат в провинции Минданао (второй по величине остров Филиппин, 20% населения которого являются мусульманами-суннитами). Но то, что исламистские экстремисты 23 мая 2017 г. предпримут атаку на г. Марави (полное название – Исламский

город Марави), крупнейший в этой части страны (200 тыс. жителей) и будут удерживать его в течение многих недель, стало для властей полной неожиданностью.

Р. Дутерте вынужден был прервать свой официальный визит в Россию (22-26 мая 2017 г.), в ходе которого обсуждался вопрос о налаживании стратегического сотрудничества между странами, в том числе и в борьбе с терроризмом. Воспользовались ли террористы отсутствием Р. Дутерте на Филиппинах или их акция была давно спланированной? По всей видимости, последнее, если принять во внимание тот факт, что они имели четко разработанный план действий, были оснащены современным оружием в таком количестве, что смогли выдерживать длительную осаду города.

На возможность превращения о. Минданао в опорную базу ИГИЛ (Запрещена в России) в Юго-Восточной Азии эксперты указывали неоднократно. ИГИЛ (Запрещена в России) еще летом 2016 г. распространило видеобращение с призывом к своим сторонникам в регионе присоединиться к моджахедам на Филиппинах с целью провозглашения там халифата. Эта идея – не новая для радикально настроенных мусульман в Юго-Восточной Азии, поэтому призывы ИГИЛ (Запрещена в России) находят у них живой отклик [4, с. 697-709].

Террористическая атака на г. Марави была инспирирована непосредственно ИГИЛ (Запрещена в России). Весной 2017 г. Абу Бакр аль-Багдади разработал план операции, которую должны были провести местные террористические организации, присягнувшие ему на верность. По сообщению филиппинских военных, на момент захвата г. Марави "с целью превращения его в "чисто исламский" город, ИГИЛ (Запрещена в России) смогло мобилизовать 300 боевиков, которыми руководила группировка Мауте (также известная как "Исламское государство в Ланао"). Во главе ее стоят два брата – Омар и Абдулла Мауте, выступающие с позиции исламистского радикализма в его наиболее экстремистских формах. Они прошли обучение в исламских учебных заведениях на Ближнем Востоке. По мнению экспертов Института политического анализа конфликтов в Джакарте, террористическая группировка Мауте "имеет в своем составе самых умных, самых образованных и самых умудренных опытом сторонников ИГИЛ (Запрещена в России) на Филиппинах".

Однако роль группировки Мауте в распространении терроризма на Филиппинах была недооценена спецслужбами. После уничтожения

правительственными войсками в апреле 2017 г. лагеря ее боевиков военные полагали, что нанесли по ней сокрушительный удар. Но последующие события это опровергли. Напав 23 мая на г. Марави, террористы убивали солдат и мирных граждан, брали их в заложники, чтобы использовать в качестве живого щита, подожгли школу и католическую церковь, захватили тюрьмы и выпустили осужденных, среди которых были и их сторонники. По разным подсчетам, число боевиков колебалось в пределах 200-400 человек.

Для их подавления привлекли армейские подразделения, в поддержку которых были направлены штурмовые вертолеты, наносившие точечные удары по местам нахождения террористов. Но освобождение от них города осложнялось проведением операции в городских условиях. Уличные бои велись при яростном сопротивлении боевиков, хорошо знакомых с географией города и подземными коммуникациями, которые они использовали для своего укрытия [4, с. 697-709]. Сколько точно людей убито в ходе столкновений, неизвестно. По официальным данным, число погибших за 2 месяца боевых действий составило 630 человек, в том числе 471 боевик, 45 гражданских лиц и 114 филиппинских военных и полицейских.

Президент Р. Дутерте уже 23 мая ввел военное положение на о. Минданао сроком на 60 дней и при необходимости намеревался распространить его на всю страну в случае нарастания угрозы терроризма. Это решение было продиктовано тем соображением, что не исключалась вероятность эскалации ситуации на юге страны.

Почему именно юг Филиппин был выбран ИГИЛ (Запрещена в России) для создания здесь своего плацдарма в Юго-Восточной Азии, вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, следует отметить удачное географическое расположение региона в непосредственной близости к морским границам Индонезии и Малайзии, что в условиях слабого пограничного контроля облегчает свободный трафик оружия, денег и трансграничное перемещение боевиков, которые могут легко уходить от преследования, скрываясь в джунглях архипелага.

Во-вторых, здесь уже не одно десятилетие действуют исламистские организации, присягнувшие на верность группировке ИГИЛ (Запрещена в России), которая в ноябре 2016 г. назначила эмиром этих организаций Иснилона Хапилона, лидера самой воинствующей филиппинской террористической группировки Абу Сайяф. Многие из местных террористов прошли военную подготовку в лагерях боевиков,

расположенных на юге Филиппин, где наряду с ними "искусству террора" обучались и исламистские экстремисты из других стран ЮВА. Между ними уже давно установлены контакты, которые дополняются связями с международными террористическими организациями [4, с. 697-709].

В-третьих, сохраняющийся этноконфессиональный конфликт на юге Филиппин (где подавляющее большинство населения страны исповедует католицизм), где мусульманское меньшинство населения уже много десятилетий не прекращает борьбу за самостоятельность (она понимается либо как полная независимость региона от центрального правительства и создание исламского государства для народа моро, либо как широкая автономия), создает питательную среду для распространения радикальных настроений в местном обществе.

Социально-экономические факторы также играют не последнюю роль в радикализации местного мусульманского населения, низкий уровень экономического положения которого усиливает передаваемое из поколения в поколение чувство обиды и несправедливости, переходящее в ненависть к государству и к немусульманам. Согласно выводам экспертов, многие мусульманские группировки, действующие на юге Филиппин, считают, что насилие является единственным способом привлечь внимание властей к проблемам местного сообщества.

В-четвертых, мобилизации сторонников насильственной борьбы с правительством, которая в последние годы приобретает ярко выраженный религиозный характер, способствует и то обстоятельство, что в социальной структуре общества доминируют семейно-клановые отношения, которые и используются исламистскими экстремистами для пополнения своих рядов. Например, ядро террористической группировки Мауте составляют представители политически влиятельной и богатой мусульманской семьи, проживающей в г. Марави (клан Маранао), связанной кровными узами с верхушкой другой экстремистской организации – "Исламский освободительный фронт Моро", а также с лидерами исламистской группировки "Исламские борцы за свободу Бангсаморо".

Даже после освобождения г. Марави от исламистских экстремистов угроза эскалации терроризма на Филиппинах, как и в других странах ЮВА, сохраняется. Эта террористическая атака дает повод задуматься над несколькими вопросами [4, с. 697-709].

Во-первых, насколько велика опасность регионализации и интернализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и объединения радикальных мусульман под флагом ИГИЛ (Запрещена в России)? Известно, что в террористической атаке на г. Марави принимали участие 4 группировки боевиков, а между двумя террористическими структурами – Мауте и Абу Сайяф – налажены тесные контакты, которые подкрепляются связями с террористами в Индонезии и Малайзии. Разведслужбам Филиппин стало известно, что бывший преподаватель малазийского университета д-р Махмуд, присягнувший на верность ИГИЛ (Запрещена в России), планировал создать официальное подразделение этой организации на Филиппинах путем объединения различных филиппинских, индонезийских и малазийских террористических группировок.

Не реализуется ли действительно сегодня замысел ИГИЛ (Запрещена в России) по созданию на юге Филиппин своей базы с хорошо обученными боевиками, оснащенными современным оружием? По данным разведслужб Индонезии, летом 2017 г. здесь находились примерно 1200 террористов, связанных с ИГИЛ (Запрещена в России). В нападении на г. Марави приняли участие боевики из Малайзии, Индонезии, Сингапура, Йемена, Марокко и Саудовской Аравии. Не является ли это свидетельством того, что ИГИЛ (Запрещена в России) намеревается открыть новый джихадистский фронт в ЮВА? По информационному каналу ИГИЛ (Запрещена в России) ANA было передано сообщение, что в шести районах на юге Филиппин создано 10 батальонов боевиков, подконтрольных этой группировке.

По мнению главного прокурора Филиппин Жозе Калида, "происходящее на о. Минданао перестало быть мятежом граждан Филиппин. Этот мятеж превращается в нашествие иностранных террористов, которые выполняют указание ИГИЛ (Запрещена в России) по созданию здесь его плацдарма" [4, с. 697-709].

Во-вторых, не являются ли последние события на юге Филиппин хорошо спланированной акцией ИГИЛ (Запрещена в России) по оживлению терроризма в странах Юго-Восточной Азии? Вряд ли можно считать случайным тот факт, что накануне атаки на г. Марави прогремели также взрывы в Таиланде и Индонезии, где действуют подпольные террористические группы. Руководство стран ЮВА обеспокоено тем, что ИГИЛ (Запрещена в России) может расширить свою экспансию за пределы южных районов Филиппин и повлиять на развитие ситуации

во всем регионе. Эксперты Института по изучению политических конфликтов, расположенного в Джакарте, пришли к мнению, что риски не уменьшатся с освобождением г. Марави. Его осада, предпринятая сторонниками ИГИЛ (Запрещена в России), может вдохновить других террористов на подобные акции и привести к объединению разрозненных исламистских групп.

Даже если ИГИЛ (Запрещена в России) не удастся создать свою провинцию на юге Филиппин (ранее в его планы входило укрепиться в Индонезии, на о. Сулавеси в городе Посо, где действовала террористическая группировка "Муджахидин Индо-несиа Тимур" под командованием Сантосо, но этому замыслу помешала успешно проведенная в 2016 г. контртеррористическая операция по нейтрализации Сантосо), то это не означает, что его влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА ослабнет. Воздействие ИГИЛ (Запрещена в России) на политическую ситуацию в регионе проявляется напрямую – в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма – и косвенно – в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран.

Создание ИГИЛ (Запрещена в России) представляет непосредственную угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Региональные исламистские группировки уже не первое десятилетие вынашивают планы по созданию салафитского халифата в Юго-Восточной Азии под названием Даулах Исламиях Нусантара с включением в него территорий Индонезии, Малайзии, Сингапура, Брунея, юга Филиппин и юга Таиланда. А создание ИГИЛ (Запрещена в России) укрепило их в вере в правильность выбранного пути [4, с. 697-709].

Угроза распространения влияния ИГИЛ (Запрещена в России) в регионе объясняется наличием здесь организационной базы террористов, имеющих давние контакты с международными террористическими структурами, сильных лидеров, готовых присягнуть на верность халифату, восприимчивой к этой идее социальной базы, способной численно возрасти в случае активного возвращения боевиков ИГИЛ (Запрещена в России) на родину. По имеющимся далеко не полным оценкам, на стороне ИГИЛ (Запрещена в России) воюют около 700-800 граждан ЮВА.

В Индонезии еще в 2014 г. свою солидарность с ИГИЛ (Запрещена в России) выразили 2 тыс. человек, входящих в состав 19 террористических группировок, присягнувших на верность квазигосударству, они в основном являются приверженцами идеологии такфиризма и твердо убеждены в том, что любой, кто отрицает законы ислама и работает на правительство Индонезии, является "кяфиром" ("неверным"). В Малайзии, которая до 2016 г. не подвергалась угрозе террористических нападений со стороны местных исламистских радикалов, возникла реальная опасность активизации исламистских экстремистов, вдохновленных идеей создания "суперисламского" халифата. Они сформировали 7 новых террористических группировок, связанных с ИГИЛ (Запрещена в России). За последние 2 года в стране по обвинению в причастности к вооруженной деятельности было арестовано 260 человек и раскрыто 10 терактов, готовившихся сторонниками ИГИЛ (Запрещена в России).

В Индонезии, которая является одним из главных поставщиков боевиков для ИГИЛ (Запрещена в России), его сторонниками было совершено 4 теракта (самый крупный из них в январе 2016 г. в Джакарте) и вовремя предупреждено 5 (в том числе ракетный обстрел Сингапура с территории Индонезии) [4, с. 697-709].

Новым явлением для Индонезии стала перегруппировка сил внутри террористического подполья, проявившаяся в создании множества мелких ячеек, независимых друг от друга. В отличие от начала 2000-х гг., когда исламистские экстремисты были объединены под началом "Джемаа Исламия" (ДИ) (ответственной за теракт на о. Бали в 2002 г., жертвами которого стали 202 человека), сегодня они предпочитают действовать в рамках небольших ячеек, руководствуясь интересами своего выживания – их труднее отследить.

С укреплением положения ИГИЛ (Запрещена в России) на Ближнем Востоке у последователей этой группировки в Индонезии появилось стремление объединить разрозненные формирования, присягнувшие ей на верность, под единым началом. Ядром этой новой структуры должна была стать организация "Джамах Аншаруд Даулах" (ДЖАД) (переименованная потом в "Аншаруд Даулах Исламиах", "Джамах Аншарул Кхи-лафах" и, наконец, в "Джамах Аншарул Кхилафах Исламиах"). ДЖАД была создана в 2015 г. по инициативе находившегося в тюрьме бывшего лидера ДИ проповедника Амана Абдурахмана, который планировал превратить организацию в подразделение ИГИЛ (Запрещена в России) в Индонезии с перспективой создания здесь провинции ква-

зигосударства ИГИЛ (Запрещена в России). В состав ДЖАД вошли члены других террористических группировок. Предполагается, что именно ДЖАД стоит за терактом в Джакарте, совершенном по указанию ИГИЛ (Запрещена в России), с подразделением которого, "Катибах Масьярик", поддерживаются контакты.

Однако появление этой новой террористической структуры не привело к окончательному объединению всех сторонников ИГИЛ (Запрещена в России). Они могут одновременно входить в состав разных ячеек, часть из которых создается бывшими боевиками так называемого Исламского государства, возвратившимися на родину. По данным разведслужб региона, только за первую половину 2017 г. их число составило 100 человек. Они прошли военную подготовку и идеологическую обработку, накопили опыт террористической борьбы и обросли международными связями, которые нередко подкрепляются семейными и дружескими узами [4, с. 697-709]. Сделанное экспертами предположение о том, что так называемые странствующие джихадисты могут присоединиться к террористам в ЮВА, было подтверждено участием таких странствующих террористов в осаде г. Марави.

Возвратившиеся из зоны конфликта боевики, которых нередко называют "волками-одиночками", могут оказать серьезное влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА. Исходящая от них угроза измеряется не только их готовностью к совершению терактов, но и их способностью вдохновить на это местных исламистов, которые относятся к ним как к героям и воспринимают их как "естественных лидеров" экстремистских ячеек. Они способны организовать и даже попытаться объединить местных террористов в том случае, если откажутся от личных амбиций, что до последнего времени препятствовало сплочению террористов под единым началом.

В то же время наличие мелких террористических ячеек представляет не меньшую угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку каждая из них захочет доказать ИГИЛ (Запрещена в России) свою преданность и боеспособность, используя в качестве аргумента теракты.

О том, что в Индонезии происходит процесс оживления террористических организаций, свидетельствует и факт возрождения ДИ, которая после 2010 г. отказалась от терактов и "залегла на дно". Это, по мнению Б. Сингха, стало стратегическим маневром, позволившем ДИ восстановиться, чтобы в будущем участвовать в джихаде. В этих целях она создала военизированное подразделение из числа молодежи, в основном студентов высших учебных заведений. Возможность ради-

кализации студенчества и его привлечения в ряды ДИ А. Примихалда объясняет тем, что многие студенты в Индонезии, впервые оказавшись вне дома, испытывают потребность в защите со стороны социальной структуры, и такую защиту им предоставляют экстремистские сети [4, с. 697-709].

Эксперты Института по изучению политических конфликтов пришли к выводу, что те, кто получил подготовку в рядах ДИ, скорее всего, будут проявлять нетерпение и захотят проверить свои навыки. Они считают, что возможное в будущем отделение от ДИ ее военизированной структуры приведет к появлению в среде индонезийских исламистских экстремистов "самой профессиональной по своей организации, по уровню подготовки и мобилизующему началу террористической группы".

По мнению индонезийского аналитика Юханиеса Суламаина, нынешний отряд джихадистов очень молод по своему возрасту и связывает себя с ИГИЛ (Запрещена в России), видя в нем движение будущего – более активное и более радикальное.

Стратегия экспорта терроризма, которая сегодня активно апробируется ИГИЛ (Запрещена в России) во многих странах, в том числе и ЮВА, зависит от поддержки мусульман и вербовки новых боевиков, которые подвергаются идеологической обработке через социальные сети. Уже к 2015 г. в Малайзии было зафиксировано более 500 связанных с ИГИЛ (Запрещена в России) учетных записей в социальных сетях. По данным разведслужб, 95-98% сторонников ИГИЛ (Запрещена в России) в Малайзии и Индонезии были завербованы через Интернет. По мнению экспертов ООН, ИГИЛ (Запрещена в России) рассматривает ЮВА как основной центр по вербовке боевиков.

Подготовку терактов силами "волков-одиночек", инструктаж боевиков и даже проведение самой операции ИГИЛ (Запрещена в России) осуществляет также через Интернет, используя различные закодированные мессенджеры, прежде всего, Telegram, что побудило власти Индонезии прибегнуть к его блокировке в июле 2017 г. [4, с. 697-709].

Пропагандистская кампания ИГИЛ (Запрещена в России) в Интернете достигает своей цели тогда, когда ее аудитория уже подвержена процессу радикализации. При этом факторы, побуждающие людей поддерживать ИГИЛ (Запрещена в России), могут быть самые разные:

– общность идеологических позиций и сходство взглядов на характер мироустройства (например, некоторые индонезийцы воспринима-

ют ИГИЛ (Запрещена в России) не как террористическую организацию, а как халифат);

– обостренное чувство несправедливости и уверенность в том, что мусульмане подвергаются дискриминации и, как следствие, ненависть к Западу, к его ценностям и культуре;

– недовольство проводимой правящей властью политикой (например, один малазийский боевик назвал в качестве причины своего присоединения к ИГИЛ (Запрещена в России) неприятие правящей партии УМНО, а другой был недоволен тем, как одеваются современные женщины в Малайзии).

Угроза радикализации мусульманских стран ЮВА, во многом инспирированная извне, нарастает в условиях укрепления идейно-политических позиций консервативной части суннитской общины, настроенной враждебно по отношению к представителям других этносов и иных религиозных течений. Идея толерантности, лежащая в основе умеренного ислама как в Индонезии, так и в Малайзии (несмотря на преследование шиитов и гонения на представителей других конфессий) и являющаяся залогом существования светского государства, деформируется под влиянием усиливающейся пропаганды идеи исключительной мусульманской идентичности. А это ведет к вытеснению понятия гражданства как организационного принципа построения демократического государства [4, с. 697-709].

И в Индонезии, и в Малайзии происходит политизация ислама под влиянием как внешних (экспорт идеологии исламского фундаментализма из стран Ближнего Востока), так и внутренних факторов (социально-экономическое неравенство и просчеты внутренней политики). В Малайзии наблюдается процесс включения некоторых принципов салафизма в политику правящей партии – УМНО, выступающей под лозунгом защиты интересов малайских мусульман от угрозы со стороны других религий и этносов. Обращение к тематике религиозной исключительности малайских мусульман позволяет УМНО, реагирующей на общественный запрос, одерживать победу на парламентских выборах. Последствием такой политики становится нарастание этнорелигиозной напряженности в обществе, которую пока удается удерживать от экстремистских форм выражения.

Этого нельзя сказать об Индонезии, где отход от умеренного ислама проявился при предыдущем президенте С. Юдхойоно, который открыл политическое пространство для деятельности исламистских структур. Сегодня они сосуществуют с ведущими мусульманскими орга-

низациями умеренного толка. Именно на них государство делает ставку в борьбе с распространением влияния ИГИЛ (Запрещена в России) в стране, противопоставляя его идеологии индонезийское религиозное учение Ислам Нусантара.

Мусульманские страны ЮВА стоят на пороге политического кризиса, проявляющегося в расколе общества на тех, кто поддерживает конституционное светское правительство, и тех, кто использует ислам для борьбы с плюралистическим демократическим государством. Распространение транснационального терроризма усиливает это политико-религиозное размежевание в обществе. А формирующийся в этих странах климат религиозной нетерпимости благоприятствует популяризации идеологии ИГИЛ (Запрещена в России).

На вопрос, готовы ли сегодня страны ЮВА к отражению удара ИГИЛ (Запрещена в России), однозначно ответить трудно. Хотя в последние 3 года значительно активизировалась контртеррористическая деятельность государств региона, усилены меры безопасности, проведены успешные операции по поимке террористов и раскрытию заговоров, тем не менее, угроза терроризма не только сохраняется, но и усиливается. При этом просчитываются различные сценарии развития ситуации в условиях как победы, так и поражения ИГИЛ (Запрещена в России) на Ближнем Востоке [4, с. 697-709]. И в том, и в другом случае возможности влияния этой группировки на развитие джихадистского движения в ЮВА с сопутствующим высоким уровнем террористической угрозы остаются достаточно большими.

И хотя вероятность образования халифата на территории ЮВА невысока, тем не менее, в условиях распространения международного терроризма возрастает риск быстрой радикализации мусульманской общины. Для мусульманских стран ЮВА это имеет серьезные политические последствия, которые выражаются в возможном расколе общества при проявлении его религиозной нетерпимости, в подрыве стабильности пока еще хрупких демократических режимов [4, с. 697-709].

6.3. КОНФЛИКТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМА ГИДРОРЕСУРСОВ

Формирование и развитие конфликта интересов на трансграничных реках. С коллапсом единого союзного государства в 1991 г. основные водные артерии Средней Азии – Сырдарья и Амударья – и их прито-

ки стали трансграничными. В новых геополитических условиях обнаружилось несоответствие между гидрографическими границами рек и границами политическими, что резко обострило ситуацию в регионе.

В условиях засушливого климата Средней Азии водные ресурсы играют особую роль. Поливное земледелие развито в основном вдоль двух крупных рек, впадающих в Аральское море, – Сырдарья и Амударья. Один из самых благоприятных районов – Ферганская долина, миндалевидная межгорная котловина, окаймленная высокими горными хребтами и составляющая около 45% от общей орошаемой площади бассейна Сырдарья. После распада Советского Союза она оказалась разделена между тремя государствами – Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном [2].

После Второй мировой войны Советский Союз осуществил значительные финансовые и технологические вложения в оросительную сеть Средней Азии. Это повлекло не только расширение и углубление основных каналов, но также расширение поливных площадей. В 1970-х гг. на территории Кыргызстана было создано Токтогульское водохранилище, обеспечивающее многолетнее хранение воды для увеличения полива ниже по течению реки Сырдарья, и гидроэлектростанция.

Советский Союз, как и Российская империя до него, для удовлетворения спроса текстильной промышленности поощрял выращивание хлопка в Средней Азии, развивая ирригационные и дренажные проекты и выделяя на него львиную долю стока Сырдарья.

Приоритетным направлением развития сельского хозяйства Кыргызской ССР, в которой формируется 75,2% стока реки Сырдарья, было животноводство, а также выращивание богарных культур. Ее энергетические потребности удовлетворялись поставками электроэнергии и природного газа, угля и нефти для ее ТЭЦ из других советских республик. Благодаря этому Токтогульское водохранилище, как часть высоко интегрированной системы, стало ключевым элементом широкомасштабного выращивания хлопка в странах нижнего течения, особенно в Узбекистане.

С распадом Советского Союза интегрированная схема экономического управления водными ресурсами разрушились. Новообразованные Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Казахстан оказались ответственными за управление водами Сырдарья. Возникла потребность в образовании новых водохозяйственных организаций как на внутри-, так и на межгосударственном уровне.

В каждой стране были созданы министерства и надзорные ведомства в сфере водных ресурсов, которые сохранили многое от советских организационных структур. Новые водохозяйственные организации столкнулись с проблемой снижения зарплатных фондов, уменьшения операционных бюджетов и нехваткой средств на оборудование. Учитывая эти трудности, новообразованные государства предприняли меры по передаче инфраструктурной ирригационной системы в собственность местным водопользователям [2].

Правовые аспекты регулирования водно-энергетических отношений в Средней Азии. Уничтожение централизованной советской системы управления водными ресурсами потребовало заключения соглашений между независимыми государствами Средней Азии для регулирования стока трансграничных рек Сырдарья и Амударья. Алматинским соглашением 1992 г. была создана Межгосударственная Координационная Водохозяйственная Комиссия (МКВК) в качестве наднационального органа, принимающего решения по всем вопросам, касающимся правил эффективного использования и защиты межгосударственных водотоков и водоемов в Средней Азии. МКВК состоит из первых руководителей водохозяйственных организаций каждой из пяти стран, которые встречаются несколько раз в год для установления водных квот и разрешения споров. В качестве исполнительных органов МКВК были созданы бассейновые водохозяйственные организации (БВО) "Амударья" и "Сырдарья", включенные в состав Международного фонда спасения Арала (МФСА).

Являясь на сегодняшний день единственным органом по вопросам управления международными реками бассейна Аральского моря, МКВК работает недостаточно эффективно в силу отсутствия взаимопонимания между странами по вопросу эксплуатации межгосударственных водных объектов. Существенным недостатком МКВК (и БВО) является то, что ротация и участие специалистов всех пяти республик не предусмотрены. Располагаясь в Узбекистане (Ташкент), органы МКВК полностью сформированы национальными кадрами этой республики. Это приводит к тому, что при принятии решений по регулированию стока трансграничных рек органы МКВК в большей степени учитывают национальные интересы Узбекистана, развивающего орошаемое земледелие [2].

С 1995 года по реке Сырдарье заключались ежегодные соглашения между прибрежными государствами по распределению водно-энер-

гетических ресурсов. Так, в 1996 г. руководством Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана было подписано соглашение об использовании топливных и энергетических ресурсов и эксплуатации газопроводов. Данное соглашение было заключено для регулирования работы Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ. Существенным достижением соглашения стало утверждение компенсационного механизма "вода за электроэнергию", что выражалось в установлении графика регулярных поставок энергоносителей в Кыргызстан и Таджикистан, а также согласовании режима эксплуатации каскада водохранилищ Нарын-Сырдарьинского бассейна. Кроме того, данное соглашение предусматривало необходимость разработки схемы долевого участия государств нижнего течения в финансировании ремонтных и эксплуатационных расходов на межгосударственных водохозяйственных объектах. Однако на практике эта схема реализована так и не была, так как стороны трактовали соглашение каждая в своих интересах.

Соглашение 1998 г. было очередной попыткой возродить на новой основе советский механизм. Кыргызстан обязался сбрасывать большую часть воды в период вегетации (т.е. эксплуатировать ГЭС в ирригационном режиме), страны нижнего течения взяли на себя обязательство регулярно поставлять ему энергоносители зимой. Рамочный характер соглашения предусматривал определение точного объема поставляемых ресурсов на ежегодных переговорах. Фактически достигнутые договоренности имели значение лишь в период маловодья. При строгом выполнении обязательств интересы всех трех сторон соглашения могли быть удовлетворены, но их невыполнение вело к неустойчивому водоснабжению [2].

В октябре 2008 г. страны Центрально-Азиатского региона предприняли очередную попытку урегулировать противоречия и подписали пятисторонний договор о правилах совместного использования региональных водных ресурсов на зимний и вегетационный периоды 2008-2009 годов. Туркменистан взял обязательство поставить Таджикистану и Кыргызстану дополнительные объемы электроэнергии, а Узбекистан должен был обеспечить транзит и бесперебойную подачу электроэнергии в страны верховья. В обмен на поставку энергоресурсов Кыргызстан взял на себя обязательство не осуществлять излишние сбросы воды из Токтогула.

Однако, несмотря на некоторые успехи, расхождение интересов государств нижнего и верхнего течения Сырдарьи усугубляется. Дого-

воренности не выполняются, поскольку в водно-энергетической сфере страны региона стремятся реализовывать политику национального суверенитета. Проблема распределения совместных водных ресурсов так и не решена.

Идросенергетика как катализатор межгосударственных конфликтов. Первый крупный конфликт в связи с сезонным распределением воды в Ферганской долине возник по вопросу режима эксплуатации Токтогульского водохранилища и ГЭС. С распадом Советского Союза разрушилась система межреспубликанской компенсации "вода за энергию". Новообразованным независимым государствам нижнего течения было трудно обеспечивать Кыргызстан дешевым газом, и они подняли на него цену. Не имея возможности приобрести достаточных объемов газа, Кыргызстан в начале 1990-х испытывал хроническую нехватку электричества зимой и был вынужден спускать больше воды из Токтогульского водохранилища для выработки необходимой электроэнергии. Это уменьшало количество воды, доступной ниже по течению Узбекистану для орошения в весенне-летний период. Зимние попуски воды неоднократно приводили к затоплению расположенных ниже по течению территорий. Узбекистан регулярно заявлял об ущербе от зимних паводков, требуя, чтобы вода спускалась в основном в вегетационный период [2].

Спорным вопросом является также стоимость трансграничных водных ресурсов. С момента обретения независимости Кыргызстан не в состоянии нести в одиночку финансовое бремя эксплуатации и содержания Токтогульской плотины и ГЭС и не готов принять меры по регулированию водного стока в реку Нарын, впадающую в Сырдарью. Ежегодное поддержание работы Токтогульского водохранилища и его инфраструктуры обходится Кыргызстану, по разным оценкам, от 15 до 27 млн. долларов, что побуждает его добиваться компенсации от стран ниже по течению. Кроме того, рост цен на газ и переход к более рыночно-ориентированной экономике побудили законодателей Кыргызстана оценить стоимость водных ресурсов. Они утверждают, что посредством орошаемого земледелия воды реки Сырдарья, текущие из Кыргызстана, приносят значительную экономическую выгоду странам низовья, а потому надо взимать плату с пользователей воды.

В Узбекистане идея платы за воду активно критикуется: задаются вопросом о том, может ли какая-либо страна владеть водой, и может ли она рассматриваться как товар. Кроме того, узбекистанские экспер-

ты утверждают, что Кыргызстан не дает никакой "добавленной стоимости" воде, поступающей с его территории, и потому не может требовать за нее деньги.

Кыргызстан оспаривает советские межреспубликанские квоты, по которым львиная доля воды Сырдарьи направлялась в Узбекистан и Казахстан для орошения. В Алма-атинском Соглашении о водных ресурсах 1992 года новообразованные государства подтвердили, что будут и впредь соблюдать существовавшие на тот момент квоты, но возможность последующих изменений не была уточнена. По данному соглашению 51,7% стока реки предназначалось Узбекистану, 38,1% – Казахстану, 9,2% – Таджикистану и лишь 1% – Кыргызстану. Нукусская декларация от 20 июня 1996 г. закрепила намерения государств региона придерживаться достигнутых договоренностей по вопросу распределения водных ресурсов.

Стремление Кыргызстана увеличить водные квоты повлекло за собой пересмотр распределения воды из отдельных рек южной части Ферганской долины. Так, например, в советский период 69% реки Шакимардансай выделялось Узбекской ССР и только 21% – Киргизской ССР. После распада Советского Союза водные претензии Кыргызстана привели к сокращению водоснабжения пользователей нижнего течения и их недовольству [2].

По мнению кыргызстанских экспертов, советские схемы водораспределения, подтвержденные Алма-Атинским соглашением 1992 г., препятствовали Кыргызстану развивать орошаемое земледелие и получать от этого выгоду. Сегодня Кыргызстан пытается исправить то, что рассматривает как историческую несправедливость, планируя создать самодостаточное орошаемое земледелие. Однако это идет в разрез с намерениями Узбекистана, Казахстана и Туркменистана, которые стремятся к расширению собственных орошаемых площадей.

В результате у Кыргызстана и Таджикистана возникли планы по возведении новых плотин и возобновлению строительства крупных ГЭС и водохранилищ, разработанных в 1960-х и 1970-х и частично построенных в 1980-х годах. Так, в Кыргызской республике на реке Нарын было решено реализовать проекты Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбар-Атинской ГЭС. Эти гидроузлы позволили бы производить электроэнергию в зимнее время, а также экономить воду в Токтогульском водохранилище для ирригации стран нижнего течения в вегетационный период. Кроме того гидроузлы могли бы генерировать излишки электроэнергии на экспорт.

Будучи заинтересованной в развитии гидроэнергетического сектора Средней Азии, Россия в 2012 г. подписала договор с Кыргызстаном о совместном возведении и использовании Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбар-Атинской ГЭС-1. Однако в январе 2016 г. на рассмотрение в парламент Кыргызстана поступило постановление правительства России о денонсации данного соглашения.

Сомнения в экологической устойчивости проектов, отсутствие их подробного технико-экономического обоснования, а также ряд других технических вопросов (выкуп земли под затопление и пр.) сегодня тормозят развитие гидротехнических планов. Нельзя сбрасывать со счетов и твердую позицию Узбекистана, который активно возражает против увеличения Кыргызстаном контроля над Сырдарьей [2].

Рогунская ГЭС в Таджикистане представляет собой аналогичный проект по регулированию режима сброса воды и ее потребления из Амударья. Первоначальная цель сооружения плотины состояла в том, чтобы в маловодные годы гарантировать достаточный запас воды потребителям реки Амударья, бассейн которой испытывает большой недостаток в регулировании, нежели река Сырдарья. С распадом СССР проект в 1992 году был заморожен, но, если бы он был завершен, Рогунская ГЭС стала бы самой высокой в мире и крупнейшей в регионе. По разным оценкам, Рогунская ГЭС может покрыть около 80% среднего уровня потребления энергии в Таджикистане и создать возможности для ее экспорта в третьи страны. Совместно с огромным водохранилищем на реке Вахш она могла бы обеспечить годовое регулирование стока Амударьи.

Однако перед сооружением Рогунской ГЭС стоит немало препятствий: требуются огромные финансовые затраты, Узбекистан активно препятствует проекту, опасаясь сокращения доступности водных ресурсов, а нижележащие государства указывают на расположение Рогунской ГЭС в сейсмически активной зоне, что может иметь катастрофические последствия.

Для Таджикистана Рогунская ГЭС стала своего рода "национальным проектом", завершить который таджикское руководство пытается любой ценой. Замещение узбекистанской энергии собственной позволит Таджикистану проводить в регионе независимую водно-энергетическую политику, чего так опасается Узбекистан.

Довольно удачным проектом, несмотря на протесты узбекской стороны, оказалась Сангтудинская ГЭС-1, вторая по мощности в Таджики-

стане. Возведенная благодаря российским инвестициям в 2009 г., она представляет собой крупнейший инвестиционный проект, реализованный Россией на постсоветском пространстве [2].

Внутригосударственные разногласия по использованию водных ресурсов. Конфликты из-за использования трансграничных вод возникают не только на меж-, но и на внутригосударственном уровне. Как упоминалось, бассейн Сырдарьи включает в себя Ферганскую долину, которая с точки зрения этнических противоречий является наиболее чувствительной территорией современной Средней Азии.

С момента обретения независимости многие водопользователи Ферганской долины уже столкнулись со снижением доступности воды и с неопределенностью относительно ее доставки. Изменение сезонных закономерностей распределения воды и устаревшая инфраструктура негативно сказываются на сложившейся ситуации. Рост численности населения будет увеличивать давление на водные, земельные и другие природные ресурсы. С момента распада СССР большая часть Ферганской долины переживает стремительный социально-экономический упадок, что может привести к насилию среди населения, в подавляющем большинстве зависящего от орошаемого сельского хозяйства.

На южной стороне долины напряженность, как правило, возникает весной, когда спрос на воду высок, а оросительные каналы еще не заполнены ледниковой водой. Неустойчивое водоснабжение усиливает конкуренцию между потребителями верхнего и нижнего течения. В данном случае стороны конфликта формируются по территориальной принадлежности, а не по этнической или родственной, хотя эти категории часто пересекаются.

Конфликты обострились не только в связи с появлением новых границ, но и в связи с долгосрочными социально-экономическими сдвигами, характер и конечные последствия которых еще не до конца очевидны. Узбекские и таджикские группы в Ферганской долине имеют значительно более древнюю историю сельскохозяйственного производства и оседлого образа жизни, в отличие от киргизов, большинство которых практиковало скотоводство и кочевало в предгорьях. После национально-территориального размежевания в 1924-1928 гг. существующие социально-экономические различия стали территориальными [2].

Вначале советская региональная экономическая специализация усилила эти различия, способствуя развитию орошаемого земледе-

лия в виде хлопкового производства в Узбекской ССР и животноводства в виде производства мяса и молока в Киргизской ССР. Однако более поздние действия по переселению и приведению кочевого населения к оседлому образу жизни, а также по расширению в предгорьях зон орошаемого земледелия изменили эту специализацию.

Сегодня киргизы, узбеки и таджики в предгорьях занимаются как животноводством, так и растениеводством. Изменения в расселении сформировали новые требования на воду и землю с конкуренцией по географическим зонам, видам деятельности и этническим различиям. Многие пограничные области на границе до сих пор являются спорными.

Участие международных организаций в решение водно-энергетической проблемы Средней Азии. После распада Советского Союза ряд международных агентств пришел в регион со своими проектами по оказанию помощи. Основная их цель состояла в избежании вооруженного конфликта между новыми государствами из-за водного вопроса и нахождении форм мирного взаимодействия. Другой проблемой, вызвавшей беспокойство международного сообщества, было высыхание Аральского моря.

Растущая потребность в воде для ирригационных целей и неэффективное ее использование привели к сокращению Аральского моря на 13-18 метров от уровня 1960 г. В связи с ростом уровня засоления (с 1960 г. увеличился в 8 раз) и выведением из сельскохозяйственного оборота вследствие серьезных загрязнений 400 тыс. км земли проблема Аральского моря приобрела международное измерение. Усилия международного сообщества в регионе направлены на смягчение последствий стихийных бедствий, а также защиту окружающей среды посредством снижения водозабора для нужд сельского хозяйства из Амударьи и Сырдарьи и внедрения водосберегающих методов орошения [2].

Для реализации большого числа проектов были собраны значительные средства различных учреждений, двусторонних доноров и частных фондов. Инициаторами проектов были Всемирный банк, Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Европейский Союз (ЕС), Агентство Соединенных Штатов по международному развитию и др. Каждая из этих организаций давала свои научные оценки, разрабатывала планы управления, проводила межгосударственные переговоры и начинала реализовывать программы для

улучшения регулирования водного режима и экологического состояния Аральского моря.

Международное участие, как правило, сосредоточено на продвижении реформ по линии интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР) в сочетании с восстановлением инфраструктуры. В целом международные спонсоры и организации были вовлечены в процессы децентрализации управления ирригацией по линии ИУВР и создали Ассоциации водопользователей (АВП).

Ирригационные реформы на основе принципов ИУВР реорганизуют структуру управления водными ресурсами, – например, вводят плату за услуги водоснабжения. Однако АВП обычно обладают небольшой легитимностью и оказывают ограниченное влияние на распределение воды. ИУВР "политически слепы" к реальной ситуации и экономическим отношениям, которые существуют в Ферганской долине и в целом в Средней Азии. Вряд ли цели ИУВР по экономической децентрализации, самоуправлению и наделению АВП полномочиями могут быть достигнуты в сложившейся там строго централизованной системе управления.

Водораспределение в Средней Азии остается заложником годовых бартерных соглашений между государствами нижнего и верхнего течений, ограниченных своей экономической слабостью. Так, Кыргызстан не имеет необходимых средств для импорта энергоносителей. Потребность в отоплении и неспособность правительства обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии могут вызвать общественное недовольство и политическую дестабилизацию [2]. Поэтому для него необходима эксплуатация Токтогульского водохранилища для выработки гидроэлектроэнергии зимой.

Аналогичная логика применима к интересам Таджикистана и Кыргызстана в отношении строительства Камбар-Атинской и Рогунской гидроэлектростанций. Помимо устранения постоянной нехватки электроэнергии, эти государства надеются начать экспортировать ее. С другой стороны, политические элиты Узбекистана и Таджикистана нуждаются в доходах от производства хлопка в Ферганской долине, что объясняет их нежелание внедрять менее водоемкие культуры (хотя в целом стоит отметить, что с начала 1990-х годов годовое хлопковое производство уже существенно сократилось, а к 2020 г. предполагается сократить производство хлопка-сырца еще на 350 тыс. тонн).

Ежегодные бартерные соглашения об использовании вод Сырдарьи являются не столько результатом межгосударственного сотрудни-

чества, сколько следствием борьбы интересов внутригосударственных акторов в каждой стране Средней Азии. В результате в регионе реализуется сценарий "всеобщего проигрыша", при котором государства, стремящиеся к автаркии и не осознающие значимость сотрудничества друг с другом, по данным ПРООН, теряют около 5% регионального ВВП в год. Руководство республик должно прийти к осознанию необходимости гармонизации национальных водно-энергетических стратегий, что создаст основу для экономического сотрудничества.

Сегодня республики Средней Азии пытаются обрести свои национальные идентичности. Так, например, в высказываниях Президента Казахстана Н. Назарбаева очевидно стремление найти национальную идею путем пересмотра прошлого с минимальным акцентом на исламский компонент. Он признается, что ему "в делах ежедневно помогают аруахи", или "духи предков", что представляется типичным атавизмом многобожия. В Туркменистане настольной книгой стал труд ныне покойного С. Ниязова "Рухнама". В мечети, возведенной под Ашхабадом на родине Туркменбаши, по указу Ниязова стены наряду с сурами из Корана исписаны цитатами из "Рухнама" [2].

Поиск национальных идентичностей не приведет к созданию единого экономического (и тем более политического) регионального пространства. Необходимо переосмысление прошлого, более глубокое внимание к историческому наследию и извлечение должных уроков из того, что страны Средней Азии были созданы и развивались в рамках единого государства. Возращение к единой истории может создать основу для урегулирования существующих противоречий [2].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. – М.: Аспект Пресс, 2012.
2. Бояркина О. Конфликты в Средней Азии на примере Ферганской долины [Электронный ресурс] // журнал "Свободная Мысль". URL: <http://svom.info/entry/713-konflikty-v-srednej-azii-na-primere-ferganskoj-dol/> (дата обращения 20.07.2018 г.).
3. Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009.

4. Рогожина Н.Г. Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 697-709.

5. Сотников В.И. Куда идет Пакистан? // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 4. – С. 133-142.

6. Сотников В.И. Проблемы безопасности и развития ядерной энергетики в Пакистане // Восточная аналитика. – 2010. – № 1. – С. 159-167.

7. Чуфрин Г.Л., Гельбрас В.Г., Володин А.Г. и др. Зона Афпак как источник региональной нестабильности и угроз международной безопасности // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 12. – С. 91-126.

8. Яковлев А.Ю. Современные конфликты в Южной Азии // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2016. – № 15. – С. 167-171.

9. Яковлев П.Ю. Правовое регулирование статуса компаний в Индии // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 17.

Вопросы и задания

1. Какие характерные черты присущи конфликтам в Южной Азии?
2. Кратко охарактеризуйте сущность кашмирской проблемы.
3. В чем сущность трансграничных проблем на индостанском полуострове?
4. Какие факторы способствуют распространению идей радикального ислама в странах ЮВА?
5. Какие меры противодействия терроризму предпринимаются правительствам стран ЮВА?
6. Чем объясняется острота и масштабность конфликтов в Центральной Азии?
7. Какие противоречия между странами региона можно назвать конфликтогенными факторами?
8. Какую роль в регионе играют гидроресурсы и как они связаны с конфликтогенной обстановкой?

Глава 7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

7.1. МЕХАНИЗМЫ И ПРОЦЕДУРЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Соотношение между силовыми и несиловыми методами разрешения международных конфликтов менялось в ходе истории. На протяжении длительного времени силовой фактор и военная мощь являлись определяющими, а несиловые способы, прежде всего переговоры, сводились к подведению итогов войн и конфликтов и в этом смысле являлись вспомогательными [5].

В новейшее время значение несиловых методов стало возрастать. Парадоксально, но одна из причин этого – развитие и совершенствование военных технологий, появление оружия массового поражения, что делает бессмысленным его применение, ибо грозит полным уничтожением всех участников конфликта. Мир становится все более взаимозависимым и взаимоуязвимым не только в военной, но также в экономической, социальной и других сферах, что значительно ограничивает желания и возможности силового разрешения проблем. Общая тенденция перехода к невоенным средствам разрешения международных конфликтов относится к планетарному уровню. Однако, как видно на примере нынешнего десятилетия, в региональном и особенно локальном сегментах военная сила используется довольно широко, причем разнообразие конфликтов и сложность их характера нарастает.

Р. Акофф выделяет три возможных исхода конфликта: разрешение, урегулирование, устранение.

Разрешение конфликта означает использование сторонами условий, порождающих борьбу и мотивирующих стремление к реализации собственных интересов, чего бы это ни стоило противнику. Стремление разрешить конфликт обычно усиливает его до тех пор, пока одна из сторон не победит другую.

Урегулирование означает принятие сторонами условий, порождающих борьбу, и нахождение компромисса, т.е. распределение выгод и ущерба, приемлемых для противоборствующих сторон. Соглашение об урегулировании обычно достигается, когда участники считают, что предлагаемое распределение выигрышей и потерь относительно справедливо [5].

Устранение противоборства означает изменение порождающих его условий таким образом, что оно исчезает. Это можно сделать, изменив обстановку или состав участников борьбы.

В политической конфликтологии различают такие термины, как "предупреждение конфликта", "урегулирование конфликта", "разрешение конфликта". Под предупреждением конфликтов обычно понимают деятельность, направленную на предотвращение военного столкновения. Урегулирование конфликта, как наиболее часто употребляемое понятие, предполагает уменьшение напряженности между сторонами, поиск взаимоприемлемых решений. Разрешение конфликта подразумевает не просто сглаживание противоречий, но и устранение самого базиса, лежащего в его основе.

Действенным способом ненасильственного урегулирования и разрешения конфликтов выступают политические и дипломатические методы. Наиболее распространенными из них являются такие способы и процедуры, используемые с давних времен, как переговоры, посредничество, примирение и др. Многие из методов предполагают обращение к третьей стороне, задача которой – развести стороны и облегчить им достижение согласия. Стремясь к деэскалации конфликта, третья сторона не должна становиться прямым или косвенным его участником. Требование беспристрастности – основная норма деятельности третьей стороны, а убеждение – главный способ влияния на них. Вместе с тем нередки ситуации, когда третьей стороне приходится воздействовать на наиболее несговорчивых и бескомпромиссных участников конфликта путем предупреждения, нажима, отказа от пре-

доставления экономической помощи и т. д. Что касается технологий и конкретных операционных процедур, то в данном контексте может использоваться посредничество, оказание добрых услуг, наблюдение за ходом переговоров, комиссии по расследованию, арбитраж [5].

Использование услуг третьей стороны, посредничество, арбитраж в системе международных примирительных процедур особо оговариваются в документах Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. Значение этих конференций, созванных по инициативе России, состоит в том, что в их 13 конвенциях и декларациях впервые провозглашается система международно-правовых средств мирного разрешения межгосударственных споров. В документах "О мирном решении международных столкновений", "О законах и обычаях сухопутной войны", "О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года", принятых на 1-й Гаагской мирной конференции, осуществлена попытка ограничить право государства на войну и найти пути мирного решения споров. Гаагские конвенции инициировали создание такого механизма, как комиссия по расследованию, задача которой установить факты и причины, лежащие в основе международного конфликта, понять аргументы спорящих государств и доложить их третьей стороне. Ряд положений Гаагских конвенций действует и ныне, они включены в комплекс норм международного гуманитарного права.

Посредничество и добрые услуги совпадают по конечной цели – содействовать мирному разрешению конфликтов. Однако между ними, замечает М. М. Лебедева, есть и различия. Добрые услуги могут оказываться одной из сторон конфликта, предусматривая, в частности, предоставление своей территории для проведения встреч спорщикам, выступая своеобразным почтальоном и доставляя сообщения от одного участника к другому, и т. п.

Посредничество же оказывается с согласия всех конфликтующих сторон и предполагает более существенное участие третьей стороны в урегулировании конфликта: она не только организует переговоры, но и участвует в них, помогает найти выход из сложившейся ситуации. При этом проводятся разносторонние консультации, используются приемы челночной дипломатии, которая имеет в виду поочередное согласование вопросов с каждым из участников конфликта [5].

Различают несколько видов посредничества: прямое и косвенное, формальное и неформальное, официальное и неофициальное.

– Прямое посредничество: все стороны, включая посредников, одновременно присутствуют на переговорах, посредники играют лидирующую и мотивирующую роль.

– Косвенное посредничество: нейтральная сторона, осуществляющая посреднические функции, поочередно проводит консультации или переговоры с каждой из конфликтующих сторон.

– Формальное посредничество: третья сторона имеет закрепленный за ней формальный статус посредника, признаваемый всеми участниками переговоров.

– Неформальное посредничество: посредник не имеет закрепленного за ним официального статуса. Неформальное посредничество предполагает реализацию не всех посреднических функций, а лишь их части, например только выяснение мнений.

– Официальное посредничество: в роли посредника выступает некое лицо (организация), облеченное государственной властью или полномочиями, приданными международными структурами.

– Неофициальное посредничество: не предусматривается наличие обязательных властных полномочий у лица или организаций, осуществляющих функции посредников [5].

Один из методов, применяемых третьей стороной, – наблюдение за ходом переговоров. Сам факт наблюдения создает условия для понижения градуса напряженности между сторонами, препятствует нарушению ранее достигнутых договоренностей. Активно используется в разрешении споров международный арбитраж, который от других методов отличается тем, что обладает юридической силой [5].

В урегулировании современных международных конфликтов велика роль посредничества. К посредникам прибегают в тех ситуациях, когда стороны не видят выхода из конфликта, не доверяют друг другу или вообще отказываются признать другую сторону. На долю посредников выпадает непростая задача найти пути примирения, несмотря на существующие разногласия конфликтующих сторон. Как показывает теория и практика конфликтов, посредники призваны:

– поощрять участников конфликтов к поиску взаимоприемлемых решений;

– выявлять и сопоставлять интересы и цели сторон для нахождения точек соприкосновения между ними;

– рассматривать варианты соглашений, выдвигаемых сторонами;

– предлагать компромиссы или формулировать собственные предложения;

- помогать сторонам "сохранять лицо" при выходе из конфликтной ситуации;

- осуществлять контроль за выполнением достигнутых договоренностей.

Одновременно к посредникам предъявляются серьезные требования относительно их профессиональных и личных качеств. Они должны быть компетентными и сведущими в причинах конфликта, обладать навыками переговорщика, быть влиятельными и авторитетными для сторон конфликта. И, понятно, посреднику необходимо соблюдать объективность и нейтралитет, не становиться на чью-либо сторону конфликта, быть заинтересованным в его урегулировании [5].

Традиционным методом урегулирования международных конфликтов являются переговоры. Как правило, они начинаются тогда, когда одна или несколько сторон конфликта приходят к выводу, что дальнейшие военные действия желаемых результатов не приносят, а цена их продолжения может быть неприемлемой. Переговоры инициируются или сторонами конфликта, или предлагаются извне. Они проводятся быстро и с однозначной выгодой для одной из сторон в случае капитуляции проигравшего государства или их коалиции, но чаще переговоры затянуты по времени и проходят несколько стадий. Наиболее типичными из них являются такие этапы, как договоренности сторон о согласии на переговоры, прекращение военных действий, начало и ход переговорного процесса, констатация результатов переговоров, реализация достигнутых результатов.

Переговоры могут использоваться и для урегулирования конфликта, и для его предупреждения. Уже находясь в состоянии конфликта, но опасаясь его дальнейшей эскалации, стороны путем частичных договоренностей (частичных переговоров) могут избежать наивысшего накала в развитии конфликтов, не решая его в принципе. Переговоры и подготовка к ним могут использоваться также как отвлекающий маневр для достижения иных целей, допустим, для того чтобы перевооружиться и пополнить свои силы. В целом же, основное предназначение политических переговоров – предотвращение политических конфликтов и урегулирование их в случае возникновения.

Существуют различные типы политических переговоров:

- по числу участников – двусторонние и многосторонние;

- на основании привлечения (не привлечения) третьей стороны – прямые и непрямые;

- по масштабу решаемых проблем – внутренние и международные;

- в зависимости от статуса участников – переговоры на высшем уровне (глав государств и правительств), на высоком уровне (на уровне министров), переговоры в рабочем порядке (между представителями организаций, движений, стран) [5].

Различны стратегии и тактики переговоров. В одних случаях стороны стремятся достичь максимальных результатов для себя, игнорируя интересы другой стороны. Для решения такой задачи используются приемы дезинформации противников о своих возможностях, в ход идут угрозы и ультиматумы, демонстрируется готовность прекратить переговоры и отказаться от предыдущих договоренностей и т. п. Такой стратегии нажима и неуступчивости противостоит стратегическая линия на поиск взаимоприемлемых решений. Диалог сторон, происходящий в подобной атмосфере, предполагает значительную степень открытости и доверия, движение к компромиссам, достижение таких решений, которые предполагают не только окончание конфликта, но и создание условий для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества.

В конце XX – начале XXI в. стали складываться новые тенденции в сфере международных переговоров, среди которых:

- переговоры становятся основной формой взаимодействия государств, тем самым воздействуя на дальнейшее уменьшение роли военного фактора;

- растет объем и количество переговоров, их объектами становятся все новые отрасли международного взаимодействия: борьба с терроризмом, изменение климата на планете, информационная безопасность и др.;

- в урегулировании конфликтов возрастает переговорная роль международных организаций на глобальном, региональном и локальном уровнях;

- в сферу переговоров вовлекаются специалисты, не имеющие профессиональной дипломатической подготовки, но обладающие знаниями в области новых технологий, космоса, кибернетики, финансово-экономических проблем, которые необходимы при анализе новых сфер взаимодействия между государствами;

- совершенствуется процесс управления переговорами на различных уровнях: от высшего государственного руководства до переговоров по вопросам, входящих в компетенцию рабочих групп.

Сегодня переговоры, отмечает П.А. Цыганков, становятся постоянным, продолжительным и универсальным инструментом международ-

ных отношений, что вызывает необходимость выработки "переговорной стратегии" [5].

В урегулировании международных конфликтов значимое место принадлежит межправительственным организациям универсального типа, прежде всего ООН. Для примирения сторон они используют институциональные механизмы коллективного характера, что придает им большую легитимность. Согласно Уставу ООН, всем странам – членам этой организации вменяется в обязанность до любого применения силы (за исключением необходимости законной обороны) использовать только мирные средства урегулирования. Статья 33 Устава ООН обязывает конфликтующие стороны сначала прибегнуть к одной из традиционных процедур урегулирования конфликта или же использовать механизмы, созданные для такой цели в рамках региональных соглашений, если таковые имеются. И лишь в случае провала такой инициативы стороны должны обратиться в Совет Безопасности ООН (ст. 37), имеющий право рекомендовать любой способ урегулирования, который считает наиболее целесообразным (ст. 36).

При использовании институциональных механизмов противников пытается примирить авторитетная международная организация. При этом традиционные способы урегулирования не отбрасываются, напротив, им придается еще больший вес в силу того, что они взяты на вооружение международным сообществом [5].

7.2. РОЛЬ МИРОТВОРЧЕСТВА В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Среди мер, которые применяются для урегулирования международных конфликтов в контексте институциональных процедур, особое значение имеет миротворчество, осуществляемое ООН, а также другими международными организациями и отдельными государствами. "Роль ООН в миротворчестве, – отмечает министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, – без преувеличения можно считать исключительной, поскольку организация явилась первооткрывателем и остается законодательницей на этом важном направлении деятельности мирового сообщества" [5].

В широком смысле миротворчество представляет собой комплекс политико-дипломатических, экономических, военных и других форм

и методов коллективных усилий по восстановлению мира и стабильности в регионе конфликта.

В узком смысле международное миротворчество – это система операций ООН по разрешению конфликтов, которые осуществляются от имени мирового сообщества. В основе миротворчества лежат принципы, изложенные в VI и VII главах Устава ООН: в VI главе речь идет о посредничестве и поддержке уже достигнутого мира, в главе VII – о возможности силового установления мира.

После Второй мировой войны на протяжении ряда лет миротворчество не имело широкого распространения. За время холодной войны было осуществлено всего несколько миротворческих операций под эгидой ООН. Началом миротворческой деятельности считается 1948 г., тогда Совет Безопасности ООН принял решение, утверждающее миссию для наблюдения за перемирием после первой арабо-израильской войны ("голубые береты"). В 1956 г. созданы первые чрезвычайные вооруженные силы ООН, которые были направлены на Ближний Восток в ходе Суэцкого кризиса ("голубые каски"). Функции миротворческих сил в те времена были ограничены и заключались не столько в поддержке мира, сколько в наблюдении за перемирием. Миротворцы были вооружены легким стрелковым оружием и в большинстве случаев ни имели права открывать ответный огонь. Позже в состав миротворческих операций стали включаться полицейские силы и гражданский персонал [5].

В 1990-х – начале 2000-х гг. миротворческая деятельность ООН заметно активизировалась и приобрела масштабный характер. В 1992 г. на чрезвычайном заседании Совета Безопасности ООН лидеры ряда государств обратились к Генеральному секретарю (Б. Бутросу-Гали) с просьбой внести предложения, цель которых – усиление влияния ООН в миротворчестве. В результате был подготовлен доклад "Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира", в котором изложены процедуры мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В структуре ООН в 1992 г. учрежден Департамент операций по поддержанию мира, в 2005 г. создана Комиссия по миростроительству – координирующее звено в усилиях по оказанию содействия странам, выходящим из "горячих" кризисов. За активную деятельность, связанную с миротворчеством, ООН в 1988 г. отмечена Нобелевской премией мира. Нобелевская премия мира в 2001 г. присуждена Генеральному секретарю ООН (Кофи Аннуну). В

2002 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила 29 мая Международным днем миротворцев.

Изменился подход к миротворчеству, ушло в прошлое время легко вооруженных миротворцев, совершавших пешее патрулирование вдоль линии прекращения огня. Нынешние миротворческие операции ООН становятся все более сложными и многоплановыми, в них применяется тяжелая техника, беспилотные аппараты, значительный контингент военных, полицейских и гражданских лиц. Всего за 70 лет миротворческой деятельности ООН, с 1948 по 2018 г., проведено более 70 профильных операций, в которых в общей сложности было задействовано более 1 млн. человек из 130 с лишним стран. Свыше 2800 миротворцев погибло при выполнении своего долга.

Британский исследователь Ч. Добби относит существующие формы миротворчества к пяти основным группам:

Предотвращение конфликтов (раннее предупреждение, разведка и наблюдение за разрастанием кризиса, стабилизирующие дипломатические меры и превентивное развертывание вооруженных сил).

Оказание гуманитарной помощи. Сюда включаются меры по спасению, охране, возвращению беженцев и перемещенных лиц, экономическая и социальная помощь гражданскому населению [5].

Операции военной поддержки. Они проводятся для обеспечения с помощью военной силы безопасных условий передачи власти под международным контролем от одних политических сил или органов другим, а также для реформирования вооруженных сил и формирований, участвовавших в конфликте, под задачи мирного времени. К этому же типу относятся полицейские операции по обеспечению законности и порядка.

Операции по демобилизации. Это действия по разъединению, отводу с боевых позиций, разоружению, насильственной демобилизации вооруженных формирований сторон, ранее участвовавших в столкновениях. Такие операции могут включать широкий социальный компонент по реабилитации, возвращению к мирным профессиям и социальным функциям бывших комбатантов.

Гарантии свободы передвижения или запрета на передвижение. В ситуации "расползания" конфликта приходится проводить блокирование внешних границ региона, или особых "зон безопасности". Нередко также необходимо решать противоположную задачу обеспечения свободного выхода из "горячего" региона беженцев и перемещенных лиц или их возвращения к местам постоянного проживания.

Современное миротворчество включает в себя:

- превентивную дипломатию, задача которой – не допустить разрастания конфликта до военной стадии. В этом аспекте осуществляются меры, предусматривающие установление причин конфликта, работу гражданских наблюдателей, обмен информацией, и в целом на восстановление доверия между сторонами;

- поддержание мира – операции небоевого характера, осуществляемые с согласия конфликтующих сторон и направленные на прекращение огня и разведения противоборствующих сторон. Может осуществляться путем развертывания миссий военных наблюдателей, создания буферных зон, действий миротворческих сил [5];

- принуждение к миру – боевые операции или угроза применения силы, для того чтобы сдержать воюющие стороны и заставить их перейти к миру. Рассматривается мировым сообществом как крайняя мера в комплексе преимущественно ненасильственных операций по урегулированию конфликтов, но такие мандаты предоставляются все большему числу миротворческих миссий;

- восстановление мира (непосредственно миростроительство) – деятельность, осуществляемая после завершения вооруженного конфликта и направленная на возвращение к мирной жизни [5].

Функции миротворческих сил ограничены мандатом ООН. Как правило, эти силы не могут быть введены без разрешения государства, на территорию которого направлены, иное будет восприниматься как вмешательство во внутренние дела. Однако операции в рамках "принуждения к миру" стали осуществляться и без согласия государств, в которых возник конфликт (Югославия, Ливия и др.). Состав вводимых сил и их действия не должны давать оснований для обвинений в том, что они занимают ту или иную сторону конфликта.

Современные операции ООН по поддержанию мира имеют развернутые мандаты, включают в свой состав военный, полицейский и гражданский компоненты. В их задачу входят:

- защита гражданского населения;
- помощь в создании национальных полицейских сил;
- контроль за соблюдением прав человека;
- проведение выборов;
- содействие в социально-экономическом восстановлении стран, пострадавших от конфликтов.

Миротворческие силы могут называться "чрезвычайными", "временными", "силами разведения", иметь различные мандаты, опреде-

ляющие сроки операций, допустимые средства достижения цели, включая тяжелые вооружения, военно-морские силы, авиацию [5].

Сроки проведения миротворческих операций продолжаются от нескольких месяцев до нескольких десятков лет. Например, операция ООН, развернутая вдоль линии прекращения огня между Индией и Пакистаном в штате Джамму и Кашмир, длится с 1949 г. Миротворцы на Кипре, решающие задачу поддержания мира и предотвращения столкновений между турками-киприотами и греками-киприотами, находятся на острове более 40 лет. Мандат на их пребывание продлевается каждые полгода.

Операции или миссии ООН по поддержанию мира во многих случаях способствовали урегулированию вооруженных конфликтов. Успехом завершились операции в Сальвадоре, Мозамбике, Камбодже, Восточном Тиморе, ряде других стран. Однако миротворцы не смогли предотвратить геноцид в Руанде, этнические чистки в Боснии и Герцеговине, провалом закончилась в 1993 г. операция в Сомали, вызвавшая гибель значительного числа людей, в том числе миротворцев из Пакистана и США.

Кроме ООН, миротворческой деятельностью занимаются другие международные организации, а также отдельные государства. В данной связи все чаще ставится вопрос о легитимности и эффективности разных типов "операций в пользу мира", организуемых различными субъектами международных отношений. Вместо единой практики миротворчества под эгидой ООН и по мандату ее Совета Безопасности существуют иные модели вмешательства в конфликты со стороны других стран или их коалиций. За последние 18 лет не менее 10 раз происходило (или по крайней мере начиналось) без санкции ООН вмешательство крупных государств и региональных организаций в военные конфликты. Самый показательный пример – 78-дневная бомбардировка силами НАТО Югославии в 1999 г. [5].

Со времени создания Североатлантического альянса и до середины 1990-х гг. блок не провел ни одной боевой операции, затем они стали следовать одна за другой: в Боснии – в 1995 г., Косово – в 1999 г., Македонии – в 2001 г., в операциях многонациональных сил в Ираке – в 2003 г., в Ливии – в 2013 г. Крупнейшая операция сил НАТО за пределами своей зоны ответственности была осуществлена в Афганистане, проводившаяся в рамках Международных сил содействия безопасности (МССБ). Она продолжалась с 2001 по 2014 г., в ней участвовали 133

тыс. военнослужащих из почти 50 стран мира, включая 90 тыс. солдат и офицеров США. После официального завершения операции по состоянию на начало 2017 г. американская военная группировка в количестве около 8,4 тыс. человек оставалась в этой стране.

Операции НАТО дополняются усилиями Европейского союза. Миротворческие миссии Европа проводит в том случае, когда НАТО как самостоятельная организация в них не участвует. В 2003 г. Евросоюз принял из "рук" НАТО полномочия по дальнейшему проведению операции в Македонии (операция "Конкорд"), в 2004 г. – по обеспечению безопасности в Боснии и Герцеговине (операция "Антея"). Однако у Евросоюза нет ни желания, ни возможности соперничать с НАТО. Обе организации могут дополнять друг друга, но не быть конкурентами. У НАТО серьезные военные возможности, неоспоримые преимущества в "жесткой" силе. Евросоюз обладает большим инструментом "мягкой" силы, прежде всего в сфере дипломатии, политики, экономики.

В 1973 г. наша страна подключилась к участию в международной Миротворческой деятельности, тогда 35 советских офицеров в качестве военных наблюдателей были направлены на Ближний Восток для прохождения службы в органах ООН по наблюдению за перемирием в Палестине. В 1992 г. впервые был задействован российский военный контингент в операции Сил ООН на территории бывшей Югославии. С этого же года Россия направляет в миротворческие миссии ООН и своих полицейских.

По мандату ООН российские миротворцы действовали в различных горячих точках. К примеру, в Косово размещался российский контингент численностью 1300 военнослужащих. Из их состава в ночь на 11-12 июня 1999 г. был совершен знаменитый 600-километровый маршбросок десантников на Приштину, которые заняли расположенный в его окрестностях международный аэропорт раньше натовской группировки и удерживали его до урегулирования ситуации [5].

В последние годы миротворческая деятельность России за пределами постсоветского пространства по мандату ООН снизилась. По размеру предоставленного в распоряжение ООН миротворческого контингента Российская Федерация в 2010 г. занимала 31-е место, в 2013 г. – 61-е место, в 2015 г. – 71-е место (72 миротворца в 9 миссиях). Кроме того, российский миротворческий контингент в составе почти 450 военнослужащих находится в Приднестровской Молдавской Республике, где обеспечивает миссию по поддержанию мира вместе с мирот-

ворцами из Молдовы, Приднестровья и военными наблюдателями из Украины. Как подчеркивает Н.И. Харитоновна, миротворческая операция на Днестре, одобренная ООН в 1992 г., уникальна, так как в ней участвуют все стороны конфликта. Более чем за 20 лет ее реализации в зоне безопасности не было ни одного столкновения с применением огнестрельного оружия. Приднестровье является единственным регионом в Восточной Европе, где после ввода миротворческого контингента военные действия были прекращены и не возобновлялись.

Существует мнение, что миротворческая деятельность России под флагом ООН ниже, чем она могла бы быть у великой державы. Но при этом не следует забывать, что Российская Федерация результативно задействовала свой миротворческий потенциал в ряде постсоветских республик:

- Абхазии (июль 1994 г. – август 2008 г.);
- Южной Осетии (июль 1992 г. – август 2008 г.);
- Приднестровье (июль 1992 г. – настоящее время.).

Кроме того, на протяжении многих лет Россия выступает как крупнейший поставщик авиауслуг, используемых ООН. Российские миротворческие операции осуществлялись как в составе миссий ООН и коллективных сил по поддержанию мира в СНГ, так и самостоятельно, на основе межгосударственных соглашений [5].

В ныне действующей Военной доктрине Российской Федерации подчеркивается важность участия России в миротворческой деятельности, в том числе имея в виду выдвижение представителей страны в руководящие структуры миротворческих миссий. Предпринят и ряд практических шагов. Для участия в международных миротворческих операциях сформирована 15-я отдельная мотострелковая бригада, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) созданы миротворческие силы общей численностью в 4 тыс. человек. Показательно, что ни одна международная организация, кроме ОДКБ, не имеет миротворческих сил на постоянной основе. По решению ее высшего органа – Совета коллективной безопасности – миротворческие силы могут быть задействованы прежде всего на территории государств-членов ОДКБ, но также и в других регионах.

Традиционную типологизацию выдвигает профессор Университета Вирджинии М. Нордквист. Он, в отличие от многих других американских авторов, является сторонником строгого ограничения операций рамками мандата ООН и выделяет четыре типа традиционных форм миротворчества.

Наблюдательные миссии. Их задача – наблюдать, устанавливать факты, контролировать выполнение соглашений, проверять, докладывать. Как правило, участники таких операций вообще не вооружены, но в отдельных случаях располагают базовыми средствами самообороны. Типичные задачи таких операций – контроль соблюдения прекращения огня и демаркационных линий, границ, подтверждение вывода или разоружения вооруженных формирований, мониторинг назревающих военных конфликтов, наблюдение за соблюдением прав человека и их нарушениями, наблюдательные миссии в ходе организации выборов, а также контроль соблюдения любых политических договоренностей и соглашений между сторонами конфликта [5].

Межпозиционные (разделительные) операции. Их задача – развести конфликтующие стороны. Чаще всего подобные операции применяются непосредственно после этапа вооруженной борьбы, поэтому миротворцы должны быть вооружены и по-военному организованы. Для таких операций обычно используются регулярные части и соединения, которые вводятся в "буферную зону" или "зону безопасности" между враждующими группировками. Поскольку задача разъединения должна быть решена быстро, нередко используются десантные войска. Разъединение позволяет резко снизить вероятность инцидентов вооруженной борьбы и создает благоприятные условия для переговоров сторон. Если переговоры удаются, разъединительная операция переходит в наблюдательную миссию.

Операции поддержки порядка в условиях переходных периодов. Это группа операций, предназначенных для стабилизации ситуации в период социальных катаклизмов, гражданских войн и постконфликтных периодов возвращения к нормальной мирной социально-политической жизни. Нередко такие операции проводят полицейские, а не армейские силы. Типовые задачи:

- контроль над действиями (и, возможно, разоружение) народных ополчений, добровольческих вооруженных формирований;
- сбор и конфискация оружия у населения;
- ликвидация незаконных арсеналов и складов оружия;
- организация институтов временного или постоянного гражданского управления;
- гуманитарная и экономическая помощь пострадавшим регионам;
- работа с беженцами;
- общее патрулирование и поддержание закона и порядка на ранее охваченных конфликтом территориях [5].

Предупредительное развертывание. Развертывание международных сил в районе потенциального конфликта применяется по просьбе правительства страны в целях предотвращения перехода конфликта в стадию вооруженных столкновений. Следует особо отметить, что речь идет о введении международных войск не вопреки, а в соответствии с политической волей государства, т.е. это легитимное вмешательство. Разновидностью превентивного развертывания является демонстрация силы, которая призвана подтолкнуть стороны к переговорам, поскольку станет ясна бесперспективность военной победы любой из сторон. Если речь идет о назревающем конфликте двух государств, то может производиться развертывание международных сил по обе стороны границы [5].

Список использованной и рекомендуемой литературы

1. Устав ООН [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения 11.09.2018 г.).
2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании "КонсультантПлюс". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения 11.09.2018 г.).
3. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт "Организации Договора о коллективной безопасности". URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения 11.09.2018 г.).
4. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. – М.: 2005.
5. Баранов Н.А. Курс лекций "Современная внешнеполитическая стратегия России и международные конфликты". Лекция 8. Международные конфликты и пути их разрешения [Электронный ресурс] // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/55-kurs-sovremennaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-rossii-i-mezhdunarodnye-konflikty/578-lektsiya-8-mezhdunarodnye-konflikty-i-putikh-razresheniya> (дата обращения 10.07.2018 г.).
6. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. – М., 2000.

7. Дипломатический словарь в трех томах. – 4-е изд., переработанное и дополненное. – М., 1984.
8. Карпович О.Г. Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами. // Политика и общество. – 2011. – №12.
9. Кременюк В.А. Современный международный конфликт: проблемы управления // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – № 1.
10. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1999.
11. Манойло А.В. Модели информационно-психологического управления международными конфликтами // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2010. – №2. – С.85-95.
12. Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами // Национальная безопасность. – 2011. – №4. – С.60-66.
13. Манойло А.В. Управление международными конфликтами: соотношение интересов и ценностей // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология, вып. 4. – С. 94-97.
14. Манойло А.В. Урегулирование и разрешение международных конфликтов // Мир и политика. – 2013. – С. 130-140.
15. Попов В. И. Современная дипломатия: Теория и практика: Курс лекций. Ч. 1: Дипломатия – наука и искусство / ДА МИД РФ. – М.: Научная книга, 2003.

Вопросы и задания

1. Что такое силовые и несиловые методы разрешения международных конфликтов? Как исторически детерминировано их применение?
2. В чем причина возрастания значения несиловых методов?
3. Какие исходы конфликта выделяет современная политическая конфликтология?
4. Оцените историческое значение Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. и принятых на них документов?
5. Какие виды посредничества в конфликте Вы знаете?
6. Какие функции посредника в конфликте?
7. Какие типы политических переговоров Вы знаете?

8. Какие тенденции в сфере международных переговоров стали складываться в конце XX – начале XXI в. и под воздействием каких факторов?

9. Рассмотрите роль ООН в миротворческих процессах.

10. Какие принципы, зафиксированные в Уставе ООН, лежат в основе миротворчества?

11. Какие миротворческие операции ООН Вы знаете?

12. Как классифицируют существующие формы миротворчества?

13. Что включает в себя современное миротворчество?

14. Что входит в задачу современных операций ООН по поддержанию мира?

Содержание

Предисловие -----	3
Глава 1. Теоретические основания изучения современных конфликтов -----	5
1.1. Политический конфликт с точки зрения социальных наук-----	5
1.2. Международные конфликты, их классификация-----	21
1.3. Особенности конфликтов XXI в., причины обострения-----	30
Глава 2. Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве -----	33
Глава 3. Современные конфликты в Европе -----	48
3.1. Североирландский конфликт-----	48
3.2. Истоки и сущность баскского конфликта в Испании-----	53
3.3. Валлоно-фламандский этнополитический конфликт в Бельгии-----	66
Глава 4. Современные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке -----	72
Глава 5. Конфликты в современной Африке -----	91
Глава 6. Современные конфликты в Азии -----	110
6.1. Современные конфликты в Южной Азии-----	110
6.2. Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии-----	115
6.3. Конфликты в Средней Азии и проблема гидроресурсов-----	126
Глава 7. Международные конфликты и пути их разрешения -----	138
7.1. Механизмы и процедуры урегулирования международных конфликтов-----	138
7.2. Роль миротворчества в разрешении конфликтов-----	144

Учебное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ
И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ:
ПРИЧИНЫ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

ГЕРМАН Роман Эдуардович,

*кандидат исторических наук, доцент,
ВРИО заведующего кафедрой исторических
дисциплин и методики их преподавания,
Ставропольский государственный
педагогический институт*

в авторской редакции

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**

Сдано в набор 21.11.2018. Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 9,65. Печ. л. 14,82. Тираж 50 экз. Заказ № 452.

Издательство «Ставролит», тел.: 8(962) 452-84-02,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru